Елена Чиркова

От золотого тельца до “Золотого теленка”

Елена Чиркова

От золотого тельца до “Золотого теленка”

Что мы узнаем из литературы об экономике и из экономики о литературе

издательство **АСТ**
Москва

УДК
ББК
Ч-

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Чиркова, Елена
Ч- От золотого тельца до “Золотого теленка”. Что мы узнаем из литературы об экономике и из экономики о литературе / Елена Чиркова. — Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2018. — 400 с.

ISBN

УДК
ББК

ISBN

©
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
© ООО “Издательство АСТ”, 2018
Издательство CORPUS ®

Содержание

Введение

Несколько слов о гармонии экономики и эстетики

11

Глава первая

“Не счесть жемчужин
в море полуденном”

Экономический трактат “Тысяча и одна ночь”

21

Глава вторая

“Я в плен попал,
и в рабство продан был...”

Работорговля в мировой литературе

35

Глава третья

“Хлопок правит миром”

Рабовладение и плантационное хозяйство в США XIX века

53

Глава четвертая

“Когда муж умирает, жене положено освободить родовое поместье”

Майорат в европейской литературе XIX века

69

Глава пятая

“Тюльпаны прекраснее всех цветов...”

“Голландская болезнь”

в романе Александра Дюма “Черный тюльпан”

83

Глава шестая

“С билетами всегда вы налегке, они удобней денег в кошельке”

Одна из первых попыток выпуска бумажных денег

в трагедии Гёте “Фауст” и “Персидских письмах” Монтескье

101

Глава седьмая

“Весь мир станет одной большой семьей, будет говорить на одном языке и верить в единого бога”

Железнодорожная лихорадка

в английской литературе середины XIX века

119

Глава восьмая

“Можно будет наживать миллиарды и миллиарды...”

Анатомия финансового пузыря в романе Эмиля Золя “Деньги”

133

Глава девятая

“Золото кормит, золото поит, золото нагишом водит”

Кто озолотился на золотых лихорадках?

149

Глава десятая

“На наличные деньги он берет рубль двадцать пять копеек, в долг — три рубля и целковый”

Ростовщики и их процентная ставка в мировой литературе

165

Глава одиннадцатая

От сумы и от тюрьмы...

Банкротство и долговая тюрьма в русской и английской литературе XIX века

189

Глава двенадцатая

“Из всех земных благ есть только одно, достаточно надежное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это... золото”

Ростовщики, жмоты, транжиры и долговая тюрьма у Бальзака

207

Глава тринадцатая

“Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне или воде”

Гибель “дворянских гнезд” в русской литературе XIX века

225

Глава четырнадцатая

“Закон — что конь:
куда надо — туда и вороти его”

Коррупция в русской литературе XIX века

241

Глава пятнадцатая

“Он считал недопустимым красть лишь
в том случае, если подобный акт стяжания
или наживы так и назывался — кражей”

Биография крупного американского дельца
в романе “Финансист” Теодора Драйзера

257

Глава шестнадцатая

Как обмануть миноритарных акционеров
и вызвать мощный финансовый кризис

Инструкции Эптона Синклера в романе “Дельцы”

271

Глава семнадцатая

“Умную гориллу можно
было бы натренировать...”

Автоматизация производства
и внедрение конвейера в начале XX века

289

Глава восемнадцатая

“Радио вместо фисгармонии”

“Ревущие двадцатые”
в английской и американской литературе

307

Глава девятнадцатая

“Счастье всегда нас ждет только завтра...”

Великая экономическая депрессия в творчестве Хораса Маккоя, Эрскина Колдуэлла и Джона Стейнбека

321

Глава двадцатая

“Около двух с половиной кило бумажных денег”

Гиперинфляция в Германии и Австрии глазами Ремарка, Цвейга и Канетти

343

Глава двадцать первая

“И по Москве вскоре загудел слух, что Чичиков — триллионщик”

Натуральный обмен и гиперинфляция в РСФСР в советской литературе

365

Глава двадцать вторая

“Жил на свете частник бедный...”

Атмосфера нэпа в советской литературе

381

Введение

Несколько слов о гармонии экономики и эстетики

Порой в романе можно обнаружить такое потрясающее описание экономических реалий и процессов, какого не встретишь и в научном тексте. Художественно-экономические книги — назовем их так — я бы поделила на три разряда. Первый — это книги-аллегории, в которых современный читатель без специальных знаний экономическое содержание никогда не выцепит, если ему не подсказать. Например, “Путешествия Гулливера” — это рассказ о Войне за испанское наследство между Англией и Испанией в начале XVIII века.

А, скажем, “Удивительный волшебник из страны Оз” Фрэнка Баума (1900), тот самый, что переписан в виде “Волшебника Изумрудного города” нашим Александром Волковым, представляет собой спор в аллегорической форме о том, какой денежный стандарт лучше: золотой или двойной, когда обращаются и золото, и серебро, — последний еще называют биметаллическим. Во второй половине XIX века американский доллар обеспечивался только золотом, что делало его очень сильным. Упрощенно говоря, укрепляющаяся валюта выгодна кредиторам, так как кредит не обесценивается, но не выгодна заемщикам, так как занятое отдавать тяжело. “Народные”

политики (тогда в США существовала Народная партия) ратовали за переход с золотого стандарта на двойной. Под дополнительное серебряное обеспечение предлагалось эмитировать новые бумажные деньги. Доллар бы чуть-чуть ослаб, но не обесценился резко, а фермерам — основным заемщикам в стране — стало бы легче.

Небогатый южанин Баум выразил эту идеологию в книге "Удивительный волшебник из страны Оз", которая писалась как детская сказка, но была нашпигована прозрачными для того времени намеками, понятными, правда, только взрослым. Желтая дорога — это золотое обеспечение доллара. Изумрудный город (зеленый, цвета купюры) — собственно деньги, способные реализовать любые мечты. Глупый Страшила — простодушные фермеры; Железный Дровосек, не имеющий сердца, — города с их промышленностью; Трусливый Лев — вожди Народной партии; маленький народец жевуны — несчастный рабочий класс; злая колдунья — олицетворение корыстных интересов бизнеса; а всемогущий волшебник, он же великий обманщик, — это президент США.

Потом выясняется, что Страшила отнюдь не дурак, Дровосек умеет любить, а Лев храбр как лев. И Изумрудный город — доллар — совсем не волшебен, это люди сами его таким считают, разглядывая сквозь зеленые очки. А городом заправляет не всемогущий волшебник, а обычный человек, но, поскольку от него ждут чудес, он вынужден надувать щеки и делать загадочные движения руками. Чтобы исправить положение, автор предлагает ввести в обращение серебро, которое зашифровано в сказке как серебряные башмачки[1].

На практике идея двойного стандарта не была реализована, но доллар удалось все же несколько ослабить. Приток в казну

1 Эти сведения приведены, например, в книге: Везерфорд Д. *История денег. Борьба за деньги от песчаника до киберпространства.* М.: Терра — Книжный клуб, 2001.

желтого металла с вновь открытых месторождений золота в Калифорнии и на Аляске позволил нарастить обеспеченную им денежную массу. Экономическое содержание сказки вскоре забылось, и в первой голливудской экранизации Дороти (у Волкова — Элли) носит уже рубиновые башмачки, ибо фильм был цветной и режиссер решил, что рубиновые будут эффектнее. И лишь доллар по-прежнему зеленый, хотя очки, приукрашивающие действительность, теперь называют розовыми.

■ ■ ■

Второй тип художественно-экономических текстов — когда автор стремится донести до читателя свои социальные взгляды, никак их не маскируя, а излагая в лоб, без трудночитаемых аллегорий, хотя действие книги может происходить и в вымышленном мире. Типичными примерами книг, где излагаются социальные воззрения, являются, например, утопии XVI–XVII веков: “Утопия” англичанина Томаса Мора (по заглавию этой книги стал называться и сам жанр) и “Город Солнца” итальянца Томмазо Кампанеллы.

Что-то похожее попытался сотворить и советский детский писатель Николай Носов в своей политизированной сказке “Незнайка на Луне” (1965). Мир земных коротышек, где родился Незнайка, — положительных героев, которые, видимо, скоро будут жить при коммунизме, — списан с города Солнца Кампанеллы. У Носова один из земных городов даже назван Солнечным. На Луне (населенной, естественно, лунными коротышками), куда судьба забрасывает Незнайку, — классический мир товарно-денежных отношений, узаконенная частная собственность и свобода предпринимательства, а мерило ценности человека — его капитал. “Образ врага” подан гротескно.

Но книжка не так проста, как кажется на первый взгляд. Среди земных коротышек, у которых нет материальных сти-

мулов к труду, полно тунеядцев: Пончик, Гунька, да и сам Незнайка, а лидер коротышек Знайка явно страдает диктаторскими замашками. Лунные коротышки — трудяги, ибо им есть к чему стремиться. В довершение всего победа коммунизма над капитализмом достигается только фантастическим путем, при помощи использования "новых технологий": земным коротышкам удается разрешить проблему редкости экономических благ за счет резкого увеличения производительности всех отраслей промышленности в результате использования невесомости и внедрения в агротехнику гигантских земных растений. Было ли это намеком на то, что "победа по очкам" невозможна?

Из этой же серии роман французских писателей Веркора и Коронеля "Квота, или Сторонники изобилия" (1966). В книге в сатирическом ключе обыгрывается кейнсианский метод повышения благосостояния народа за счет стимулирования спроса и критикуется общество потребления. В Тагуальпу — "небольшую североамериканскую республику, лежащую между Соединенными Штатами и Мексикой", прибывает мастер продаж Квота. Его методы продаж внедряются повсюду, затем додумываются до того, чтобы увязывать зарплату рабочих и сотрудников с тем, сколько товара они покупают, в результате общество начинает жить гораздо богаче. Только нужно ли это богатство, если у рабочих теперь по несколько телевизоров и машин? Внезапно оно утомляет людей, начинают гоняться за старыми, более добротными вещами, "к которым привязывались, как к доброму коню или верному слуге", и эта мода распространяется с быстротой эпидемии гриппа. Цены на старые автомобили достигают фантастических высот. Такое поведение потребителя — подрыв благосостояния, а власти о нем пекутся: "Были изданы строгие законы, чтобы в корне пресечь эту опасную моду. Для нарушителей устанавливалась возрастающая шкала наказания, начиная с небольшого штрафа и кончая

заключением в тюрьмах для рецидивистов, а для упорных спекулянтов — даже каторжные работы". Грань между экономическим принуждением и тоталитаризмом тонка.

В предисловии к роману авторы рассказывают историю его создания. Замысел пришел к одному из них в 1939 году. Коронель, работая в крупной фирме в США, узнает о новом методе продажи автомашин: самого нерешительного покупателя чуть ли не с помощью гипноза заставляли сделать покупку. Уже после войны по заказу нью-йоркского издателя Веркор и Коронель пишут роман: издатель уверяет, что "такой роман жизненно необходим американскому читателю".

■ ■ ■

И наконец, третий тип книг с экономическим содержанием. Это собственно художественные произведения, а не закамуфлированные трактаты. Просто их авторы умеют наблюдать экономическую жизнь общества, ухватывают финансовые коллизии и наделены даром отразить это в художественном тексте, да так, что порой и у экономистов лучших описаний существа дела не найдешь. А еще экономическими бывают сказки!

В эссе "Библиотека всемирной литературы" (1927) великий немецкий писатель Герман Гессе писал о том, что бы он подумал о владельце "идеальной" библиотеки, в которой по два романа Бальзака и Диккенса, если бы такового встретил: "Довольно неплохое собрание, сплошь проверенные вещи, но разве нет у владельца никаких увлечений, предпочтений, пристрастий, разве в сердце его нет ничего, кроме нескольких книг по истории литературы? Если у него, к примеру, есть лишь по два романа Диккенса или Бальзака, то, значит, ему их навязали. Если бы он выбирал действительно лично и свободно, то он или любил бы обоих авторов и имел бы как можно больше книг того и другого, или предпочел бы одного из них,

куда бы больше, к примеру, любил милого, доброго, прелестного Диккенса, чем грубоватого Бальзака, или, напротив, любил бы Бальзака, хотел бы иметь все его книги и выбросил бы из библиотеки слишком сентиментальные, слишком добродетельные, слишком обывательские книги Диккенса".

Как экономист я отношусь как раз к первому разряду людей — люблю того и другого, ибо оба они прекрасно описывают экономические явления. И об их текстах мы здесь и будем говорить подробно.

Еще Шекспир предупреждал, что для притока денег в страну надобно иметь благоприятный климат — инвестиционный, конечно же. Эптон Синклер разложил по полочкам способы миноритарных акционеров начала XX века, с успехом используемые и в наше время. Теодор Драйзер рассказал, как на связях с государственными органами делаются олигархические состояния. Петр Боборыкин увидел и представил в романе "Китай-город" зарождавшийся в конце XIX века слой "новых русских" практически в малиновых пиджаках. Островский живописал последствия жизни в кредит, а Чехов в "Вишневом саде" и вовсе показал подноготную современного ипотечного кризиса.

В некоторых книгах можно найти лишь отдельные приметы экономики описанного времени, но и они крайне ценны. "Крестьяне забросили плуги, оделись в шелка, их прежде мозолистые руки стали мягкими", — пишет Сервантес в "Дон Кихоте" (1613). Это отражение "ресурсного проклятия", обрушившегося на Испанию после завоевания Латинской Америки в 1520–1530-х годах. На страну посыпался золотой и серебряный дождь: в XVI веке из Нового Света в Испанию было переправлено столько золота и серебра, что в конце столетия запас этих металлов превысил уровень 1492 года в пять раз. Страна практически перестала производить что-либо сама: пять шестых всего объема грузов, отправлявшихся из Испании

в ее американские колонии, — это товары иностранного происхождения. Почти весь золотой запас тратился на покупку во Франции предметов роскоши. Франция как их производитель поднимается именно за счет испанского спроса (и сохраняет это место в мировом разделении труда по сей день). Что касается испанцев, то после 1610 года резко идет на убыль золотой, а после 1630-го и серебряный поток. Страна теряет и господство на море — оно переходит к голландцам, а затем к англичанам. В экономическом отношении Испания оказывается европейским аутсайдером.

Жизнь героини повести Гоголя "Старосветские помещики" (1835) помещицы Пульхерии Ивановны состоит "в беспрестанном отпирании и запирании кладовой, в солении, сушении, варении бесчисленного множества фруктов и растений". "Ее дом был совершенно похож на химическую лабораторию. Под яблонею вечно был разложен огонь, и никогда почти не снимался с железного треножника котел или медный таз с вареньем, желе, пастилою, деланными на меду, на сахаре и не помню еще на чем. Под другим деревом кучер вечно перегонял в медном лембике водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки… Всей этой дряни наваривалось, насоливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, она потопила бы наконец весь двор…" Почти все необходимое производится внутри имения, на базар помещики ездят крайне редко. Это описание натурального хозяйства — и отсталости экономики Российской империи в первой третий XIX века, задушенной крепостным правом.

А помните, как начинается "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда" (1886) Роберта Льюиса Стивенсона? Некий мужчина сшибает на улице девочку лет девяти, хладнокровно наступает на нее, упавшую, и даже не оборачивается на ее громкие стоны. Разъяренная толпа "выбила" из "са-

мого Сатаны" 100 фунтов[1]. Он дошел до какого-то дома, вынес 10 гиней[2] и чек на "банк Кутса"[3], выданный на предъявителя и подписанный известными именем, на остальную сумму. Все это происходит в четыре утра. Тут же возникло подозрение, что чек — фальшивка и нужен, чтобы скрыться, пока банки закрыты, но виновник происшествия — а это был, разумеется, мистер Хайд — предложил дождаться утра и лично обналичить чек. К удивлению рассказчика, свидетеля происшествия, чек оказался самым настоящим. Чек на предъявителя здесь не случаен, ведь Хайд скрывает свою личность (у него даже фамилия говорящая: от английского hide — скрывать). Чуть позднее, будучи в Англии, чеками воспользуется граф Дракула в "Дракуле" (1897) Брема Стокера. Стокер и Стивенсон рассказывают нам, что в последней трети XIX века англичане обзавелись чековыми книжками: это удобно и им, и банкам[4].

Если поглубже вникнуть в цифры, приводимые Томасом Манном в "Будденброках" (1896–1900), то можно подсчитать среднюю доходность капитала их семейной фирмы, которая с учетом потерь в отдельные годы окажется не так уж велика даже в лучшие времена. Это заставит задуматься, так ли уж неправ второй муж Тони Будденброк — господин Перманедер, который, женившись на Тони, изъял свой капитал из мюнхенской пивоварни и вложил в арендную недвижимость (доходность которой тоже можно подсчитать). А ведь тот факт, что

1 11 800 фунтов на нынешние деньги.

2 Гинея была чуть дороже фунта.

3 Респектабельный банк, услугами которого пользовалась сама королева.

4 Подробно экономическое содержание романов Стивенсона и Стокера — правда, с фрейдистских позиций — разбирается в книге: HOUSTON G. *From Dickens to Dracula.* — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Кстати, Гейл Хьюстон считает, что "Дракула" — морализаторский (это слово мое. — *Прим. Е. Ч.*) экономический роман. В нем показано, как умный Дракула, который понял, что деньги в виде золота, если они лежат мертвым грузом в подвале замка, а не участвуют в обороте, ничего не производят, и подался в Англию, где можно было активно участвовать в экономической жизни. Чем Дракула и занялся, скупая дома. В этом смысле роман Стокера можно отнести к тому же типу книг, что и "Удивительный волшебник из страны Оз".

Перманедер не деятелен и предпочитает жизнь рантье, — одна из претензий Тони к мужу, которые и вынуждают ее с ним расстаться. Дело, кажется, не в процентах. Быть предпринимателем — престижно и модно, это вызывает уважение, а лежать на боку (в романе — пропадать в пивном заведении каждый вечер) и снимать сливки с капитала, ничего не делая, — нет.

■ ■ ■

Разумеется, ни Сервантес, ни Стивенсон, ни Чехов не задумывались об "экономическом содержании" своих произведений — для них оно было неотъемлемой частью, одним из слоев той жизни, о которой они писали в своих романах, рассказах, пьесах.

Читатели иногда морщатся, встречая в великих книгах рассуждения о ставках по кредиту, облигациях или долговых расписках, которые так контрастируют с тонкими лирическими зарисовками или описаниями душевных переживаний героя, спешащего с топором под пальто на свидание со старухой-процентщицей.

Но я убеждена, что внимание к этим деталям не только углубляет наше понимание образов Растиньяка или Раскольникова, но и делает по-настоящему полноценным эстетическое наслаждение, которое мы получаем от погружения в многослойный мир литературы.

Напоследок скажу, что я собирала для этой книги материал много лет. Составление одного только списка художественных произведений — огромная работа. Какие-то тексты очевидны, какие-то подсказали филологи, на что-то указали в своих работах те западные ученые, кто занимается новым научным направлением: экономической критикой художественных текстов, — довольно много отсылок к художественной литературе попались мне в сугубо экономических работах. Эта

книга — моя третья попытка высказаться на тему экономического содержания художественных произведений. Первой была “История капитала от «Синдбада-морехода» до «Вишневого сада». Экономический путеводитель по мировой литературе”, вышедшая в 2011 году. Затем главы этой книги превратились в серию статей в журнале “Коммерсантъ-Деньги”. Новая версия книги объединяет все лучшее из предыдущей книги и статей. И она существенно объемнее: добавились как новые художественные тексты, так и новые экономические комментарии. Насколько мне известно, на сегодняшний день моя книга охватывает самый широкий круг литературных источников по сравнению с книгами подобного жанра. Но я нескромно надеюсь, что читатель оценит ее не только за это.

“Не счесть жемчужин в море полуденном”

Глава первая

Экономический трактат “Тысяча и одна ночь”

“Сказка ложь, да в ней намек…” — утверждает русская пословица. И не только намек. Например, из сказок можно много чего почерпнуть об экономической жизни общества. “Тысяча и одна ночь” в этом отношении — настоящая библия. На нее как на источник информации о средневековой торговле ссылается, например, выдающийся французский историк материальной цивилизации Фернан Бродель в “Играх обмена” — одной из книг своего фундаментального трехтомника “Материальная цивилизация, экономика и капитализм” (1979).

Большинство исследователей сходится в том, что у “Арабских ночей” коллективный автор, самые ранние сказки были созданы в Персии и Индии и переведены на арабский в VIII веке, постепенно к ним добавлялись новые и новые истории, уже местного происхождения. Первое упоминание современного названия книги на арабском относится к XII веку, а дописывание ее продолжалось вплоть до XVII столетия, когда сказки начали переводиться на европейские языки.

Действие рассказов Шехерезады по большей части происходит в двух важных центрах средневекового арабского мира — в Багдаде и его порту-сателлите Басра в конце VIII —

начале IX века, во время правления халифа Гаруна-аль-Рашида, и в Каире и его порту Александрия в более позднее время.

В VIII–XII веках от Пиренеев до истоков Инда — на территории арабского халифата Аббасидов — существовало единое экономическое пространство, сохранившееся и после распада халифата в X веке. Ибн Баттута, арабский путешественник и странствующий купец родом из Магриба, объездивший всю Азию и Африку (правда, на несколько веков позже), с удивлением констатировал, например, что на западном и восточном полюсах Арабского Востока базары даже выглядят одинаково.

Путешествия вроде того, какое совершил Баттута, были в порядке вещей. Дервиш-оборотень, который в сказке "Аладдин и волшебная лампа" охотится за лампой, прибыл в Персию, где живет Аладдин, аж из Магриба, а это 5 тыс. км — месяца три пути!

■ ■ ■

В "сказочные" времена арабами были монополизировали экономические связи между производящим Востоком (Индией, Китаем) и потреблявшей Европой, напрямую с которой торговала только граничившая с нею Византия. Арабские купцы плавали на Восток до Цейлона уже в I веке до н. э., а к VI веку н. э. установили фактическую монополию на торговлю с Китаем. Сделали это малой кровью — просто европейцы надежного способа добраться в Китай пока не нашли. Эти 10 тыс. км были самым длинным морским торговым путем в мире — неким морским аналогом Великого шелкового. Он занимал около 120 дней. Умножьте это на два и добавьте месяц-другой на сбыт товара в Китае и тамошние закупки — типичная экспедиция на Восток могла занимать почти год. Арабская монополия в мировой торговле сделала Багдад самым важным коммерческим центром в мире.

"Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне аленький цветочек…" — просит купца младшая дочь в сказке Сергея Аксакова. Все перечисленное, кроме цветочка, — предметы роскоши. Арабы везли золото, слоновую кость, алмазы из Индии, шелк и фарфор — из Китая, и это тоже предметы роскоши. Почему же морская торговля сосредоточилась именно на них?

Существенным ограничением ассортимента товаров являлся тоннаж средневековых судов. Согласно исследованиям известного историка Жака Ле Гоффа, даже в XIV веке общий тоннаж венецианского флота не превышал 40 тыс. тонн, то есть был в семь-восемь раз меньше вместимости одного современного нефтяного супертанкера. Кроме того, затраты на транспортировку товаров были очень велики, а риски торговых экспедиций — колоссальными. Длительные путешествия означали медленную оборачиваемость капитала и необходимость надолго замораживать большие суммы. Все это должно было окупаться за счет накруток[1], а большую наценку на стоимость товаров первой необходимости не сделаешь.

А откуда спрос? Почему в Средневековье в жарких арабских странах покупали северные меха, а в холодной Европе — китайский шелк? Потому что это статусные товары, наличие которых у владельца подчеркивало его высокое социальное положение. Крупнейшими потребителями шелковых тканей и других предметов роскоши с Востока были европейские королевские дворы и католическая церковь.

Производилась же роскошь в Азии. В IX–XIII веках страны Европы, за исключением Византии и мусульманской

1 Чтобы получить 100 % годовых на капитал, который оборачивается за год 10 раз, на одном цикле достаточно зарабатывать 10 %, а если он за год оборачивается только раз — в 10 раз больше.

Испании, служивших мостами между Западом и Востоком, были периферией цивилизованного мира. Экономическая мощь — на стороне Востока. Согласно подсчетам британского экономиста Ангуса Мэдисона, в 1000 году в Западной Европе ВВП на душу населения составлял около 90 % от уровня Азии (без учета Японии), но доля Европы в мировом валовом продукте составляла всего около 9 %, а Азии — примерно 68 %.

Арабское доминирование в морской торговле растянется на 500 лет. В XIII веке Китай оккупируют монголы, которые не придумают ничего лучше, чем поднять портовые сборы для заходящих кораблей. Восточная торговля замрет, арабские купцы начнут встречаться с китайскими на нейтральных территориях — на Цейлоне или в Малайзии. А в 1448 году португальский мореплаватель Васко да Гама обогнет мыс Доброй Надежды и обнаружит путь из Европы в Индию. Он высадится на территории современного штата Гоа, захватит арабские суда и безжалостно расправится с пленниками — покажет, "кто теперь кто". Так наступит конец господству арабов в торговле между Востоком и Западом, но это случится несколько веков спустя.

■ ■ ■

Мы можем многое узнать о том, что составляло предмет заморской торговли, которую вели арабы, по описаниям городских рынков в "Тысяче и одной ночи"[1]. В медном городе ("Повесть о медном городе") их пять. На главный городской ходят местные за снедью; на рынке менял конвертируют валюту — меняльные лавки полны золота и серебра; есть еще три специализированных оптовых: на рынке драгоценных камней прода-

1 Более подробный анализ описания базаров см.: Özveren E. *Bazaars of the Thousand and One Nights* // The European Journal of the History of Economic Thought. 2007. V. 14. № 4. P. 629–655.

ются жемчуга и яхонты, на шелковом — "разноцветные шелка и парча, затканная червонным золотом и белым серебром", на рынке москательщиков — благовония (мускус, амбра, алоэ, камфара).

В мусульманских странах крупной отраслью торговли была торговля рабами из Европы, Индии и особенно из Африки. О размахе работорговли свидетельствует сообщение арабского географа IX века аль-Истахри: один персидский купец во время летнего рейса в 936 году привез из Африки 12 тыс. рабов. Важнейшим каналом поставки рабов были караванные пути от побережья Средиземного моря через Сахару вглубь Африки. По современным оценкам, африканские государства Гана, Мали и др. с X и вплоть до XIX века отправляли с караванами до 7 тыс. рабов ежегодно.

Белые рабы поступали из крупных западноевропейских перевалочных пунктов, которыми в IX–XI веках служили Магдебург, Мекленбург, Прага, шведская Бирка, остров Готланд в Балтийском море, Хедебю (Дания) и Марсель, специализировавшийся на торговле невольниками из Англии.

Славяне и рабы других народностей, обитавших на территории бывшего СССР, в основном "экспортировались" через Хазарский каганат в низовьях Волги. Посредниками служили сначала варяги, затем венецианские купцы.

Большая часть африканских рабов сбывалась на рынках Александрии, Кайрувана (Тунис) и Тлемсена (Алжир). По свидетельству персидского писателя Низами Арузи Самарканди, в афганском городе Балх в XII веке существовала целая улица торговцев рабами.

В "Тысяче и одной ночи" невольничьи рынки встречаются повсюду. В "Рассказе о двух визирях и Анис-аль-Джанлис", когда на рынок "сошлись все купцы", он "наполнился невольницами всех родов: из турчанок, франкских девушек, черкешенок, абиссинок, нубиянок, текрурок, гречанок, татарок, грузинок

и других". В "Сказке о Нур-ад-Дине и Мариам-кушачнице" продают рабыню из франков, дочь "эмира" европейского города, предположительно Марселя. За "гейшу" просят 10 тыс. динаров — стоимость 40-килограммового золотого слитка, и ее владелец клянется, что эти деньги "не покроют стоимости цыплят, которых она съела, и напитков, и одежд, которыми она наградила своих учителей, так как она изучила чистописание, и грамматику, и язык, и толкование Корана, и основы законоведения и религии, и врачевание, и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах". В "Сказке о рыбаке Халифе" простая рабыня стоит 100 динаров, красивая — 1000, а цена сведущей во всех науках, искусствах и ремеслах тоже доходит до 10 тыс.

Диковинные подробности семи странствий Синдбада-морехода заимствованы составителем "Тысячи и одной ночи" из различных арабских "дорожников" IX–XIII веков. Сказка сообщает нам, куда плавали багдадские купцы и чем торговали. Так, во втором плавании Синдбад оказывается на острове, земля которого "из камня алмаза", и речь, по всей видимости, идет о знаменитой цейлонской "долине алмазов". Из этого же путешествия он привозит камфару и носорожью кость. В реальном мире камфарным маслом и костью, правда слоновой, можно было разжиться у индийских купцов. Из следующего путешествия герой возвращается с большим количеством "разных ожерелий, драгоценных камней, жемчужных цепочек и украшений из серебра и золота, отделанных разными металлами и редкостями". В шестом отважный мореплаватель снова раздобывает драгоценные камни и амбру в придачу.

В пятом путешествии Синдбад грузится на корабль, который проходит мимо нескольких островов — на одном произрастают корица и перец — и прибывает к "жемчужным ловлям", и там Синдбад выменивает жемчуга. Жемчужный промысел — скорее всего, в Индии, где добыча жемчуга велась

организованно, в ней было задействовано несколько десятков тысяч ныряльщиков: "не счесть жемчужин в море полуденном" — это из арии индийского гостя в опере Римского-Корсакова "Садко" о странствованиях русского купца. Остров специй — возможно, Занзибар, который арабские купцы регулярно посещали с 1-го тысячелетия н. э., используя для передвижения по Индийскому океану муссоны, и где уже в X веке возникло городское поселение с каменными строениями, в котором купцы начали селиться — остров был удобен как промежуточная торговая база.

В последнем, седьмом путешествии Синдбад прибывает в "город Китай", а там корабль настигает порывистый ветер и сильный дождь. Капитан в страхе, он развязывает мешок из хлопчатой бумаги, высыпает оттуда порошок, похожий на мел, смачивает водой и нюхает, чтобы прийти в себя. Наркотики действительно в те времена производили в Китае!

■ ■ ■

Кроме географии плаваний и "товарной номенклатуры" "Синдбад-мореход" прекрасно описывает экономику заморской торговли тех времен: колоссальный риск и соответствующая ему высокая рентабельность операций. Основные риски "заморской торговли" были таковы: судно могло попасть в шторм и разбиться о скалы, сесть на мель, быть атаковано морскими пиратами (в те времена и в тех краях это были в основном вьетнамцы), сбиться с пути, а люди — погибнуть без воды и пищи. Выкосить людей могла и эпидемия. Товар мог испортиться, его могло смыть за борт во время шторма.

В сказке Синдбад сталкивается практически со всеми известными рисками морской торговли. В каждом плавании с мореходом и его "коллегами по цеху" случается какая-то напасть: то товар теряется, то обезьяноподобные люди нападают

и отбирают все, то купцы гибнут "от боли в животе из-за морской воды", то корабль мотает так, что он "видит дно", то ветер разбивает судно о скалы. А купец — герой "Повести о царе Омаре ибн ан-Нумане", — возвращаясь из Индии в Багдад, подвергается нападениям курдов.

О доходности, которую приносили вояжи Синдбада, можно судить по его загулам после странствий и по приросту его капитала. Стартовый составил всего "три тысячи дирхемов", или 300 динаров, стоимость трех плохоньких рабынь. Рентабельность торговли такова, что, вернувшись в Багдад из первой "ходки", Синдбад покупает себе "слуг, прислужников, невольников, рабынь и рабов", накупает "домов, земель и поместий", сорит деньгами направо и налево — "развлекается наслаждениями и радостями, и прекрасной едой, и дорогими напитками". Возвратившись в родной город из второго путешествия, Синдбад опять принимается кутить: "раздавать милостыню, дарить и оделять, делать подарки всем своим родным и друзьям и начинает хорошо есть, и хорошо пить и одеваться в красивые одежды". В третьем походе успешный коммерсант "нажил столько денег, что их не счесть и не исчислить". После шестого мирового турне Синдбад едет в Багдад, преподносит дары халифу, а тот оказывает ему "великое уважение". К этому времени он уже снаряжает собственные корабли.

Купцы постоянно в движении. В "Повести о царе Омаре ибн ан-Нумане" один из них "уже около двадцати лет как углубился в чужие страны". Очень длительными были и путешествия Синдбада, последнее заняло аж 27 лет, правда, герой успел жениться и пожить на чужбине. Это тоже может быть правдой.

Аль-Истахри сообщает, что жители Сирафа (прибрежные районы Омана, откуда стартовали многие экспедиции на Восток) и побережья предпринимают морские путеше-

ствия, и среди путешественников есть такие, кто проводит время своей жизни на корабле: “Один житель Сирафа так привык к морю, что около 40 лет не спускался с корабля. Всякий раз, как он приближался к суше, он заставлял своих сотоварищей сходить на землю, дабы выполнить его дела в следующем городе. Если на судне обнаруживались щели и трещины и оно нуждалось в починке, тогда он переходил с того судна на другое”. Именно непрерывным движением аль-Истархи объясняет богатство купцов — “состояние иного достигает четырех миллионов динаров”.

■ ■ ■

Купечество — это привилегированный слой. Когда в одной из сказок Маруф-башмачник переезжает из Каира в другой город, где его никто не знает, и превращается в купца, он одалживает крупные суммы в ожидании каравана, который якобы должен прийти вслед за ним. Деньги эти столь велики, что местные охотно верят, будто Маруф — богач похлеще самого местного царя, хотя никаких доказательств этому нет и все его впервые видят. Маруфа разоблачают так: одолженное он раздает как милостыню, а купцы, по мнению местных, не бывают щедрыми, “у них ткани годами лежат, купцы выжидают, чтобы продать их с прибылью”. Действительно, в седьмом путешествии Синдбада шейх, зазывающий его на рынок, чтобы продать лодку морехода из сандалового дерева — последнее, что у него осталось после всех перипетий странствия, обещает, что, если лодка не принесет того, чем бы Синдбад был доволен, он будет держать ее в своей кладовой “до тех пор, пока не придут дни для купли и продажи”.

В сказках описано и то, как на рынках торгуются за уникальный товар. Зачастую это аукцион, который организует местный зазывала. Через аукционные торги продаются все

невольники и невольницы. Таким способом Синдбад и продает свою лодку — сходятся купцы и начинают набавлять за нее цену, а потом "перестают набавлять". В этот момент на авансцене появляется шейх, заявляет, что "такова цена твоего товара в дни, подобные этим", и интересуется, продаст ли Синдбад лодку сейчас или станет ждать, пока не придет "время увеличения ее цены". Синдбад оставляет решение за старцем. Тогда шейх предлагает ему 100 динар золотом сверх того, что дали за лодку купцы: оказывается, шейх сам хотел лодку, а аукцион был нужен, чтобы показать, что он не собирался обманывать гостя и готов был платить рыночную цену.

Из рассказов Шехерезады видно, что на Арабском Востоке были развиты финансовые инструменты, обслуживающие торговлю. Начинающим купцам, если они представляются честными людьми (а это зачастую определяется по репутации отца), охотно дают взаймы не только родственники, но и чужие люди, даже без процентов. Рабыню можно купить в рассрочку. Циркулируют векселя, правда, они могут оказаться необеспеченными. В "Рассказе о двух визирях..." продающего рабыню предупреждают, что покупатель собирается "кинуть" его при помощи такого векселя: он "напишет тебе бумажку с переводом на кого-нибудь из своих управителей, а потом пошлет к ним, вслед за тобою, человека, который им скажет: «Не давайте ему ничего». И всякий раз, как ты пойдешь искать с них, они станут говорить тебе: «Сейчас мы тебе отдадим», — и будут поступать с тобою таким образом один день за другим... Когда же им наскучат твои требования, они скажут: «Покажи нам бумажку», — и возьмут ее у тебя и порвут".

Еще в арабских сказках находим поддержку идеи о том, что арабское доминирование в торговле привело к упадку кустарной промышленности в самом халифате: арабы служили по-

средниками между Востоком и Западом, не экспортируя практически ничего собственного изготовления.

Эффект умирания одних отраслей экономики из-за сверхприбыльности других экономисты называют ресурсным проклятием. Считается, что от него пострадали Португалия и Испания во время их господства на море в XV–XVI веках, современный Афганистан, где выращивание мака привело к тому, что перестали сеять пшеницу. Многие думают, что оно есть и у современной России: рентабельная нефтедобыча убивает необходимость в развитии других секторов экономики.

Чем заняты герои "Тысячи и одной ночи", кто они по должности или профессии? Полно эмиров, халифов, царей и визирей, их слуг, еврейских менял, арабских и персидских купцов — каждый немного купец. Тучи невольников и невольниц. Есть врачи, портные, цирюльники и один уборщик на скотобойне ("Рассказ о чистильщике и женщине") — эти, выражаясь современным языком, заняты в секторе услуг, а услуги не являются предметом экспорта-импорта. Если встречается ювелир, то это хозяин ювелирной лавки. Из занимающихся "производством" попались рыбак (в "Сказке о рыбаке Халифе"), но ловля рыбы — это еще не ремесло, а промысел, да и рыба только для местного рынка; кузнец ("Рассказ о кузнеце"), о котором сообщается одно — когда он "кладет руку в огонь", чтобы взять кусок раскаленного железа, "огонь не переходит на его руку"; и один башмачник, который лишь починял обувь, то есть работал в сфере услуг, да и то быстро надоело ему это дело, и он тоже заделался купцом. Где же кустари-ремесленники? Может, сказителям они неинтересны? Нет, просто все производство в те времена было сосредоточено в Византии, Индии и Китае.

С утратой доминирования в восточной торговле в арабском мире наступил экономический упадок. Примерно та-

кой, как описывает Пушкин в “Путешествии в Арзрум” (1829): “Не знаю выражения, которое было бы бессмысленнее слов: азиатская роскошь. Эта поговорка, вероятно, родилась во время крестовых походов, когда бедные рыцари, оставя голые стены и дубовые стулья своих замков, увидели в первый раз красные диваны, пестрые ковры и кинжалы с цветными камушками на рукояти. Ныне можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы. В Арзруме ни за какие деньги нельзя купить того, что вы найдете в мелочной лавке первого уездного городка Псковской губернии”.

“Я в плен попал,
и в рабство
продан был…”

Глава вторая

Работорговля в мировой литературе

В комедии Грибоедова “Горе от ума” свояченица Фамусова старуха Хлестова держит в служанках девочку-арапку. Она привечает Антона Антоновича Загорецкого — того самого, кто способствовал распространению слуха о помешательстве Чацкого, “лгунишку”, “картежника” и “вора”, — за умение раздобыть любую диковину, Хлестовой и ее сестре он “двух арапченков на ярмарке достал”. В те годы богатые баре для забавы обзаводились дорого ценившимися людьми черной расы. Традиция старая и не только российская.

В “Арапе Петра Великого” Пушкина описана судьба прадеда поэта, африканца Ибрагима Ганнибала, который был пленен турками, попал в султанский сераль[1] в 1705 году и годом позже был освобожден и привезен в Москву дипломатом Саввой Рагузинским, выполнявшим, кроме прочего, поручение Петра I по доставке в Россию из Турции мальчиков-арапов. Ганнибал был подарен Петру.

У Пушкина арапчонок, родившийся “под пятнадцатым градусом”[2], “роду не простого”: он “сын арапского салтана”,

1 Сераль — дворец правителя в мусульманских странах.

2 Эта широта пересекает современные Сенегал, Мавританию, Нигер, Чад, Судан, Эфиопию.

которого взяли в плен "басурмане", "в Цареграде" (Константинополе) продали, "а посланник выручил". Впоследствии "старший брат арапа приезжал в Россию с знатным выкупом".

Шекспировский Отелло, мавр на службе у Венецианской республики, правитель Кипра, получивший, как он уверяет, "жизнь и бытие от людей царского рода", — беглый раб. Однажды он "в плен попал, и в рабство продан был, и спасся из неволи". Когда при подстрекательстве Яго он совершает свое страшное преступление, его снимают с должности наместника на Кипре и тут же вспоминают, кем он был когда-то:

Что до раба
До этого, он будет предан казни,
Какую только можно изобресть,
Чтоб долго мучить и убить не скоро.

Дюма-отец в "Графе Монте-Кристо" подчеркивает статус главного героя не только его неисчерпаемыми богатствами, но и наличием невольницы, ведь "во Франции — это положение". Монте-Кристо утверждает, что однажды просто "проходил по константинопольскому базару и купил ее" — принцессу Гайде Тебелин, дочь преданного и убитого правителя Янины[1].

Рассказ графа вполне правдоподобен. В 1869 году Марк Твен опубликовал книгу путевых заметок "Простаки за границей", в основу которой легли его впечатления от Европы, Се-

1 Имеется в виду многонациональный город-государство Янина, находившийся на территории современной Греции. В 1788 году его пашой провозглашается некто Алис (Али-паша). Он расширяет территорию своих владений до Салоник. В 1821-м начинается греческое восстание, и город осаждают. В 1822 году Али-паша погибает от руки палача. Действие романа происходит в 1815–1838 годах, а действие тех глав, где граф Монте-Кристо пребывает в Париже, — в 1830-х.

верной Африки и Ближнего Востока. Он уверяет, что в Турции существуют невольничьи рынки: "черкесы и грузины все еще продают в Константинополе своих дочерей". Правда, если раньше "молоденьких девушек раздевали у всех на глазах и осматривали и обсуждали, словно лошадей на ярмарке", то "теперь и выставка товара и сделки происходят тайно, частным образом". Цены высокие "отчасти потому, что спрос увеличился в связи с недавним возвращением султана и его свиты от европейских дворов..."

Хайле Селассие, последний император Эфиопии, в своих мемуарах сообщает, что он запретил работорговлю, как только пришел к власти. Значит, она существовала во время экспедиций в Абиссинию (старое название Эфиопии) Николая Гумилева, посетившего ее трижды в 1909–1913 годах, ведь Селассие стал императором только в 1930-м. И значит, гумилевское стихотворение "Невольничья" из сборника "Чужое небо" 1912 года могло быть, как говорится, навеяно впечатлениями очевидца:

По утрам просыпаются птицы,
Выбегают в поле газели,
И выходит из шатра европеец,
Размахивая длинным бичом.

Он садится под тенью пальмы,
Обвернув лицо зеленой вуалью,
Ставит рядом с собой бутылку виски
И хлещет ленящихся рабов.

Мы должны чистить его вещи,
Мы должны стеречь его мулов,
А вечером есть солонину,
Которая испортилась днем.

Слава нашему хозяину европейцу,
У него такие дальнобойные ружья,
У него такая острая сабля
И так больно хлещущий бич!

Слава нашему хозяину европейцу,
Он храбр, но он не догадлив,
У него такое нежное тело,
Его сладко будет пронзить ножом!

В "Африканском дневнике" Гумилева находим рассказ о событиях в Хараре (современное написание — Харрар), городе на востоке Абиссинии (Эфиопии), имевших место, видимо, незадолго до его приезда в 1913 году. Некий дедзач Бальча, занявший город со своей армией, обнаружил, что там "целый квартал" "веселых женщин", из-за которых его солдаты ссорились. Тогда Бальча приказал вывести всех этих женщин на площадь и продал с публичного торга как рабынь.

В романе Марка Твена "Янки из Коннектикута при дворе короля Артура" (1889) американец переносится ко двору средневекового английского короля. Главный герой и монарх решаются инкогнито отправиться в путешествие по стране, и в глубинке их по недоразумению продает в рабство местный лорд. Янки рассказывает: "...тут было страшное захолустье, и нас купили так дешево, что мне даже стыдно вспомнить об этом. Король Англии пошел за семь долларов, между тем за короля можно было дать двенадцать долларов, а за меня все пятнадцать". Своей рыночной ценой недоволен и король, о котором янки говорит: "Он так надоел мне, доказывая, что на настоящем рынке за него дали бы никак не меньше двадцати пяти долларов, что было полнейшей нелепицей и ерундой, наглым самомнением. Да я сам столько не стоил! <...> А теперь он так надоел мне своим нытьем, что я был бы счастлив, если бы

за него дали сто. Но надежды не было, ибо нас каждый день осматривали всевозможные покупатели и большей частью так отзывались о короле: «Этому болвану и вся цена-то два с половиной доллара, а чванливости у него на тридцать пять»”.

■ ■ ■

В 1441 году португальцам Антану Гонсалвишу и Нуну Триштану, отправившимся в плавание по приказу принца Генриха Мореплавателя, удалось достигнуть побережья сегодняшней Мавритании, где команда корабля захватила несколько пленников — местных жителей. Целью первого в истории документированного пленения европейцами людей в Африке было получение сведений о стране и ее населении. Однако скоро в Европе поняли, какую коммерческую и социальную выгоду приносит захват людей для продажи в рабство.

В Португалии появилось множество пленных мавров, но цена на них не падала: рабский труд приобретал все большую роль в экономике страны.

До прихода португальцев из Африки везли золото, слоновую кость, черепашьи панцири и ткани, а работорговля составляла незначительную часть товарооборота между Африкой и Европой. С приходом португальцев ее доля возросла. Португальцы разрушили монополию мусульманских государств Северной Африки, которые многие века держали работорговлю в своих руках.

Вскоре вожди берберов дали понять португальцам, что легче покупать рабов, нежели захватывать в бою. Когда европейские купцы примерно в 1475 году начали торговать с империей Бенин, находившейся близ нынешнего нигерийского побережья, они обнаружили, что там тоже можно покупать пленников.

Мало-помалу для африканских вождей торговля людьми стала вынужденной. Они должны были получать европей-

ские товары, в частности огнестрельное оружие, чтобы брать верх в схватках с врагами. Если африканцы не соглашались доставлять рабов или мешкали, европейские корабли снимались с якоря и уходили в другие места. На первых порах работорговцам приходилось долго идти вдоль побережья, покупая по несколько рабов то там, то здесь, но со временем в некоторых районах были созданы запасы товара.

В пункты сбора рабов превратились европейские форпосты на Золотом Берегу (северное побережье Гвинейского залива). Также собственные помещения для содержания рабов, практически тюрьмы, стали возводить местные вожди. Как только приходил европейский корабль, рабов выводили, корабельный хирург или лекарь их осматривал, годных отводили в сторону и клеймили раскаленным железом, чтобы торговая компания могла легко найти свой товар, а африканские торговцы не подменили его после осмотра.

С расширением торговли африканские вожди научились извлекать из нее прибыль, введя систему налогов и дани. Например, один король разрешал торговлю, только если ему вручали подарки стоимостью в 50 рабов, сыну короля при этом выдавали стоимость двух рабов за право заправить судной водой.

■ ■ ■

В XVI веке ни Франция, ни Англия, ни Голландия не проявляли особого интереса к рабам. Первые английские и французские экспедиции отправлялись к берегам Гвинеи за золотом, слоновой костью и перцем. В 1623 году английский капитан Джобсон заявил торговцу на побережье Африки, который привел рабов на продажу: “Мы не торгуем таким товаром и вообще не покупаем и не продаем один другого или себе подобных”.

Во Франции, в отличие от Англии, торговля рабами была запрещена и законом. Королевский указ 1571 года гласил:

"Франция, родина свободы, не допускает рабства". Уложение 1607 года подтверждало эту норму: "Как только раб достигает наших границ и принимает крещение, он становится свободным". (Скорее всего, чтобы закрепить свой статус свободного человека, крестился и мусульманин Отелло.)

В 1492 году Христофор Колумб открыл Вест-Индию (острова Карибского моря), еще через восемь лет португальцы достигли побережья Бразилии. К тому времени работорговцы доставили в Европу несколько десятков тысяч рабов. Но по мере освоения новых территорий работорговля приняла иные масштабы. Сначала рабы переправлялись из Западной Африки в испанские владения в Карибском море и Бразилию, основным перевалочным пунктом служила Куба. Позднее спрос на рабов предъявили новые поселенцы из Европы, обосновавшиеся в Вест-Индии и Северной Америке. К 1640 году рост поселений потребовал расширения работорговли.

Рост работорговли связан с расширением плантаций сахарного тростника (сахар в Европе был редкостью) и табака. Сахарный тростник и табак были очень трудоемкими культурами. Кроме того, рабский труд расходовался расточительно. Основными покупателями рабов стали Франция и Англия. Производить сахар-сырец оказалось гораздо выгоднее на французских островах, нежели на английских. В 1670 году королевский указ разрешил заниматься работорговлей каждому французу, который этого пожелает, потому что "ничто так не поможет росту колоний... как труд негров". В 1670-е Франция построила сахароперерабатывающие заводы и импортировала из Вест-Индии столько сахара-сырца, что стала главным поставщиком сахара в Европе.

На поставку рабов заключались и государственные контракты. Например, в начале XVIII века их поставками в испанские колонии занималась франко-гвинейская компания. В 1713 году асьенто (право) на торговлю рабами с испанскими

колониями приобрела Англия, которая должна была за 30 лет поставить 144 тыс. рабов. Груз облагался пошлиной. Прибыль делили поровну английская и испанская короны.

За 400 лет, с XV века до конца XIX, португальские, испанские, английские, французские, голландские, немецкие, датские, шведские, бразильские и американские торговцы вывезли из Африки, по разным оценкам, от 15 до 50 млн человек. Основной период работорговли с Африкой приходится на 1550–1850-е годы.

■ ■ ■

Даниель Дефо во "Всеобщей истории грабежей и смертоубийств, учиненных самыми знаменитыми пиратами" (1724) подробно перечисляет, какая добыча доставалась пиратам на захваченных кораблях. Чаще всего это были рабы. Вот разбойники, пишет Дефо, захватывают "большое французское невольничье судно из Гвинеи, направлявшееся на Мартинику", на другом судне их добыча — "сорок негров и куча золотого песка, не считая мануфактуры и галантерейных товаров", на третьем — "слуги и рабы, роскошные наряды и драгоценности, золотые и серебряные сосуды, большая сумма денег". Один из героев, пират Бартоломью Роджерс, так воодушевлен, что решает сам заняться работорговлей: собирается купить на Мадагаскаре рабов, а потом продать их голландцам в Батавии (Джакарте) или Новой Голландии (Австралии).

В одной из новелл пираты собираются сбыть захваченных рабов, но на подходе к берегу их обнаруживают местные власти, корабль преследуют — не из-за груза, а потому что там пираты. Сначала капитан решает судно сжечь, а рабов отправить на шлюпках на берег. Но пираты спешат, "а снимать цепи с рабов — тяжкий труд и потеря времени". И корабль поджигают. "Восемьдесят негров, скованных по четверо цепями, должны были выбирать между смертью в огне и смертью в воде".

Невольник — не всегда чернокожий. В “Робинзоне Крузо” (1719) судно с турецкими разбойниками нападает на корабль, на котором отправился в плавание англичанин Робинзон. Большинство членов экипажа убито или ранено. Остальных, включая Робинзона, отвозят в морской порт Салех на побережье Африки, контролируемый мавританским султаном. Робинзон вспоминает, что “других англичан отправили вглубь страны, ко двору жестокого султана, а меня капитан разбойничьего судна удержал при себе и сделал своим рабом, потому что я был молод и проворен”. Герою чудом удается спастись. В следующем путешествии он попадает на необитаемый остров, где находит себе слугу-раба — Пятницу, которого тоже занесли туда превратности судьбы: “Наконец дикарь подошел совсем близко. Он снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лбом и, приподняв мою ногу, поставил ее себе на голову. Это должно было, по-видимому, означать, что он клянется быть моим рабом до последнего дня своей жизни”.

■ ■ ■

Когда французский сахар потеснил на рынке английский, англичане поняли, что в их интересах ограничить продажу рабов на французские острова, но это можно было сделать только путем ограничения поставки и на собственные. К началу XIX века экономика Англии уже не опиралась на импорт колониальных товаров — сахара-сырца, хлопка, рома и табака. Первая промышленная революция в Англии привела к индустриализации. Новые промышленники могли обойтись без плантаторов и работорговцев. И в начале XIX века Англия запретила перевозить рабов на своих судах и всячески препятствовала использованию судов других стран для работорговли.

Действие новеллы Проспера Мериме “Таманго” (1829) происходит во времена, “когда запретили торговлю неграми,

и тем, кто хотел заниматься ею, пришлось не только обманывать бдительность французского таможенного надзора, что было не так уж трудно, но, кроме того, — и это было опаснее — ускользать от английских крейсеров".

Для торговцев "черным деревом" незаменимым становится капитан Леду. "Наручники и цепи, запас которых обычно имеется на невольничьем судне, всегда были у него новейшей системы и тщательно смазывались для предохранения от ржавчины". Но больше всего прославил его бриг "Надежда", вмещавший большое число рабов. Леду сконструировал его сам. "…Междупалубные пространства, узкие, со впалыми стенками, были не выше трех футов четырех дюймов… при такой высоте невольники не слишком большого роста могут сидеть достаточно удобно; а вставать… да зачем им вставать? <…> Прислонясь спиной к внутренней обшивке, негры — сидели двумя параллельными рядами, между которыми оставалось свободное место, на всех других невольничьих судах служившее только для прохода. Леду догадался поместить чернокожих и сюда, уложив их перпендикулярно к сидящим". Можно было втиснуть еще нескольких невольников, но "нельзя же забыть о гуманности" — плавание продолжалось несколько недель.

Мериме не преувеличивает. Из воспоминаний некоего англичанина Уолша, плывшего в 1829 году из Бразилии на британском фрегате, который задержал в южной части Атлантики невольничье судно: рабы "находились между палубами в зарешеченном трюме. Он был так низок и мал, что людям приходилось сидеть тесными рядами между ног друг у друга, так что ни днем, ни ночью они не могли прилечь или даже изменить позу".

"Надежда" Леду благополучно покидает Нант. Инспекторы, добросовестно осматривавшие бриг, не обнаружили шести больших ящиков, наполненных цепями, наручниками и железными палками, и не удивились огромному запасу пресной воды на борту. Когда парусник достиг западного берега Аф-

рики, на борт поднялись торговые агенты. Таманго, "прославленный воин и продавец людей", который пригнал к берегу множество невольников и отдал их по низкой цене, уверенный, что доставит еще, как только эту партию раскупят. В обмен на 160 рабов он получил "дешевые ткани, порох, кремни, три бочки водки и пятьдесят кое-как отремонтированных ружей". Шестеро самых слабых рабов отбракованы. Переводчик выменивает их на картонную табакерку, чтобы отпустить на волю, но большой вопрос, выживут ли они: невольники были захвачены в 200 милях от побережья, и до дома далеко.

Сохранилось множество свидетельств того, почем покупались рабы, ибо цены сделок заносились в судовые журналы. Например, в 1676 году корабль "Сара Бонавентура" приобрел 100 мужчин, женщин и детей за английские и индийские хлопчатобумажные ткани, пять мушкетов, 21 брусок железа, 72 ножа, полбочонка пороху и некоторые другие товары. В журнале английского корабля "Артур", отправившегося в 1677 году в Новый Калабар (современное побережье Нигерии), зафиксировано, что цена составила 36 медных брусков за негра и 30 — за негритянку. Из записей в журнале судна "Альбион" узнаем, что в 1699 году за мужчину-раба было уплачено 13 брусков железа, за женщину — десять и два медных кольца.

В новелле "Таманго" к берегу рабов доставляют так: на шее у каждого рогатка, расходящиеся концы которой соединяются на затылке деревянной перекладиной. Когда нужно тронуться в путь, надсмотрщик кладет себе на плечо длинный конец рогатки первого невольника, тот берет рогатку идущего за ним, второй тянет за рогатку третьего... Чтобы передохнуть, предводитель колонны втыкает в землю острый конец ручки своей рогатки, и колонна останавливается. После заключения сделки французские матросы снимают с рабов деревянные рогатки и надевают им железные ошейники и кандалы — "неоспоримое доказательство превосходства европейской цивилизации".

Таманго сам оказывается на корабле, погнавшись за ним в надежде вернуть жену, которую он подарил Леду в сильном подпитии. Красавицу ему не отдают, наоборот, работорговец сам попадает в плен. На корабле поднимается восстание. Выживает один Таманго, его подбирает английский фрегат и доставляет на Ямайку. Спасенный рассказывает властям как на духу, что произошло. “Плантаторы острова требовали, чтобы его повесили, как негра-бунтовщика, но губернатор, человек гуманный… нашел, что его можно оправдать, так как, в сущности, он воспользовался законным правом самозащиты; к тому же те, кого он убил, были ведь всего-навсего французы”.

■ ■ ■

Генри Лонгфелло в стихотворении “Свидетели” из цикла “Песни о рабстве” (1842) пронзителен:

Широк простор морской
И там, на дне, в песках,
Белеют под водой
Скелеты в кандалах.
Там, в глубине, плывут
Останки кораблей
И страшный груз несут —
Закованных людей.

“Скелеты в кандалах” действительно могут быть только на затонувших судах. Если раб умирал или заболевал, его выбрасывали за борт, чтобы болезнь не перекинулась на весь “груз”. Выбрасывали без кандалов. Мертвецу просто отрубали ноги чуть выше щиколоток, чтобы вызволить тело из цепи, которая сковывала нескольких рабов.

Смертность при перевозке рабов была очень высокой. Стихотворение “Невольничий корабль” Генриха Гейне (1853–1854) начинается с “калькуляции” барышей от продажи невольников голландского торговца ван Кука, который исходит из 50-процентной выживаемости:

Шестьсот чернокожих задаром я взял
На берегу Сенегала.
У них сухожилья — как толстый канат,
А мышцы — тверже металла.
В уплату пошло дрянное вино,
Стеклярус да сверток сатина.
Тут виды — процентов на восемьсот,
Хотя б умерла половина.
Да если триста штук доживет
До гавани Рио-Жанейро,
По сотне дукатов за каждого мне
Заплатит Гонсалес Перейро.

Но непредвиденные обстоятельства могут свести на нет эти расчеты. К ван Куку заходит корабельный хирург и сообщает, что смертность возросла: умирало по двое в день, а вчера “семеро пали”. А экспедиция занимает недель шесть. Хирург проверяет, действительно ли умерли “павшие” или только прикинулись:

Я трупы, конечно, осмотру подверг.
Ведь с этими шельмами горе:
Прикинется мертвым, да так и лежит,
С расчетом, что вышвырнут в море.

Для раба это не шанс на спасение, а надежда на быстрое избавление от мук. Ведь, когда “дохлятину” выкинут в море, на нее,

как “мухи на мед”, налетят акулы, “целая масса”: их доктор снабжает “пайком из негритянского мяса”.

Врач убежден, что свою смерть черные накликали сами, ведь:

От их дыхания в трюме смердит
Хуже, чем в свалочной яме.

Но часть, безусловно, подохла с тоски, —
Им нужен какой-нибудь роздых.
От скуки безделья лучший рецепт —
Музыка, танцы и воздух.

А дальше начинается пляска смерти под аккомпанемент импровизированного оркестра. Рулевой пиликает на скрипке, юнга бьет в барабан, кок играет на трубе, доктор — на флейте. И это не поэтический вымысел. Из-за высокой смертности рабов в экспедициях инвесторы в таких предприятиях несли большие потери. И к концу XVIII века вошло в практику выводить рабов на палубу и заставлять делать упражнения — прямо в кандалах. То же и в “Таманго”: “Моцион необходим для здоровья, поэтому капитан Леду завел полезный обычай: он часто заставлял невольников плясать, подобно тому как перевозимых на борту корабля лошадей во время долгого плавания заставляют топтаться на месте. — Ну-ка, детки мои, попляшите, повеселитесь! — говорил капитан… щелкая длинным бичом. И бедные негры тотчас же принимались прыгать и плясать”.

■ ■ ■

В XIX веке трансатлантическая работорговля стала постепенно затухать, но геноцид аборигенов продолжался. Колонизаторы, отправлявшиеся в Африку или Австралию с “цивилизаторской

миссией", оставили множество воспоминаний о своих экспедициях. Один из лучших литературных источников — повесть Джозефа Конрада (Юзеф Теодор Конрад Коженевский) "Сердце тьмы" (1902) о путешествии вглубь Африки. По мотивам этого произведения кинорежиссер Фрэнсис Форд Коппола создал свой шедевр "Апокалипсис сегодня" (1979), действие которого, правда, перенесено в Юго-Восточную Азию. Конрад много лет нес морскую службу: был матросом, вторым и первым помощником капитана. В 1890 году в качестве капитана парохода бельгийской торговой компании прошел по реке Конго, и этот опыт лег в основу "Сердца тьмы".

Герой повести Чарли Марлоу оправляется вглубь Африки на речном судне, чтобы вывезти слоновую кость и мистера Курца — агента, который ее добывал. По дороге на станцию торговой компании, откуда должно начаться его плавание по реке, он видит рабов: "Шестеро чернокожих гуськом поднимались по тропинке. Они шли медленно... тихий звон совпадал с ритмом их шагов. <...> У каждого был надет на шее железный ошейник, и все они были соединены цепью, звенья которой висели между ними и ритмично позвякивали". А однажды ему повстречался белый человек в форменном кителе, который объявил, что "следит за ремонтом дорог". "Не могу сказать, чтобы я видел хоть какую-нибудь дорогу или какой-нибудь ремонт, — говорит Марлоу, — но, пройдя три мили, я буквально наткнулся на тело пожилого негра, убитого пулей, попавшей ему в лоб; быть может, это и свидетельствовало о мерах, предпринятых для улучшения дорог".

В 1992 году швед Свен Линдквист опубликовал эссе "Уничтожьте всех дикарей", названием которого послужила цитата из "Сердца тьмы". По мнению Линдквиста, специфика XIX века заключается в том, что впервые под уничтожение и захват в рабство коренных жителей Черной Африки была подведена "научная" основа. Аргументы сродни дарвиновским

в “Происхождении видов”: слабый вид должен уступить место сильному. Настоящей же причиной был резкий прогресс в сфере вооружений в Европе, который сделал африканские экспедиции сравнительно малозатратными с точки зрения “расхода” людей: местное население ничего не могло противопоставить огнестрельному оружию.

Линдквист утверждает, что британская, немецкая, французская и бельгийская политика XIX века в отношении “дикарей”, их закабаление или уничтожение — предтеча холокоста: “Фраза «уничтожьте всех дикарей» находится не дальше от центра гуманизма, чем Бухенвальд от дома Гёте в Веймаре. Эта теория оказалась полностью вытесненной, в том числе самими немцами, которых сделали единственно ответственными за идеи уничтожения, которые на самом деле являются общеевропейским наследием”.

“Хлопок правит миром”

Глава третья
Рабовладение и плантационное хозяйство в США XIX века

Как мы рассказывали в предыдущей главе, трансатлантическая торговля рабами стала сходить на нет после 1807 года, когда ее одновременно запретили Британия и США. Вслед за ними в течение нескольких лет от работорговли отказались другие европейские страны, одновременно поставив вне закона и рабство. Однако запрет на международную торговлю в США не означал полного прекращения купли-продажи рабов в стране и использования рабского труда.

Большинству российских читателей знакома "Хижина дяди Тома" (1852) Гарриет Бичер-Стоу — мощнейший манифест идей отмены рабства. (Кстати, "Записки охотника" Тургенева, которые сделали для отмены крепостного права в Российской империи не меньше, чем книга Бичер-Стоу, впервые вышли отдельным изданием в том же году.) "Хижина" стала самым продаваемым романом XIX века. Только за первый год разошлось более 300 тыс. экземпляров книги, а общий тираж достиг 600 тыс.

Согласно известной байке, в начале Гражданской войны с Бичер-Стоу встретился президент США Авраам Линкольн, который сказал: "Так это и есть та самая леди, которая начала эту войну!" Достоверность эпизода сомнительна: фраза впервые была опубликована через 30 лет после якобы состоявше-

гося разговора, но по ней можно судить, насколько влиятельной была книга.

На Севере США рабство было отменено в последней четверти — начале XIX века: в Вермонте — в 1777 году, в Массачусетсе и Пенсильвании — в 1780-м, в Род-Айленде и Коннектикуте — в 1784-м, в Нью-Йорке — в 1799-м, в Нью-Джерси — в 1804-м. Отмена рабства не означала физического освобождения рабов. О принятии закона было известно заранее, и к моменту его вступления в силу рабы оказывались проданными на Юг.

По оценкам американских ученых Сэмюэла Уильямсона и Луиса Кейна, в 1850-х годах совокупная стоимость всех рабов США в ценах 2011 года составляла около 7–9 трлн долларов!

На Юге США рабовладельческая система была ликвидирована только после поражения конфедератов в Гражданской войне (1861–1866).

Конфедерация — это объединение 13 южных рабовладельческих штатов США, вышедших из их состава[1]. Эти штаты были реинтегрированы в США после победы северян.

Поначалу Гражданская война велась не за отмену рабства. Президент Линкольн неоднократно высказывался против его ликвидации. В разгар Гражданской войны он заявил: "Моя главнейшая задача в этой борьбе — спасти Союз, а не спасти или уничтожить рабство. Если бы я мог спасти Союз, не освобождая ни одного раба, я бы сделал это, и, если бы мне для его спасения пришлось освободить всех рабов, я бы тоже сделал это".

Южные штаты хотели распространить систему рабовладения на колонизируемые западные земли, тогда у них было бы большинство в конгрессе, что и старались предотвратить северные штаты путем военных действий. Север рассчитывал

1 Конфедерация включала штаты: Алабама, Аризона, Арканзас, Виргиния, Джорджия, Кентукки, Луизиана, Миссисипи, Миссури, Северная Каролина, Теннесси, Техас, Флорида, Южная Каролина.

на быструю победу, но, по мере того как он увязал в войне, лозунги об отмене рабства звучали все громче, рабам из отдельных южных штатов, переходившим на сторону северян, обещали свободу. Линкольн рассчитывал на восстание рабов в тылу врага, надеясь таким образом склонить чашу весов в свою пользу.

В “Хижине дяди Тома” отражена эта амбивалентная позиция северян. Проигравший состояние на бирже мистер Шелби из штата Кентукки продает работорговцу Гейли домашнюю рабыню красавицу Элизу и ее сына. Элиза случайно подслушивает разговор о ее продаже и решает бежать на Север, благо до границы свободного штата Огайо недалеко. С риском для жизни она перебирается в Огайо, но оказывается, что там, в штате, где рабовладение вне закона, недавно принят закон, запрещающий помогать беглым рабам из других штатов. Значит, Элизе придется добираться до Канады, только там настоящая свобода.

■ ■ ■

Рабовладельческий Юг был разным. Он делился на Верхний (Upper South) и Нижний, или Глубокий, Юг (Lower, или Deep South). Верхний Юг — это относительно северные штаты Мэриленд, Делавэр, Кентукки, где живет мистер Шелби, и Вашингтон, округ Колумбия. Глубокий Юг — это Южная Каролина, Алабама, Луизиана, Миссисипи, Джорджия, Теннесси и др.

Самая страшная угроза для раба с Верхнего Юга — быть проданным на Нижний, где ему предстояло работать на сахарных, хлопковых, табачных или рисовых плантациях. Если вам мало описания ужасов жизни чернокожих рабов на плантациях в “Хижине дяди Тома”, загляните в “Квартеронку” Майна Рида или посмотрите “Джанго освобожденный” Квентина Тарантино.

Продажи на Юг боятся все герои "Хижины дяди Тома". Муж Элизы — молодой мулат Джордж Гаррис, раб из соседнего поместья, работал на фабрике мешков, где "изобрел машину для трепания конопли, что, принимая во внимание отсутствие технической выучки у изобретателя, свидетельствовало о его большом таланте". Его хозяину не нравится, что он женат на Элизе, которая принадлежит либеральному и сердобольному Шелби, а тот не хочет знаться с жестоким рабовладельцем. Поэтому хозяин приказывает Джорджу взять в жены рабыню из своих, перебраться в ее хижину, а если Джордж не согласится, то грозится отправить его на Нижний Юг. Джордж бежит. Элиза с ребенком решается на побег по этой же причине: Гейли покупает ее, чтобы продать на Нижний Юг, да еще и разлучить с сыном. Черный раб "с детских лет трепещет при одной только мысли: «Тебя продадут на Юг!» В его глазах это самое страшное наказание — страшнее порки, страшнее каких угодно пыток".

Продажи на Глубокий Юг старается избежать и беглый негр Джим в романе Марка Твена "Приключения Гекльберри Финна" (1884): почти все приключения Гека связаны с тем, что ему и Джиму нужно обязательно попасть на Север. Гекльберри клятвенно пообещал, что не выдаст Джима: "Сказал, что не выдам, и не выдам. Честное индейское. Пусть меня назовут последним аболиционистом, пусть презирают — мне без разницы". Слово "аболиционист" (от английского abolish — "устранять, прекращать"), которым называли сторонников отмены рабства, как видно, было ругательным в родном штате Гека — Миссури.

Продажа раба на Глубокий Юг — это что-то не совсем приличное даже для рабовладельцев из южных штатов. Старик Энгус, герой романа Маргарет Митчелл "Унесенные ветром" (1936), действие которого происходит в Джорджии во время и после Гражданской войны, "за всю жизнь не отпустил еще

на волю ни одного раба и совершил неслыханное нарушение приличий, продав часть своих негров заезжим работорговцам, направлявшимся на сахарные плантации Луизианы".

Почему рабов продавали с Севера на Юг? Юджин Дженовезе, автор книги "Политическая экономия рабства" (1965), объясняет это так: на Севере бурно развивалась промышленность, где рабы были малопригодны. Даже их использование в более интенсивном сельском хозяйстве Севера было бессмысленным. Кое-какую выгоду от рабского труда можно было получить лишь на больших плантациях Юга, да и то не везде.

■ ■ ■

Вопросы, насколько эффективен был труд рабов и прибыльны плантации, где использовался их труд, отмерло бы рабство без войны само по себе и когда, до сих пор вызывают дискуссии. Согласно расчетам Альфреда Конрада и Джона Мейера, авторов знаменитой статьи "Экономика рабства на предвоенном Юге" (1958), инвестиции в рабов были вполне рентабельными. Они оценивают их доходность в 2,2–13 %, а на более плодородных землях — и того выше.

Такого же мнения придерживаются Роберт Фогель и Стэнли Энгерман в работе "Время на кресте: экономика американского рабовладения" (1974). Однако книга, в которой утверждалось, что рабовладельческие хозяйства были эффективны, так как рабы приняли протестантскую трудовую этику и работали на совесть почти без кнута, не выдержала критики. В ней было найдено множество ошибок.

Наверное, мне первой бросилась в глаза такая: авторы считают, что рабы потребляли 90 % произведенного продукта, и при этом утверждают, что плантаторские хозяйства имели высокую рентабельность, а экономика Юга быстро развивалась. Начиная с 1840-х годов и до начала Гражданской войны

она действительно росла, и неплохо, в основном благодаря тому, что хлопок с Юга США был очень востребован в Англии и цены на него ползли вверх. Бытовало даже выражение "хлопок правит миром". В тот период вывоз хлопка составлял около 50 % всего экспорта США. Однако никакое производство, даже самое трудоемкое, не может быть рентабельным, если рабочая сила потребляет девять десятых произведенного, ведь есть еще инвестиции в покупку земли, строения и инвентарь, затраты на расходные материалы и пр. При таком раскладе экономика не может успешно развиваться.

Роберт Фогель, однако, в 1993 году получил за эту и другие работы Нобелевскую премию. Не столько, впрочем, за выводы, сколько за развитие клиометрики — междисциплинарного научного направления, связанного с применением экономической теории и эконометрических методов и моделей в исследованиях по экономической истории.

Другие исследователи выражают сомнение в том, что покупка рабов была выгодной инвестицией. Как заметил Макс Вебер в книге "Хозяйство и общество" (1922), иррациональность использования рабского труда состояла в том, что нельзя было менять количество рабочей силы в соответствии с колебаниями бизнес-цикла, капитальные затраты были гораздо выше, чем при использовании наемного труда, а источники дешевой рабочей силы иссякали быстро. Мысли Вебера созвучен аргумент Дженовезе: рабы были инвестициями, их покупка по своему экономическому смыслу — вложением в основные фонды[1]. Их нужно было окупать, а перевести раба на дру-

1 Очень интересная статистика, показывающая, какова была доля рабов в совокупном капитале Юга, приведена Тома Пикетти в его нашумевшей книге "Капитал в XXI веке" (2013) (см. рис. 4.11 данной книги). Согласно его расчетам, в 1770–1810 гг. совокупный капитал Британии чуть-чуть не дотягивал до 700 % ВВП, в северных штатах США составлял чуть более 300 % ВВП, а в южных — 600 %, при этом в северных штатах рабы занимали ничтожную долю, тогда как в южных — около 40 %. Если рабов вычесть, то капитал Юга составит 345 % ВВП — чуть больше, чем на Севере.

гую работу в случае необходимости было трудно: он не справился бы.

Вспомните героя одного из рассказов Варлама Шаламова: его рука, которая привыкла держать древко лопаты на золотом руднике, не разгибалась потом, когда заключенного в ГУЛАГе вызвали к малограмотному начальнику, чтобы составить от его имени письмо. Герой еле выводил буквы, и то только обмотав ручку тряпкой, чтобы она была такой же толстой, как черенок лопаты.

Негритянка, работавшая на плантациях, не могла стать оператором ткацкого станка. За пределами сельского хозяйства труд рабов в основном использовался в угольных шахтах и на лесопилках в Южной Каролине, на металлургических заводах Ричмонда, рабы построили железные дороги Юга. Рабы, способные работать на табачных и текстильных фабриках и в металлургии, были белой костью и имели множество привилегий. В "Хижине дяди Тома" рабы на Верхнем Юге либо трудятся на мануфактурах, как Джордж Гаррис, либо задействованы в домашнем хозяйстве в качестве прислуги, либо, например, хотят устроиться поваром в кафе.

По мнению Дженовезе, рабовладение консервировало отсталость Юга. Города, за исключением портовых, не росли. На Юге доля городского населения не превышала 10%. Промышленность не развивалась, почти все промышленные товары, в частности одежду и обувь для рабов, плантаторы Юга покупали на северных мануфактурах или производили в своем хозяйстве.

"И шла ли она, шурша платьем, по дому, наблюдая за уборкой, заглядывала ли в кухню или в мастерскую, где шилась одежда для негров, занятых на полевых работах, на пальце у нее всегда блестел золотой наперсток, а по пятам за ней следовала девочка-негритянка, на которую была возложена обязанность носить за хозяйкой шкатулку розового дерева со швейными принадлежностями и выдергивать из готового шитья

наметку", — вспоминает свою мать Скарлетт О'Хара, главная героиня "Унесенных ветром".

Ретт Батлер, возлюбленный Скарлетт, мегауспешный предприниматель, как мы сказали бы сегодня, местный олигарх, очень адекватно оценивает перспективы Юга выиграть в войне с Севером, основываясь на том, что исход затяжной войны уже в XIX веке решала экономика воюющих сторон. "Задумывался ли кто-нибудь из вас, джентльмены, над тем, что к югу от железнодорожной линии Мэйсон — Диксон[1] нет ни одного оружейного завода? Или над тем, как вообще мало литейных заводов на Юге? Так же, как и ткацких фабрик, и шерстопрядильных, и кожевенных предприятий? Задумывались вы над тем, что у нас нет ни одного военного корабля и что флот янки может заблокировать наши гавани за одну неделю, после чего мы не сможем продать за океан ни единого тюка хлопка?" — обращается он к глуповатым местным патриотам, уверенным в победе южных штатов.

В целом аргументы против высокой эффективности рабского труда на Юге США таковы. Рабы на плантациях работали примерно вдвое хуже, чем наемные белые[2]. Частью потому, что иногда они и на работе были закованы в кандалы. Частью потому, что у них не было мотивов для повышения выработки — только плетка. Затраты на "мониторинг" рабов были высоки. Изрядные суммы, которые платились за рабов, были рисковыми инвестициями. Рабыня, купленная, чтобы

1 Линия Мэйсона — Диксона (Mason-Dixon Line) — граница, проведенная в 1763–1767 годах английскими землемерами Чарлзом Мэйсоном и Джеремайей Диксоном для разрешения длившегося почти век территориального спора между британскими колониями в Америке — Пенсильванией и Мэрилендом. Линия определила границы современных американских штатов Пенсильвания, Мэриленд, Делавэр и Западная Виргиния. До Гражданской войны линия Мэйсона — Диксона служила символической границей между штатами Севера и Юга.

2 Эта статистика соответствует замерам производительности труда узников концентрационных лагерей Германии, которая тоже была примерно вдвое ниже, чем у свободных рабочих.

нарожать детей, могла оказаться бесплодной или умереть при первых родах. С виду здоровый и выносливый раб на поверку мог оказаться хилым или заболеть.

Правда, на крупных плантациях должен был действовать закон больших чисел.

Точка зрения, с которой склонны согласиться Конрад и Мейер: на Глубоком Юге США, где земли плодородные, на плантациях производили хлопок, сахар и табак, а Старый Юг (Old South), немного отличающийся от Верхнего, — Виргиния, Мэриленд, Северная Каролина и Джорджия, — где земля была истощена гораздо раньше, производил рабочую силу, рабов, которых экспортировали в "более южные" штаты. Согласно данным Винфилда Коллинза, представленным в книге "Внутренняя торговля рабами Южных штатов" (1904), в 1850–1860-х годах штаты — экспортеры рабов продали на Глубокий Юг 207 тыс. человек. Да, рабы нуждались в воспроизводстве в США, после того как импорт иссяк.

Владение рабами и использование их труда на плантациях считалось не такой позорной деятельностью, как торговля рабами и выращивание их на продажу. Среди торговцев самыми нерукопожатными были те, которые разлучали семьи. В "Хижине дяди Тома" Гейли этим занимается сплошь и рядом.

Конрад и Мейер рассчитали, что доходность инвестиций в рабов женского пола была выше. Они связывают это с репутационными рисками: женщин покупали в основном для воспроизводства рабов, и нужна была дополнительная компенсация за потерю репутации их владельцем.

■ ■ ■

Посмотрим, каковы цены на рабов в "Хижине дяди Тома". Гейли готов дорого дать за очень привлекательную внешне Элизу: "У меня на глазах по тысяче долларов платили за жен-

щин, которые вашей в подметки не годились". Когда речь заходит о том, что ребенок будет разлучен с матерью, Гейли заверяет, что у него так поставлено дело, что разлука будет безболезненной. И пускается в воспоминания о другой сделке, которой он был свидетелем: "Покупатель брал только одну мать, без ребенка, а она горячая была, настоящий порох. Вцепилась в своего малыша, несет невесть что, бьется. Даже вспомнить страшно! В конце концов мальчишку отняли… Ну тут она вовсе рехнулась, а через неделю померла. Тысяча долларов — брошенные деньги…"

Когда Гейли пускается в погоню за Элизой и нанимает двух головорезов для ее поимки, он говорит им о беглянке: "Красивая, цвет кожи светлый, хорошего воспитания. Я бы за нее ни восьмисот, ни тысячи долларов не пожалел — и то бы неплохо на ней заработал". Рыночная цена на Элизу выше. Те, кто за ней гонится, собираются сами отвезти ее в Новый Орлеан на рынок и продать за "тысячу шестьсот — тысячу восемьсот долларов".

Вместе с Элизой продан и дядюшка Том. Его тоже купил Гейли, который теперь везет раба на Юг для продажи. Однако покупатель нашелся на самом корабле. Том приглянулся девочке Еве — дочери некоего мистера Сен-Клера, обходившегося со своими рабами очень благородно. Дочь в него. Когда Сен-Клер спрашивает, зачем ей Том — "играть с ним, как с погремушкой, или скакать на нем, как на деревянной лошадке?", — Ева отвечает: "Я хочу, чтобы ему хорошо жилось".

Гейли уверяет, что если назначить 1300 долларов, то он "на этом негре" ничего не заработает. Ведь Том — "выдающийся негр": "Грудь колесом, сильный как лошадь. А лоб какой высокий! По такому лбу сразу видно, что негр смышленый… Да если б такому молодцу бог ума не дал, он и то стоил бы больших денег. А Том, ко всем своим прочим достоинствам, умнейшая голова… он… управлял у своего хозяина имением.

У него сметки на все хватит". Молодой джентльмен протянул работорговцу пачку денег: "Получите и пересчитайте". Через минуту купчая на Тома была готова.

Недолго длится вольготная жизнь Тома. Ева умирает от чахотки, а вскоре внезапно уходит из жизни и сам Сен-Клер. Наследники продают Тома с аукциона. Плантатор Легри выкладывает за Тома 1200 долларов и объясняет ему: "Ты теперь мой, и душой и телом!", — а чтобы было понятнее, изо всех сил ударяет Тома сапогом. И Том снова отправляется на Юг.

На сахарной плантации, принадлежащей Легри, Том знакомится с рабыней Касси. В молодости она была необыкновенно хороша, и один молодой человек выложил за нее две тысячи долларов. С годами цена падает. Касси с подругой удается бежать, и Легри сетует: "Двух женщин у меня как не бывало, а им цена каждой по восемьсот, по тысяче долларов".

Раб-ребенок, если он чуть-чуть подрос, тоже стоит денег. Вот Гейли пытается сбыть с рук десятимесячного мальчика, разлучив его с матерью. Покупатель уверен, что больше 10 долларов за него не запросят, но Гейли не согласен: в таком случае он оставит ребенка себе, потому что "через полгода цена ему будет сто долларов, а через год-другой и все двести. Так что сейчас не меньше пятидесяти". Сходятся на 45.

Чтобы перевести цены в современные, нужно умножать на 30. Получается, что тысяча-полторы за красивую рабыню — это 30–45 тыс. нынешних долларов. Том был продан Сен-Клеру за 39 тысяч, а при продаже на аукционе после его смерти за Тома выручили 36 тыс. Ребенка можно было бы купить за 3–6 тыс. долларов.

В научных источниках[1] (Филлипс У. Экономические издержки рабовладения в Хлопковом поясе. 1905) приводятся такие цены на молодых и сильных рабов мужского пола без

1 Phillips U. *The Economic Cost of Slaveholding in the Cotton Belt* // Political Science Quarterly. 1905. V. 20. №2.

квалификации на аукционах в штате Джорджия — самом большом рынке: в 1828 году — 700 долларов, в 1835-м — 900, в 1837-м — 1300, затем постепенное падение до 600 долларов в 1844 году и плавный рост — до 1050 в 1851-м, 1200 — в 1853-м, 1650 — в 1859-м и 1800 — в 1860-м. Установлено, что цены на рабов зависели в основном от двух факторов — цен на хлопок и производительности труда. Падение цен на рабов начиная с 1837 года объясняется мировым кризисом и дешевеющим хлопком. С ростом эффективности производства связывают резкий рост цен на рабов с 1840-х годов: производительность труда росла в связи с концентрацией производства в крупных, более эффективных хозяйствах, кроме того, полагают, что рабы, рожденные в США, были более производительны.

Действие "Хижины дяди Тома" происходит в начале 1850-х, когда средний раб-мужчина ценился чуть выше 1000 долларов. Сильный, работящий, смышленый и грамотный Том не намного дороже. Наверняка из-за скидки за возраст. Ожидаемый срок жизни черного раба на Юге в то время был около 35 лет (свободного черного в Северных штатах — лет на пять больше), а Том уже в годах — у него седая голова.

А как объяснить отнюдь не символические цены на грудного ребенка? Согласно Конраду и Мейеру, ребенок начинал работать с шести лет, мальчик окупал себя на операционном уровне, то есть без учета инвестиций в его покупку или "выращивание", к девяти годам, девочки выходили на самоокупаемость в 13 лет.

■ ■ ■

Увы, формальная отмена рабства не принесла рабам благополучия. В России освобождение крестьян в ходе реформы 1861 года хотя бы сопровождалось выделением им земельных наделов, пусть и выкупаемых в кредит. В США бывшие рабы

в основном вынуждены были наниматься на те же самые плантации за сущие гроши. К тому же экономика Юга была подорвана войной: производство хлопка в довоенных масштабах восстановилось только к концу 1870-х.

Карл Маркс в "Экономических рукописях 1857–1861 годов" (которые иногда называют первоначальным вариантом "Капитала") комментирует письмо плантатора с Ямайки, где отменили рабство, опубликованное в ноябре 1857 года в газете The Times. Плантатор предлагает рабство вернуть: бывшие рабы теперь производят только минимум, который им необходим для выживания; настоящей роскошью они считают ничегонеделание; им наплевать на сахар, на капитал, инвестированный в плантации; за банкротством плантаторов они наблюдают со злобной ухмылкой.

Маркс пишет: "Они перестали быть рабами, но не для того, чтобы стать наемными рабочими, а для того, чтобы стать независимыми фермерами, работающими на собственное потребление". Капитал может существовать "только на основе прямого принуждения к труду — рабства или косвенного — работы по найму".

На Юге США косвенное принуждение не заставило себя ждать. Жизнь бывших рабов лучше не стала. Скорее это было моральное освобождение. Ведь и свободные наемные рабочие вели нищенское существование.

В рассказе Фолкнера "Уош", действие которого происходит на плантаторском Юге США перед, во время и после Гражданской войны, белый работник по имени Уош Джонс пришел на плантацию полковника Сатпена, и тот позволил ему поселиться на своей земле в рыбачьем домике, который он построил когда-то в болотистой низине у реки и который "с тех пор, заброшенный, совсем обветшал и стал похож на дряхлое животное, из последних сил притащившееся к воде, чтобы, напившись, издохнуть". Рабы смеются на Уошем ("Да и ничего

у тебя нет, одна только развалюха у реки, в ней полковник даже никого из нас жить не пустил") и называют его белой голытьбой (white trash).

В "Унесенных ветром" один из братьев О'Хара, Джералд, описывает южан как людей, для которых характерно презрение к "белой рвани" — к белым беднякам, не сумевшим выбиться в люди.

Нередко участь наемного белого работника на плантациях Юга была печальнее участи раба. Его хозяин должен был кормить, лечить и содержать, когда тот уже не мог работать, а наемный работник должен был кормиться и лечиться сам, тяжелая болезнь при полном отсутствии соцзащиты вела к катастрофе.

Отмена рабства привела к постепенному дроблению крупных хозяйств. Механизация производства, в частности появление трактора[1], вызвала обнищание и мелких плантаторов: для рентабельного производства участки снова должны были быть крупными.

Трагическая участь мелких белых плантаторов — сюжет романа "Табачная дорога" Эрскина Колдуэлла (1932). Автор родился в семье "бедных белых" из штата Джорджия и не понаслышке знал об их жизни. Как видно из названия романа, действие происходит в местах, где раньше выращивали табак. Семьдесят пять лет назад по табачной дороге катили громадные бочки, в которые укладывался лист табака после сушки и выдержки в глинобитной сушильне. Глава семьи Джиттер Лестер потерял надел из-за просрочки закладной, теперь участок вынужден арендовать, мула тоже, под посевной фонд занимать, а банк дает деньги не меньше чем под 3 % в месяц. В итоге Лестер остается должен, даже если трудится день и ночь. Приходит следующая весна, но она не дает надежды: "Время весенней пахоты миновало, а поле так и не засеяно".

1 Паровой трактор был изобретен в 1832 году, а работающий на нефтепродуктах — в 1892-м.

“Когда муж умирает, жене положено освободить родовое поместье”

Глава четвертая

Майорат в европейской литературе XIX века

“Старший брат человека — его исконный враг” — таково мнение одного из героев романа Уильяма Теккерея “Виргинцы” (1857–1859). “Пусть меня повесят, если есть в Англии хоть один человек, который желает долгой жизни своему старшему брату”, — поддакивает ему другой герой. Во второй половине XVIII века, когда происходит действие романа, в Англии (и в большинстве стран Европы) практиковался майорат (unigeniture) — принцип наследования, по которому все земельная собственность (у знати еще и титул) достается одному человеку. По самой распространенной схеме майората имение переходило старшему наследнику (primogeniture), причем по мужской линии. При этом не только исключалось наследование поместья младшими братьями, но и отдавалось предпочтение наследникам мужского пола по непрямой линии (дядьям, двоюродным братьям и племянникам) перед дочерьми. Как правило, наследниками не могли стать ни внуки мужского пола от дочерей, ни племянники по линии сестер.

Когда в 1328 году умер король Франции Карл IV Красивый, оставивший только дочерей, ближайшим родственником мужского пола был его племянник Эдуард III, сын сестры.

Но Эдуард был английским королем, и французская знать приняла закон, согласно которому, будучи сыном сестры, наследовать престол он не мог. Трон перешел к двоюродному брату Карла IV, сыну младшего брата его отца, он стал королем Филиппом VI (и родоначальником династии Валуа). Эдуард не смирился с этим, и началась Столетняя война.

В Англии система майората сформировалась в XIII веке. Английское общее право насаждало ее гораздо строже, чем континентальное. Майорат был узаконен: вплоть до XVII века он был обязателен почти повсеместно. Неудивительно, что больше всего упоминаний о майорате мы находим именно в английской литературе. Во многих произведениях он движет сюжетом.

Родон Кроули, герой романа Теккерея “Ярмарка тщеславия” (1847–1848), действие которого происходит во время Наполеоновских войн, может рассчитывать только на наследство своей тетушки, потому что он младший сын Питера Кроули. А когда тетушка отворачивается от него из-за женитьбы на ее гувернантке, Родон остается ни с чем.

Потеря благосостояния угрожает пяти дочерям мистера и миссис Беннет — героям романа Джейн Остин “Гордость и предубеждение” (1813). За неимением сыновей поместье должно перейти к кузену мистера Беннета — мистеру Коллинзу. “…Который после моей смерти сможет вышвырнуть вас из этого дома, как только ему заблагорассудится”, — говорит отец своим дочерям. “Можно ли совершить что-нибудь более несправедливое, чем выгнать из принадлежавшего вам имения собственных ваших детей? Будь я на вашем месте, я бы, конечно, уже давно постаралась что-нибудь предпринять”, — сокрушается миссис Беннет. Ее дочери Джейн и Элизабет “попытались объяснить матери сущность закона о майорате. <…> Но предмет этот выходил за пределы ее разумения, и она продолжала горько сетовать на жестокость законов, от-

нимающих дом у семьи с пятью дочерьми в пользу человека, до которого никому нет ни малейшего дела".

Вынуждена покинуть родовое поместье и леди Димейн, мать сэра Артура — героя романа Генри Джеймса "Осада Лондона" (1883). "В этой стране, когда муж умирает, жене положено освободить родовое поместье", — говорит возлюбленная ее сына, желающая выйти за него замуж. Она не нравится матери сэра Артура и делает ставку на то, что мать будет вынуждена уехать в собственный дом и не сможет влиять на выбор сына, не проживая с ним.

К младшим братьям и дочерям могло перейти движимое имущество, они могли получить право проживания в доме до самой смерти, частичную компенсацию, пожизненные платежи от владельца майората (имения, не подлежащего разделу), но не землю.

Например, в новелле Гофмана "Майорат" (1817) владелец майората барон Родерих фон Р. "дозволил поселиться в имении и получать там содержание двум старым незамужним сестрам своего отца, скудно обеспеченным и жившим в нужде". Когда он умер и имение перешло к его старшему сыну Вольфгангу, тот прибыл в фамильный замок первым. Старый дворецкий показал, где были спрятаны деньги — 150 тыс. талеров, — скопленные из доходов майората. Несколько позже появился младший брат Вольфганга Губерт — он прознал о находке и потребовал половину, утверждая, что "деньги эти не принадлежат к майорату, а должны быть признаны свободным имуществом". Деньги все же остались в распоряжении старшего брата, но он уступил младшему свою часть другого наследственного имения, в Курляндии (нынешняя Латвия), которое подлежало разделу. А в ответ услышал: "Как милостиво владелец майората бросает золотые бедному нищему!"

Новелла немецкого романтика Ахима фон Арнима "Майорат" (1820) начинается с описания майорат-хауса господ фон

***, “одного из благороднейших семейств Европы”, в городе ***, владельцы которого живут за границей: “Уже лет тридцать как он был необитаем, но мебель и посуда хранились бережно и строго <…> каждый год на нужды дома поступала определенная сумма, привозились новые скатерти, и столовое серебро, и картины, и прочие разности, необходимые для поддержания статуса… пополнялись запасы драгоценных вин в подвалах. Дворецкий… заводил ежедневно часы во всех без исключения комнатах, кормил надлежащее количество кошек… и раздавал по воскресеньям беднякам во дворе надлежащее количество пфеннигов. Среди нищих этих с легкостью могли бы, когда б не стыдились того сами, сыскаться и родственники хозяев, поскольку при основании майората о младших ветвях родословного древа предпочли не вспоминать”.

■ ■ ■

Майорат был введен для того, чтобы сохранить крупные владения рода неделимыми. Передача ресурсов семьи по наследству в одни руки повышала вероятность выживаемости хотя бы одной линии рода. Если говорить не о знатных родах, для которых майорат был способом сохранения социального статуса, а о нетитулованном мелкопоместном дворянстве, то система майората была распространена там, где экономическое благополучие семьи зависело от наличия и размера земельного надела и где земля была в дефиците. Майорат чаще возникал там, где земли были плотнее заселены. Например, эмигранты в Новой Англии в первом поколении гораздо чаще делили свои земельные наделы между наследниками, нежели в третьем, когда вся пригодная для сельского хозяйства земля была застолблена. Майорат характерен и для Японии XVIII–XIX веков, располагавшей скудными земельными ресурсами.

Адам Смит в "Исследовании о природе и причинах богатства народов" (1776) писал: "майорат при наследовании имений возник... по тем же самым причинам, по которым он существовал при наследовании монархии... Чтобы сила и, соответственно, безопасность монархии не уменьшалась разделом царства, оно должно было переходить к одному из детей".

В регионах, где недвижимое и движимое имущество были примерно одинаково значимы, предпочтение отдавалось более равному дележу.

В XVI–XVII веках в ряде районов Германии (Вестфалия, Нижняя Силезия и Шлезвиг-Гольштейн) была распространена передача наследства младшему сыну (ultimogeniture), а в отсутствие сыновей — старшей дочери. Право получить наследство увязывалось с обязанностью остаться в доме и следить за престарелыми родителями. В этих областях имелась развитая текстильная промышленность, и социальный лифт существовал как раз для ремесленника, который мог выбиться в купцы, а не для фермера, так что наделение землей было не столь важно. Кроме того, налоги на наследство достигали 50% от его стоимости, и передача земли младшему наследнику позволяла отстрочить уплату этого налога и минимизировать размеры выплат в течение нескольких поколений.

Предпочтение наследников мужского пола, возможно, связано с отсутствием равноправия женщин: существовала вероятность, что наследство женщины де факто перейдет к ее мужу и послужит укреплению другого рода. Выбор в качестве наследника старшего сына позволял раньше определиться с правами наследования, что повышало вероятность успешного брака. То, что первенец — старший сын, известно сразу после его рождения. Его можно начать рано выводить в свет как богатого жениха, чтобы подыскать ему достойную пару. У него раньше появятся дети, и род продолжится раньше. А вот кто является самым младшим сыном, становится известно только

после смерти главы рода, потому что он может овдоветь, жениться на молоденькой и обзавестись еще одним наследником даже в преклонные годы.

Подобная история рассказана в "Майорате" Ахима фон Арнима: "«Но ведь однажды вы и сами чуть было не заполучили майорат», — сказала Хоф-дама. «Да уж, — отозвался Лейтенант, — мне было тогда лет тридцать, а дядюшке моему — шестьдесят, а детей у него не было. И взбрело же ему в голову жениться еще раз, и на молоденькой. Тем лучше, подумал я, она-то его насмерть и уездит. Но обернулось к худшему; он, конечно, вскорости помер, однако жена его незадолго до этого успела-таки родить ему сына, нынешнего майоратс-герра, а я остался с носом!»"

Вскоре в город прибывает владелец майората и узнает историю своего рождения. Оказывается, отец его не хотел оставлять наследство племяннику — Лейтенанту: "…вот только что, если родится не мальчик, а девочка? все рухнет в одночасье, не так ли? Опасеньями своими он часто делился с одной совсем не глупой Хоф-дамой, и когда ребенок родился… эта самая Хоф-дама и вручила батюшке… мальчика, которого сама за неделю до того как раз и родила". А только что появившуюся на свет дочь отдали в чужие руки. Назвали ее Эстер.

Майоратс-герр кончает с собой, и, поскольку он бездетен, наследство снова переходит к племяннику его отца, Лейтенанту, который женится на Хоф-даме. А та обзаводится огромной сворой собак, которые живут прямо в доме. Хозяйка только смеется "над милою выходкой двух псов, вытерших грязные лапы о большой, на камчатной скатерти, герб майората".

Как понятно из рассказа Гофмана, в германских землях учреждение майората могло быть фамильным делом, а не требованием законодательства. Барон Родерих фон Р., владелец родового замка Р…зиттен недалеко от берега Балтийского моря, устанавливает майорат, чтобы "на будущее привязать

главу семьи к наследственному имению”. Владетельный государь весьма охотно утверждает этот порядок, “ибо таким образом отечество приобретало богатую рыцарскими добродетелями фамилию, ветви которой уже укоренились в чужих землях”. После учреждения майората изменить свою волю его учредитель уже не может.

■ ■ ■

У Шекспира в “Короле Лире” (1606) действие происходит в IX веке. Старый король, имеющий трех дочерей, решает разделить свое королевство между ними поровну, но сначала хочет услышать от них рассказ о том, как они его любят. Младшая отказывается ему льстить, и королевство достается двум старшим. Лир оставляет себе свиту из ста человек и решает жить по месяцу у каждой. Дробление королевства и передача власти до добра не доводят. Обе облагодетельствованные дочери начинают помыкать отцом. У старшей, Гонерильи, к которой Лир приезжает первым, слуги с ним грубы, дочь требует, чтобы он распустил половину свиты. Лир посылает гонца к средней дочери, Регане, а та надевает на посыльного колодки. Дочери входят в раж и, сговорившись, требуют от Лира совсем отказаться от свиты. Лир полностью подавлен и сходит с ума. Младшая дочь, Корделия, бросающаяся с войском своего мужа на помощь отцу, захвачена в плен и умерщвлена в тюрьме. Старшая и средняя, до которых, впрочем, Лиру уже дела нет, тоже погибают, не поделив мужчину: одна травит другую ядом, после чего кончает с собой. Мир рушится. Душевные пристрастия или династические соображения — основная дилемма пьесы Шекспира. Вот до чего довел страну отказ от принципа майората — так можно трактовать экономический смысл “Короля Лира”.

Против раздела королевства выступал лишь верный лиру граф Кент: “Не отдавай престола. Подави / свою горячность”.

Кент — говорящая фамилия. Не только в географическом смысле (граф Кент, разумеется, из графства Кент), но и в экономическом: Кент — одна из немногих частей Англии, в которой во время написания пьесы практиковалось равное деление имения между наследниками. Кент должен быть глашатаем принципа эгалитаризма, и раз уж даже он выступил против деления королевства, то хорошего действительно не жди.

Еще один аргумент Шекспира в защиту майората — отсутствие прямой зависимости между тем, кому досталось наследство, и поведением наследников. Младшенькая предана отцу, хотя она была обделена, и наоборот. Впрочем, ответ на вопрос, кто здесь был обделен, неоднозначен. Если бы Лир придерживался принципа майората, то он отдал бы все старшей дочери, так что младшая осталась при своем, а обделена была старшая, которая разделила наследство со средней. Во время действия пьесы система майората еще не устоялась, но даже после ее введения для королевской семьи было сделано исключение: в отсутствие сыновей у короля трон наследует старшая дочь, а не племянник. Во времена Шекспира в графстве Кент вовсю шли дебаты о плюсах и минуса майората, и “Король Лир” — отклик на актуальную политическую и экономическую дискуссию своего времени[1].

■ ■ ■

Майорат порождал конфликт не только между поколениями — отцами и детьми, но и внутри одного поколения — между старшим и младшим сыном, формировал своего рода классовую систему внутри семьи. Лейтенант, несостоявшийся наследник майората из новеллы фон Арнима, рассказывает

1 Такую трактовку социального смысла пьесы предложил Рональд Кули в статье “Кент и майорат в «Короле Лире»” (Cooley R. W. *Kent and Primogeniture in “King Lear”* // Studies in English Literature, 1500–1900. 2008. V. 48. № 2. P. 327–348).

о "совершенно кошачьих" законах, царивших в его большой семье: "Первенца кормят, холят и лелеют, а младших его братишек и сестренок суют в помойное ведро головою вниз, и все дела".

Конфликтуют старший и младший братья в комедии Шекспира "Как вам это понравится", где майорат — экономическая предпосылка развития сюжета. Действие происходит во французском герцогстве. Умирает Роланд де Буа. Наследство распределено между тремя сыновьями примерно как в сказке "Кот в сапогах". Почти все отписано старшему, Оливеру, с поручением позаботиться о двух других — Жаке и Орландо, в том числе дать им образование, приличествующее их знатному статусу. Младший Орландо получает — согласно бумагам — "какие-то жалкие тысячу крон" собственных денег, но и те остаются в распоряжении старшего брата. Оливер обращается с Орландо как со слугой. Жака он хотя бы отправляет в школу, а младший сидит дома, ужинает за одним столом с челядью, в него вкладывают "меньше, чем в лошадь", которую хотя бы объезжают, нанимая наездников.

Как только Орландо начинает высказывать претензии, старший брат прерывает его: "А знаете ли вы, перед кем вы стоите?" В ответной сентенции младшего — конфликт пьесы: "Я знаю, что вы мой старший брат, и в силу кровной связи и вам бы следовало признавать меня братом. Обычай народов дает вам передо мной преимущество, так как вы перворожденный; но этот же обычай не может отнять моей крови, хотя бы двадцать братьев стояли между нами! Во мне столько же отцовского, сколько и в вас, хотя, надо сказать правду, вы явились на свет раньше меня, и это даст вам возможность раньше добиться того уважения, на которое имел право наш отец". Орландо решает уйти из дому, а Оливер думает, как сберечь тысячу золотых, а заодно и проучить брата, которого "всей душой", сам не зная почему, ненавидит "больше всего на свете".

Он решает натравить на него Шарля, придворного борца герцога, рассчитывая, что тот убьет Орландо.

В “Майорате” Гофмана между Вольфгангом и Губертом “смертельный раздор”, и младший, с тех пор как стало известно об учреждении майората, преследует старшего “смертельной ненавистью”, “завидует имению”. Когда старший погибает, младший восклицает: “Я желал смерти брата моего, ибо отец, безрассудно учредив майорат, оставил ему в наследство лучшую часть”. Такая же вражда между сыновьями самого Губерта. Старший брат, всего двенадцати лет от роду, уже называет младшего “бедным жалким прихлебателем” и обещает, что после смерти отца, когда он сделается владельцем Р…зиттенского майората, младший будет принужден целовать ему руку, когда ему понадобятся деньги на новый сюртук. В ответ младший, “приведенный в бешенство язвительной надменностью брата”, кидает в него нож и ранит чуть не насмерть.

Главные герои “Виргинцев” Теккерея братья Джордж и Гарри сосуществуют более мирно, нежели сыновья де Буа и отпрыски Губерта, хотя старший получает по майорату почти все семейное наследство. Госпожа Эсмонд “с величайшей торжественностью провозгласила своим наследником и преемником старшего сына Джорджа, а младшему, Гарри, который был моложе своего брата на полчаса, с этих пор постоянно внушалось, что он обязан его уважать”.

Сердце матери не могло смириться с тем, что одному — имение, другому — “чашка чечевичной похлебки”. Да и в том, что старший сын будет обходиться с младшим достойно, у нее уверенности не было, потому что старший был “непокорным сыном”. “Вдова принялась упорно копить деньги для обездоленного младшего сына, как повелевал ей материнский долг”: приостановилось строительство дворца, начатое ее покойным мужем, книг больше не покупали, лондонскому агенту было приказано прекратить поставку вина. “Госпожа Эс-

монд глубоко сожалела о деньгах, истраченных на ее прекрасную английскую карету, и ездила в ней только в церковь, стеная в душе и твердя сыновьям, сидящим напротив нее: — Ах, Гарри, Гарри! Лучше б я отложила эти деньги для тебя, мой бедный обездоленный мальчик!"

А вот миссис Беннет из "Гордости и предубеждения" бережливостью не отличалась, и проблемы ее дочерей связаны не только с законом о майорате, но и с тем, что родители ничего не скопили.

Гарри положением дел совсем не озабочен, он уверен, что Джордж будет ему давать денег сколько нужно, когда его матушка умрет. Мнение Джорджа на этот счет несколько другое: "Наше поместье обширно, но доходы у нас... невелики. <...> Гарри может вернуться домой и пользоваться вместе с нами тем, что мы имеем! В конюшне для него найдется лошадь, на столе — кусок дичины, в кармане у него будут позвякивать монеты на мелкие расходы, и каждый год он получит один-два новых кафтана. Все это он будет иметь, пока моя мать жива, если, конечно, он не поссорится с госпожой Эсмонд... И, разумеется, пока я жив, он может находиться под моим кровом и пользоваться всем, что есть у меня. Однако, если я умру не бездетным, его присутствие в доме будет становиться все менее желанным". Скромный стол, кров, одежда, деньги на карманные расходы и весьма вероятная перспектива потерять и это, несмотря на то что наследство огромное. К счастью, до этого не доходит.

■ ■ ■

Майорат ушел в прошлое, как только уменьшилась важность наличия земли для экономического благополучия семьи, сократилось количество детей и женщины добились больших прав. Карл Маркс в статье "Буржуазия и контрреволюция" (1848) пи-

сал: “Революции 1648 и 1789 годов не были *английской* и *французской* революциями; это были революции *европейского* масштаба... *Победа буржуазии* означала тогда *победу нового общественного строя*, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом <... > буржуазного права над средневековыми привилегиями”.

Правда, отголоски феодального права в Англии существовали и после революции 1648 года. Закон о майорате действовал в Великобритании вплоть до 1925 года. Он гласил: если человек умирает, не оставив завещания, то по закону его имущество наследует старший сын, в отсутствие оных — старший племянник. В последней части романа Джона Голсуорси “Сага о Форсайтах” (1906–1921), действие которого происходит в 1918 году, один из героев, Майкл Монт, придерживающийся передовых социальных взглядов, восклицает: “Я наследник майората. И я его не жажду. По мне хоть завтра отменяйте майорат”.

“Майорат” фон Арнима заканчивается тем, что наступает эпоха революций и связанных с ней войн. После того как город *** окончательно попадает в руки врага, майорат упраздняют. Майорат-хаус “по милости новых властей” за бесценок выкупает для организации в нем аммиачной фабрики мачеха Эстер. Она окупает свои вложения продажей всего нескольких картин из домашней коллекции. “Так получил майорат-хаус нынешнее свое, пусть и не слишком приятное, но зато полезное в высшей степени назначение; и воцарился кредит вместо ленного права”.

Родерих фон Р., последний владелец майората в гофмановской новелле, умер, не оставив наследников, и майорат, согласно уставу, по которому он был учрежден, поступил в казну и превратился в королевское присутственное место. Замок лежал в развалинах, а часть камней употребили на постройку маяка.

“Тюльпаны прекраснее всех цветов…”

Глава пятая

“Голландская болезнь” в романе Александра Дюма “Черный тюльпан”

Роман “Черный тюльпан” Александра Дюма пронизан мотивами тюльпаномании — страстной спекуляции луковицами этого цветка, охватившей голландское общество в 1634–1636 годах. Действие книги происходит в 1672-м, когда в Голландии под руководством Вильгельма III Оранского произошло восстание, но во всем, что касается тюльпанов, воспроизведен дух 1630-х: преклонение перед красивым цветком таково, что человек готов отправить соседа на эшафот, чтобы украсть у него заветную луковицу. Эти события бесследно не прошли: любовь голландцев к тюльпанам сохранилась, а страна и по сей день является их крупнейшим мировым экспортером.

Масштабы спекуляции тюльпанами меня не удивляли бы, если бы не тот факт, что луковицы тюльпанов — отнюдь не золотые слитки, которым при хранении ничего не сделается. Тюльпаны же могут и испортиться, и не прорасти, к тому же по луковице не всегда можно определить, каков будет цветок, что создает почву для надувательства.

Тюльпаны были завезены в Европу из Турции около 1560 года. Однако около 70 лет их разводили только специалисты — цветоводы и садовники. Цветок очаровал сначала про-

фессионалов, а позднее и широкую публику. У тюльпанов была более яркая окраска, чем у любых других цветов, известных европейцам. Красный тюльпан был огненно-алым, а лиловый — такого насыщенного оттенка, что казался почти черным.

Специфика тюльпана как инвестиционного актива состоит в том, что новые сорта размножаются сначала очень медленно. Одна луковица ориентировочно может дать всего две на следующий год, четыре — через два года, восемь — через три и т. д. Если цветовод продает одну из двух луковиц во второй год, то лишается половины прироста и во все последующие годы. Таким образом, нужно лет десять, чтобы луковицы нового сорта тюльпанов появились на рынке в достаточном количестве. Тюльпаны могут размножаться и семенами, но в этом случае они начинают цвести только на седьмой год. Технологий, ускоряющих размножение этих цветов, в Голландии XVII века не существовало. Кроме того, редкие сорта растений — это еще и продукт длительной культивации. А огромным разнообразием тюльпанов мы обязаны вирусу, под воздействием которого цветок мутировал самым неожиданным образом и благодаря этому приобрел высокую стоимость.

В годы тюльпаномании редкие сорта тюльпанов существовали в очень небольших количествах — буквально по 10–15 луковиц каждого сорта на всю страну. Дефицит луковиц определенных сортов был таков, что за них могли просить любую цену.

■ ■ ■

Для голландца, жившего в 1630-х годах, тюльпан все еще оставался редким цветком, несущим в себе обаяние и экзотику Востока. До 1634 года луковицами торговали или обменивались только цветоводы-профессионалы. Однако постепенно цветок стал интересовать не только знатоков: оказалось, что на торговле луковицами можно зарабатывать неплохие деньги.

Этому способствовал возросший спрос на тюльпаны во Франции, где цветок вошел в моду при дворе Людовика XIII. Поскольку уже тогда Париж считался законодателем стиля и элегантности, парижскую моду заимствовали и на таких окраинах Европы, как Ирландия или Литва, где она могла отставать от парижской на 10–20 лет: популярность цветку была обеспечена на долгие годы — в той или иной части Европы.

Центром торговли стал Хаарлем (Харлем) — городок примерно в 20 км к западу от Амстердама. Тюльпанами торговали в городских тавернах, что способствовало росту количества сделок: сидеть можно было в тепле, регулярно прикладываясь к бокалу пива, и многие сделки совершались под хмельком. В помещение набивалось до 200–300 торговцев. Важно и то, что торговля тюльпанами была относительно спокойным занятием по сравнению с заморскими операциями (их риски мы объясняли в предыдущих главах).

Начать дело, если так можно назвать спекуляцию тюльпанами, было довольно просто. Нужно было иметь немного денег и знать, где расположен ближайший цветник — там могли продать луковицы.

Поначалу, когда луковицы покупали в основном знатоки, рынок торговли тюльпанами существовал только в короткий промежуток времени их цветения. Но различие между сезонами было не столь важно для чистых спекулянтов, которых не интересовала красота цветка. Они рассматривали это растение исключительно как инструмент для зарабатывания денег и покупали лишь с целью простой перепродажи. В результате этого постепенно торговля распространилась и на месяцы, когда клубни не могли сменить владельца физически — они были в земле. Поэтому при совершении сделки стали выписываться векселя, в которых указывалась дата, когда цветок будет выкопан и доставлен; платеж тоже переносился на более позднее время. Это нововведение сделало рынок луковиц кругло-

годичным. Выражаясь современным языком, по сути дела, был создан фьючерсный рынок с отсрочкой платежа до одного года.

Сначала луковицами торговали поштучно, но с переходом на фьючерсную торговлю возникла и торговля на вес, что связано с желанием продавцов получить большие деньги за более крупные луковицы. Даже если цена на единицу веса была фиксированной, вес клубня с момента, когда его сажали в сентябре, до июня, когда его выкапывали, увеличивался существенно. Возникла и торговля отростками, детками луковиц редких сортов. Помимо фьючерсов, возникло подобие тюльпанных акций. Так, несколько бедных торговцев в складчину могли купить доли в дорогой луковице.

Опытные цветоводы вскоре сообразили, что могут обманывать новичков, выдавая дешевые луковицы распространенных сортов за дорогие и редкие. Поэтому они с радостью принимали оплату и натурой — в виде одежды, посуды, домашней птицы и скотины, у людей побогаче брали картины. Таким образом, в этом бизнесе возник и бартерный обмен.

Свою роль в формировании пузыря сыграли и условия платежа: чем ниже задаток, тем выше могут расти цены, так как этот рост не ограничен физическим наличием денег у покупателя. В случае покупки тюльпанов задаток не требовался: покупатель вносил лишь небольшую комиссию продавцу. Так что позиции, которые на себя принимали покупатели, не ограничивались практически ничем. Как стало ясно задним числом, большинство сделок, в принципе, не могло быть закрыто: продавцы сбывали луковицы, которых у них не было или вообще еще не существовало в природе, а приобретали их покупатели, которые не смогли бы за них заплатить.

Пик мании пришелся на декабрь 1636 — январь 1637 года. Сорт Admirael de Man, который до начала мании можно было купить за 15 гульденов, стоил теперь 175; сорта Bizarden и Ghell en Root van Leyde выросли в цене в 10 раз — с 45 гульденов

до 550; Generalissimo — с 95 до 900; а очень редкий и красивый цветок с сокращенным именем Gouda ("тезка" местного сыра) — со 100 до 750. Semper Augustus — самый дорогой цветок, который стоил 5500 гульденов в 1633 году, то есть до начала мании, в 1637-м оценивался в 10 тыс.

Попробуем разобраться, как дороги были тюльпаны в 1637 году. Для этого можно сравнить их стоимость с общим уровнем цен тех лет. Так, средний годовой доход ремесленника в Голландии составлял 200–400 гульденов. Маленький таунхаус стоил около 300 гульденов, а натюрморт известного художника с изображением цветов можно было купить за 1000. Позволить себе приобретение Semper Augustus могли всего несколько десятков человек во всей Голландии. На те деньги, что он стоил, простая семья могла снимать жилье, покупать еду и одежду в течение половины жизни. Примерно за такую же сумму можно было купить прекрасный особняк с садиком в центре Амстердама, на канале, что и тогда было модно. Один из памфлетистов того времени подсчитал, что за 2500 гульденов можно было купить 27 тонн пшеницы, 50 тонн ржи, 4 тонны говядины, 8 откормленных свиней, 12 откормленных овец, 2 огромные бочки вина, 4000 литров пива, 2 тонны масла, 3 тонны сыра, кровать с постельным бельем, шкаф, полный одежды, и серебряный бочонок.

■ ■ ■

Главный герой "Черного тюльпана" Корнелиус ван Берле — состоятельный молодой ученый-врач и любитель природы, который увлекается ботаникой и зоологией и может себе позволить жить в свое удовольствие. Когда ему наскучили насекомые и "крупные растения", он переключается на цветоводство: "Не зная, куда девать свое время, а главное — деньги, количество которых ужасающе увеличивалось, он выбрал среди увле-

чений своей страны и своей эпохи самое изысканное и самое дорогое. Он полюбил тюльпаны. Вскоре в целой округе… только и говорили о тюльпанах господина ван Берле. Его гряды, оросительные канавы, его сушильни, его коллекции луковиц приходили осматривать так же, как когда-то знаменитые римские путешественники осматривали галереи и библиотеки Александрии. Ван Берле начал с того, что истратил весь свой годовой доход на составление коллекции; затем… он вывел пять разных видов тюльпанов…"

Соседом Корнелиуса, живущим с ним "стена в стену", является некий Исаак Бокстель — завистливый и непорядочный тип. Он тоже страстный любитель тюльпанов: "как только он достиг вполне сознательного возраста, он стал страдать тем же влечением и при одном только слове «тюльпан» приходил в восторженное состояние".

В отличие от Корнелиуса, Бокстель небогат и свое хобби финансирует с трудом, но к делу подходит самым тщательным образом: возделывает цветы согласно "тюльпановедческим предписаниям", знает температуру парников до одной двадцатой градуса, изучил силу ветра и утроил приспособления, защищающие от него. Результат не заставил себя ждать. Его изысканные тюльпаны стали нравиться. Наконец, Бокстель вывел новый сорт тюльпанов, дав ему свое имя. Этот тюльпан завоевал Францию, попал в Испанию и проник даже в Португалию. "Король дон Альфонс VI, изгнанный из Лиссабона и поселившийся на острове Терсейр, где он развлекался разведением тюльпанов, поглядел на вышеназванный «Бокстель» и сказал: «Неплохо»", — иронизирует Дюма.

Финансовое превосходство Корнелиуса дает ему фору при выведении новых сортов. Он надстраивает этаж над своей мастерской, чем лишает сад Бокстеля примерно полградуса тепла и отрезает в него доступ ветра. Сначала Бокстелю это почти нравится, ведь Конрелиус не конкурент, а всего лишь чудак-

художник, который "искажает чудеса природы, воспроизводя их на полотне". Кроме того, "Бокстель установил, что избыток солнечного света вредит тюльпанам и что этот цветок растет лучше и ярче окрашивается под мягкими лучами утреннего и вечернего солнца, чем под палящим полуденным зноем". Но вдруг Бокстель обнаруживает, что "окна заново выстроенного этажа украсились луковицами, отростками их, тюльпанами в ящиках с землей, тюльпанами в горшках и, наконец, всем, что характеризует профессию маниака, разводящего тюльпаны!" "Там находились целые пачки этикеток, полки, ящички с отделениями и железные сетки, предназначенные для прикрытия этих ящиков, чтобы обеспечить постоянный доступ свежего воздуха к ним без риска, что туда проникнут мыши, жуки, долгоносики, полевые мыши и крысы, эти любопытные любители тюльпанов по две тысячи франков за луковицу". Словом, производство у Корнелиуса оказалось более передовым, чем у Бокстеля.

И последний начинает подглядывать за Корнелиусом, пользуясь лестницей. Он обнаруживает действительно более масштабное и технологичное хозяйство: "земля смешана с речным илом — комбинация, самая благоприятная для тюльпанов"; вокруг дерн, предотвращающий осыпание; "расположение грядок такое, чтобы они согревались восходящим и заходящим солнцем и оберегались от солнца полуденного", достаточный запас воды и пр.

Бокстель представляет себе, как Корнелиус, обладающий капиталом в 400 тыс. флоринов и ежегодной рентой в 10 тыс., употребит все свои способности и возможности на выращивание тюльпанов. Значит, полградуса тепла отняты не ради тюльпанов на картинах, а ради настоящих цветов. "Ван Берле будет иметь превосходное солнечное освещение и, кроме того, обширную комнату для хранения своих луковиц и отростков, светлую, чистую, с хорошей вентиляцией, — роскошь, недоступную для Бокстеля, который был вынужден пожертвовать для этого своей

собственной спальней и, чтобы испарения человеческого тела не вредили растениям, заставил себя спать на чердаке".

Ван Берле действительно вскоре добивается превосходных результатов: он "достиг большого разнообразия в окраске и в форме тюльпанов и увеличил количество разновидностей". Его тюльпаны — "чудеснейшие творения, равных которым никогда никто не создавал, за исключением разве только Шекспира и Рубенса". Сам он принадлежит "к той талантливой и наивной школе, которая с седьмого века взяла своим девизом изречение: «Пренебрегать цветами — значит оскорблять Бога». Посылка, на которой любители тюльпанов построили в 1653 году следующий силлогизм: «Пренебрегать цветами значит оскорблять Бога. Тюльпаны прекраснее всех цветов. Поэтому тот, кто пренебрегает тюльпанами, безмерно оскорбляет Бога»".

Успехи Корнелиуса таковы, что о нем всюду говорят, а Бокстель навсегда исчезает из списка известных садоводов Голландии. Вуайеризм Бокстеля доходит до того, что он покупает подзорную трубу, чтобы через забор следить "не хуже самого хозяина" за цветами Корнелисуса "с момента их прорастания, когда на первом году показывается из-под земли бледный росток, и вплоть до момента, когда, по прошествии пяти лет, начинает округляться благородный и изящный бутон, а на нем проступают неопределенные тона будущего цвета и когда затем распускаются лепестки цветка, раскрывая, наконец, тайное сокровище чашечки".

Пережить успех соперника он не может. От болезненного вуайеризма Бокстель переходит к вредительству, а затем и к настоящему предательству. Когда он замечает на грядках ван Берле тюльпаны изумительной красоты, после периода восхищения им овладевает "лиходарочная зависть" и охватывает искушение "спрыгнуть ночью в сад, переломать растения, изгрызть зубами луковицы тюльпанов и даже принести в жертву безграничному гневу самого владельца, если бы он осме-

лился защищать свои цветы". Останавливает его только то, что "убить тюльпан — это в глазах настоящего садовода преступление ужасающее". ("Убить человека — еще куда ни шло".)

Бокстель старается разработать план преступления таким образом, чтобы виновника гибели цветов не установили. Он привязывает двух кошек друг к другу за задние лапы бечевкой в десять футов длины и бросает их со стены на середину главной гряды. "Обезумевшие от падения с высокой стены животные... заметались с диким мяуканьем во все стороны, ломая своей бечевкой цветы. После пятнадцатиминутной яростной борьбы им, наконец, удалось разорвать связывавшую их бечевку, и они исчезли".

Когда Корнелиус утром обследует сад, он находит "симметричные гряды его тюльпанов в полном беспорядке, подобно солдатам батальона, среди которого разорвалась бомба". "Пятнадцать или двадцать тюльпанов, разодранных и помятых, лежали на земле, одни согнутые, другие совсем поломанные и уже увядшие. Из их ран вытекал сок — драгоценная кровь, которую ван Берле согласился бы сохранить ценой своей собственной крови". Однако ни один из четырех знаменитых тюльпанов, на которые покушался завистник, не был поврежден. "Они гордо поднимали прекрасные головки над трупами своих сотоварищей". Корнелиус выставляет у тюльпанов охрану в виде ночующего в сторожке садовника, и Бокстель вынужден затаиться.

Между тем его зависть усиливается тем, что общество любителей тюльпанов города Хаарлема объявило награду тому цветоводу, кто вырастит уникальный тюльпан — черный. Это задача считается неразрешимой, так как "в эту эпоху в природе не существовало даже темно-коричневых тюльпанов". Однако похоже, что премия может достаться Корнелиусу, который принялся за посевы и все необходимые работы, чтобы превратить красные тюльпаны, которые он уже культивировал, в коричневые и коричневые в темно-коричневые. "На сле-

дующий же год ван Берле вывел тюльпаны темно-коричневой окраски, и Бокстель видел их на его грядах, в то время как он сам добился лишь светло-коричневого тона".

Бокстель начинает чувствовать отвращение к цветоводству и опускает руки: у него в земле гниют луковицы, в ящиках высыхает рассада, на грядах увядают тюльпаны. Он лишь наблюдает за работой ван Берле. А тот просеивает семена, подогревает и поливает их разными жидкостями, чтобы вызвать в них изменения, и даже производит "чрезвычайно тщательные и искусные прививки". Корнелиус "прячет в темном помещении те семена, которые должны были дать черный цвет, выставляет на солнце или на свет лампы те, которые должны были дать красный, ставил под отраженный от воды свет те, из которых должны были вырасти белые тюльпаны". Алхимические приемы во всей красе! Наблюдающий за Корнелиусом Бокстель воображает, что целится в Корнелиуса из мушкета.

Случай погубить Корнелиуса Бокстелю скоро представляется. К ван Берле приезжает крестник — важный политический деятель, противник Вильгельма Оранского — и отдает ему на хранение какой-то сверток. Сцену наблюдает в бинокль Бокстель, догадывающийся, что это могут быть "бумаги политического характера", документы оппозиции.

Между тем Корнелиус уже в шаге от выведения черного тюльпана: он снимает с грядки "еще бесплодные луковицы от посаженных тюльпанов цвета жженого кофе; их цветение… должно было дать тот знаменитый черный тюльпан, которого добивалось общество цветоводов города Хаарлема".

■ ■ ■

Итак, 20 августа 1672 года в час дня Корнелиус находится у себя в сушильне. Он любуется полученными луковичками — они "безупречные, неповрежденные, совершенные, — неоценимые

зародыши одного из чудеснейших произведений науки и природы, которое в случае удачи опыта должно было навсегда прославить имя Корнелиуса ван Берле". "Жилки на их кожице так тонки, что они даже незаметны невооруженному глазу". Корнелиус предается размышлениям о том, как назвать новый сорт тюльпана. Решает в пользу "Tulipa Nigra Barlaensis". Когда спросят: "Почему «Barlaensis»?", — ответом будет: "В честь имени творца его, ван Берле". Когда спросят: "А кто такой ван Берле?", — будут отвечать: "Это тот, кто уже создал пять новых разновидностей: «Жанну», «Яна де Витта», «Корнеля» и т. д.". А дальше — мечты о славе и о том, как будут потрачены сто тысяч, которые, кажется, уже в кармане. Половина из них пойдет на научные опыты, и Корнелиус добьется, что тюльпан будет благоухать. В идеале — издавать аромат розы или гвоздики. Или цветок вернет себе естественный аромат, которым, как Корнелиус думает, тот обладает в Индии или на Цейлоне.

В этот момент за ним и приходят служители закона. На него донес Бокстель, зная, что за хранение документов оппозиции полагается смертная казнь.

Сначала Бокстель испугался мысли о доносе, поскольку это могло привести Корнелиуса на эшафот. Но к зависти добавляется желание прикарманить сто тысяч. Бокстелю было хорошо известно, что ван Берле стоит на пороге выведения черного тюльпана, а его арест позволял завладеть заветными луковицами. После ареста никому не пришло бы в голову их охранять, а Бокстель ночью мог бы перебраться через забор. К тому же он точно знал, где находятся сокровища. Помимо премии Бокстель получил бы "великую честь назвать новый цветок «Tulipa Nigra Boxtellensis»".

При обыске бумаги нашли, Корнелиуса арестовали, но он успел положить в карман самое ценное — три луковички черного тюльпана. Бокстель этой же ночью забрался в сад, а затем и в дом, но луковичек не нашел. Бокстеля осенило, что ван

Берле мог унести их с собой в тюрьму, и он пустился вдогонку за ван Берле в Гаагу.

Корнелиуса действительно приговаривают к смертной казни, а тот факт, что он занимался цветоводством, только добавляет серьезности обвинению: "Любовь к тюльпанам прекрасно уживается с политикой, и исторически доказано, что много очень зловредных людей садовничали так рьяно, как будто это было их единственным занятием, в то время как на самом деле они были заняты совсем другим". "То обстоятельство, что Корнелиус ван Берле занимался одновременно и тюльпанами, и политикой, доказывает, что натура у обвиняемого двойственная, двуличная, раз он способен одинаково увлекаться и цветоводством, и политикой, а это характеризует его как человека самого опасного для народного спокойствия".

Казнь должна быть совершена в тот же день, но Корнелиус каким-то чудом успевает передать луковички Розе, дочери тюремного смотрителя, и объяснить, в чем их ценность. А Бокстель уже в Гааге. За 100 флоринов он подкупает палача, и тот обещает отдать ему одежду казненного (Бокстель уверен, что луковички в карманах). Однако в последний момент смертная казнь заменена на пожизненное заключение. Корнелиус отправляется в тюрьму в отдаленном городе, вскоре вслед за ним приезжает Роза со своим отцом, который попадает в эту тюрьму "переводом". Между Корнелиусом и Розой вспыхивает любовь. Роза начинает приходить на свидания под окна камеры. Корнелиус учит безграмотную девушку читать и писать.

Бокстель не дремлет. Он знакомится с отцом Розы, под видом друга и под чужим именем проникает на территорию тюрьмы. И сначала кажется, что он интересуется самой Розой.

Наконец приходит пора сажать луковички. Одна посажена в камере в горшке, землю для которого принесла Роза. Две другие спрятаны у Розы. Одну луковицу решено высадить на грядку, которую приготовила Роза. Однажды тюрем-

щик застает Корнелиуса с горшком — тот не услышал приближающихся шагов и не успел его спрятать, как он обычно делает. Тюремщик разбивает горшок и топчет тюльпан. Луковичек остается две. Бокстель проговаривается: он уверен, что их три! Этот разговор слышит Роза. Она вспоминает, что Бокстель за ней следил, когда она копала грядку. Эти факты наводят Корнелиуса на подозрения, что незнакомец (а лица его, ясное дело, Корнелиус не видел) интересуется не Розой, а тюльпанами. Корнелиус и Роза принимают меры предосторожности. Роза делает вид, что сажает тюльпаны на грядке, уходит и подсматривает за Бокстелем. Тот копается в земле, и становится ясно, что он действительно охотится за тюльпанами.

Корнелиус просит Розу хранить две оставшиеся луковички как зеницу ока: одну она должна взращивать согласно указаниям Корнелиуса, а другую хранить в шкафу и беречь, "как скупой бережет свою первую или последнюю золотую монету; как мать бережет своего сына; как раненый бережет последнюю каплю крови в своих венах". Доходит до того, что Корнелиус призывает Розу пожертвовать отношениями с ним, лишь только сохранить тюльпаны. Роза очень расстроена и обижена. "Я вижу, — сказала, рыдая, девушка, — вы любите ваши тюльпаны так сильно, что для другого чувства у вас в сердце не остается места". Она не приходит к Корнелиусу целых две недели и отсиживается в своей комнате.

В одиночестве Роза "накручивает" себя. Она думает, что если бы Корнелиусу "пришлось отдать свое сердце, то он, конечно, отдал бы его скорее тюльпану, то есть самому благородному и самому гордому из всех цветов, чем Розе, скромной дочери тюремщика". В итоге "в борьбе черного тюльпана с Розой побежденным оказался черный тюльпан".

Все закончилось хеппи-эндом. Тюльпан был выращен Розой в ее комнате. Он был "прекрасен, чудесен, великолепен; стебель его был восемнадцати дюймов вышины. Он стройно

вытягивался кверху между четырьмя зелеными гладкими, ровными, как стрела, листками. Цветок его был сплошь черным и блестел, как янтарь".

Разумеется, он был украден Бокстелем, но в конце концов справедливость восторжествовала: Розе удалось доказать самому принцу Оранскому, что цветок выращен ею из второй луковички. Заодно была доказана и невиновность Корнелиуса. Его выпустили из тюрьмы, вернули все конфискованное имущество. Корнелиусу еще в тюрьме удалось убедить Розу, что он любит ее больше черного тюльпана, и, выйдя на свободу, он женится на ней. А Бокстель умер от разрыва сердца, когда осознал, что пальма первенства в селекции черного тюльпана будет принадлежать не ему.

Город Хаарлем выплатил премию Корнелиусу и Розе и еще столько же потратил на народный праздник в честь цветка. Воскресенье, назначенное для церемонии вручения награды, стало днем народного ликования.

"Необыкновенный энтузиазм охватил горожан". Во главе представителей города и комитета садоводов блистал господин ван Систенс, бургомистр и председатель общества цветоводов, одетый в самое лучшее свое платье. "Этот достойный человек употребил все усилия, чтобы походить изяществом темного и строгого одеяния на свой любимый цветок…" А черный тюльпан несли на носилках, покрытых белым бархатом с золотой бахромой.

■ ■ ■

В реальной жизни все закончилось, конечно, по-другому. Пузыри схлопываются всегда, и момент начала краха очень трудно предугадать. Разворот тренда может вызвать самый ничтожный повод. В случае тюльпаномании первый "звоночек" краха, наверное, прозвенел еще в декабре 1636 года. Некий аптекарь

и цветовод по имени Генрикус из города Гронингена продал тюльпанов на несколько тысяч гульденов с условием, что если цены до лета 1637 года упадут, то покупатель сможет отказаться от сделки, уплатив 10 % от покупной цены.

После 3 февраля 1637 года началось обвальное падение цен на тюльпаны. В Хаарлеме — центре торговли — в тот день прошел слух, что покупателей на рынке больше нет, что вполне соответствовало действительности. Вмиг остановились все сделки — тюльпаны не продавались ни за какие деньги, кроме единичных экземпляров уникальных сортов. В итоге цены на эти цветы упали примерно так же стремительно, как и выросли. В среднем новые цены составляли 5 % от пиковых и на прежний уровень не вернулись больше никогда.

Тюльпаномания является самой масштабной и наиболее известной из всех цветочных маний, но она не исключение.

В 1838 году во Франции разразилась нарциссомания, и не в смысле любования мужчин своим отражением в зеркале. Нарцисс, как и тюльпан, был сравнительно новым цветком в Европе, его завезли из Мексики в 1790 году. На пике "нарциссовой лихорадки" бежевый нарцисс можно было поменять на бриллиант.

В 1912 году короткий бум на гладиолусы случился в Голландии.

В 1985 году нечто подобное произошло в Китае с лилией сорта "красный паук". Этот африканский цветок был завезен в Китай в 1930-м. Культивировалась эта лилия только в городе Чань-Чунге, где цветок имелся примерно у половины семей. Мания разразилась почти сразу же, как только в Китае начались экономические реформы. В 1985 году стоимость "красного паука" достигала 200 тыс. юаней, или 50 тыс. долларов. Цены на лилию упали очень резко, как только одна китайская газета опубликовала статью о тюльпаномании в Голландии XVII века.

“С билетами всегда вы налегке, они удобней денег в кошельке”

Глава шестая

Одна из первых попыток выпуска бумажных денег в трагедии Гёте “Фауст” и “Персидских письмах” Монтескье

Бумаге служат в качестве заклада
У нас в земле таящиеся клады.
Едва их только извлекут на свет,
Оплачен будет золотом билет.

Так в “Фаусте” канцлер обнадеживает императора страны с опустевшей казной. На дворе времена, когда деньги — золото — из ничего пытались изготовить лишь алхимики.

Долго считалось, что прототипом главного героя доктора Фауста — ученого, ищущего истину, — был доктор Иоганн Фауст, реальный исторический персонаж, скитавшийся по протестантской Германии в первой половине XVI века. Чернокнижник, астролог, врач и естествоиспытатель, был он либо ловким шарлатаном, либо настоящим ученым.

Современный швейцарский экономист Ганс Бинсвангер, автор книги “Деньги и магия. Критика современной экономики в свете «Фауста» Гёте”, утверждает, что его прототипом был шотландец Джон Лоу, создатель оригинальной схемы введения в оборот бумажных денег во Франции[1].

1 Binswanger H. C. *Money and Magic. A Critique of the Modern Economy in Light of Goethe's Faust*. Chicago: University of Chicago Press, 1994 (первое немецкое издание вышло в 1985 году). См. также его статью: Binswanger H. C. *The Challenge of Faust* // Science. July 31, 1998. V. 281. № 5377. P. 640–641.

В 1706 году Лоу предложил эту идею Шотландии, но понимания не нашел. А вскоре был вынужден покинуть страну: он убил человека на дуэли, и ему грозила тюрьма. Лоу скитался по Европе девять лет, предлагая свою “систему” в Турине, Вене, Гааге… Зарабатывал на жизнь азартными играми. В карты он играл великолепно, строя игровую стратегию на теории вероятностей, и ему удалось этим много заработать. У Гёте есть сцена игры Фауста в кости с обезьяной, возможно, навеянная биографией Лоу.

Наконец Лоу попал во Францию, которой правил в те годы “король-солнце” Людовик XIV. Праздно-богемный образ жизни монарха и двора был очень обременительным для казны. Положение дел усугубила Война за испанское наследство 1701–1714 годов. После нее годовые проценты по госдолгу Франции были вдвое больше разницы между доходами и непроцентными расходами бюджета. Государство израсходовало все налоги на три-четыре года вперед. Многим госслужащим задержали зарплату за несколько лет, король занимал деньги у ростовщиков как частное лицо. Государство не могло платить по долгам — часть списали, проценты на оставшиеся понизили. Кредиторы государства не могли расплачиваться по своим долгам, дефицит кредита привел в ступор экономику: земли не обрабатывались, торговля пришла в упадок, потребление сократилось вполовину по сравнению с довоенными годами.

В 1715 году “король-солнце” умер, страной в качестве регента при малолетнем Людовике XV правил герцог Орлеанский. Он без розовых очков смотрел на состояние финансов страны и рассматривал возможность объявить Францию банкротом. Лоу предложил свою “схему” герцогу, когда тот еще не был регентом. Она предполагала создание банка, выпуск банкнот (обязательств банка), свободно обмениваемых на золото. А когда к ним будет сформировано доверие — переход к бумажному денежному обращению. По мнению Лоу, от пол-

ного обеспечения банкнот золотом можно потом постепенно отойти, так как они будут обеспечены всем богатством страны, включая землю и недра. Идея была новаторской: в то время бумажные банкноты ходили только в Швеции, Голландии, Англии и некоторых итальянских городах-государствах. Схема предполагала избавление от внешнего долга за счет конвертации его в акции банка и сокращение процентов с семи до пяти годовых.

Герцог Орлеанский решил дать Лоу шанс. 1 мая 1716 года государственным вердиктом шотландцу было позволено создать банк.

■ ■ ■

В "Фаусте" Бог и Мефистофель (сатана) спорят, сможет ли Мефистофель соблазнить Фауста и низвергнуть его в бездну. Бог уверен, что Фауст — его верный и наиусерднейший раб — выйдет из тупика. Мефистофель искушает престарелого Фауста, которому жизнь стала не мила:

Изведать после долгого поста,
Что означает жизни полнота.

Тот соглашается, выпивает ведьминого зелья и становится молодым, красивым и полным сил. Во второй части поэмы Мефистофель искушает Фауста богатством. Он приводит его к императорскому двору в государстве, где по причине оскудения казны царит разлад. Император больше озабочен балами, чем экономикой, он уверен, что "звезды неба благосклонны", сулят стране "преуспеянье", и не хочет "портить скукой и досадой приготовленья к маскараду".

Придворные убеждены, что ситуация критична.
Начальник военных сил напоминает, что:

Нетерпелив солдат наемный
И требует уплаты в срок.

А не разбегается армия лишь потому, что у казны перед ней огромный долг. Казначей жалуется, что:

Пришел конец союзным взносам.
И денег никаким насосом
Теперь в казну не накачать.

Смотритель дворца сетует, что:

Не знают меры повара.
Олени, зайцы, гуси, куры,
Поставки свежею натурой
Не убывают для двора.

Тогда как платить нечем:

От недокорму чахнут свиньи.
Хозяйство все по швам трещит.
Спим на заложенной перине
И даже хлеб едим в кредит.

Никто не знает, как поправить дело, кроме выдающего себя за шута Мефистофеля. Искуситель развивает план пополнения денежных запасов путем поиска зарытых в земле кладов:

В горах есть золото в избытке,
Под зданьями зарыты слитки.

Сначала в эту идею не очень-то верят. Особенно канцлер, указывающий Мефистофелю, что здесь нечестивцев сжигают

на костре за “лжеученья и обман”. Однако император загорается идеей, для него находка кладов была бы решением проблемы:

Что пользы от вниканья в суть?
Нет денег, ты их и добудь.

То ли из-за видимой убежденности Мефистофеля, то ли из-за традиции не перечить императору и другие придворные вдруг проникаются новой страстью.

Мефистофелю подпевает казначей:

Шут разбирается в законе,
Земля принадлежит короне.

Смотритель дворца надеется пополнить “кладовых запас”. Начальника военных сил устраивает, что деньги не пахнут:

Откуда клад,
Не станет спрашивать солдат.

И только канцлер предупреждает:

В мечтах о золотой казне
Не попадитесь сатане.

В идею не верит пока народ:

Сошлись у трона руки греть
И людям расставляют сеть…
И слушать лень их дребедень.
Врать мастера, и песнь стара.
Он шарлатан, и все — обман.

Но Мефистофель продолжает агитацию:

Когда на месте не сидится
И кости ноют и мозжат
Или сведет вам поясницу,
Ломайте пол, под вами клад.

Энтузиазм народа, поверившего искусителю, еще больше убеждает императора в правоте Мефистофеля, и он уже сам готов заняться копанием ям. Соблазнитель подзуживает, уверяя, что “забытые по углам” богатства повсюду:

Вдруг вывернет у земледельца
Кубышку золотую плуг;
Со всей бесхитростностью, вдруг,
Селитру роя на задворках,
Найдет бедняк червонцы в свертках
И в страхе выронит из рук.

Настает время маскарада. Мефистофель в образе мальчика-возницы разбрасывает золотые украшения, но они исчезают, стоит только их коснуться:

Кто думал, что на самом деле
Владеет ниткой жемчугов,
Сжимает вместо ожерелья
Горсть копошащихся жуков.

Выручает Плутос — бог богатства, снимающий запоры с сундука, который до краев полон “золотом текучим”. Толпа в экстазе:

Смотрите, золота струя
Перетечет через края!

Депутация гномов сообщает Пану, в костюм которого переоделся император, что поблизости открыли “новый чудный ключ средь скал”, изливающий золото “в обилье”. Не успевает император опомниться, как придворные рапортуют, что проблема с финансами решена. Клады еще не найдены, но уже выпущены бумажные банкноты, обеспеченные будущими находками, пользующиеся огромной популярностью: прямая аллюзия на идею Лоу об обеспеченности банкнот всеми богатствами страны.

■ ■ ■

Наутро после маскарада смотритель дворца докладывает императору, что все счета оплачены и ростовщики ему больше не указ, начальник военных сил — что ландскнехтам дан задаток в счет будущих походов и “безмерен радости масштаб солдат, трактирщиков и баб”. Император в недоумении. Ситуацию проясняет канцлер, показывая ему купоны с “объявленной” ценою “в тысячу имперских крон”. Император собственноручно подписал один билет вчера на балу, а эту подпись владыки “размножили несчетно мастера”. И уже опечатаны

Билеты казначейские в дукат,
А также в десять, тридцать, пятьдесят.

Канцлер сообщает, что восторг на улицах неописуем, а имя императора “под казначейскою печатью” “стало знаком благодати”. Император удивлен, что:

Вместо золота подобный сор
В уплату примут армия и двор?

Но смотритель дворца подтверждает, что спрос на банкноты — ажиотажный:

Беглянки разлетелись врассыпную.
Бумажек не вернуть уж. Первый вал
Вкатился с улиц в лавочки менял…
Там разменяли каждую кредитку
На золото с положенною скидкой.

А теперь вернемся во Францию 1716 года. Выпуск бумажных денег поначалу был успешным. Лоу заявил, что банкир заслуживает смерти, если выпускает необеспеченные банкноты, и гарантировал немедленный обмен бумажных денег на монеты. Сказалась и внушительная поддержка регента — он разместил в банке миллион ливров золотом и приказал сборщикам налогов на местах собирать их только в банкнотах. Кредиты в банкнотах “реальному сектору” запустили промышленность и торговлю.

Вскоре банкноты стали цениться выше, чем монеты: они обменивались на монеты по курсу на момент выпуска, а золотые и серебряные деньги постоянно обесценивались из-за изменения номинала властями. Современник Лоу герцог Сен-Симон пишет, что банкноты “предпочитали металлическим деньгам”, они пошли даже на погашение внешнего долга: “четыре миллиона было выплачено Баварии, три миллиона — в счет старых долгов”.

В “Фаусте” введение бумажных денег и погашение долгов государством вызвало оживление в экономике:

И деньги потекли из кошелька
К виноторговцу, в лавку мясника…
Полмира запило, и у портного
Другая половина шьет обновы.
В трактирах — людно, стук тарелок, чад,
Все: “Пьем за императора!” — кричат.

Успех Лоу привел Францию к потребительскому буму. Акции подконтрольной ему Compagny des Indes выросли в цене почти в двадцать раз, инвесторы разбогатели. Продавшие акции переключились на потребление. "Новые французы" покупали лошадей, мебель, книги, произведения искусства, ювелирные изделия. Бывшая беднота тоже наращивала потребление и приобщалась к роскоши. Кухарки и камеристки оделись в шелка и сатин и стали заявляться в оперу в платьях, сравнимых по цене с платьями их бывших господ.

Мефистофель делает экспресс-анализ преимуществ банкнот перед металлом:

С билетами всегда вы налегке,
Они удобней денег в кошельке.
Они вас избавляют от поклажи
При купле ценностей и их продаже.
Понадобится золото, металл
Имеется в запасе у менял.
И продолжает талдычить об их обеспеченности:
А нет у них, мы землю ковыряем
И весь бумажный выпуск покрываем,
Находку на торгах распродаем
И погашаем полностью заем…
И с золотым чеканом наравне
Бумага укрепляется в стране.

Император, как в сказке, где за спасение царевны давали полцарства, вознаграждает гениальных авторов схемы, назначая Фауста и Мефистофеля заведовать и недрами, и казной:

Даю вам на храненье наши недра,
Заведуйте статьею этой щедрой.

Разметьте на поверхности земли,
Где надо рыть, где клады залегли…

А придворные мечтают, на что они употребят свалившееся с неба богатство:

Один паж
Я зачащу к знакомым на пирушки.

Другой паж
Цепочку и кольцо куплю подружке.

Камергер
Запью еще сильнее, но с разбором.

Другой камергер
Сыграю в кости с новеньким партнером.

Титулованный землевладелец
Я замок выкуплю из ипотек.

Другой титулованный
Я средства округлю на весь свой век”.

Впрочем, почему все как в сказке? После первоначального успеха “системы” 5 января 1720 года Лоу был назначен на самый высокий административный пост в стране — главным контролером финансов, что соответствует сегодняшнему рангу премьера.

■ ■ ■

Мефистофелю удается выпуск ничем не обеспеченных бумажных денег (клады еще не найдены). Бинсвангер считает, что Гёте в “Фаусте” показал: современная экономика — “это продолжение алхимии другими средствами”, а в сцене выпуска бумажных денег можно усмотреть и философский смысл — создание смысла

при помощи бессмысленных знаков. Символизм бумажных денег в том, что они — идея, оторванная от источника смысла и стоимости. Империя неминуемо придет к банкротству, если золото не будет извлечено на поверхность: настоящее богатство нельзя создать искусственными имитациями реальных ценностей.

Идея Лоу красива, примерно в таком виде она реализуется и сейчас. У денег давно нет твердого обеспечения, центробанки создают доверие к ним другими средствами. Но эксперимент Лоу оказался неудачным. Он не имел представления об угрозе инфляции: когда банкноты стали пользоваться популярностью, Лоу начал их выпускать с колоссальной скоростью — по принципу "хорошего должно быть много". В результате в 1719–1720 годах цены выросли в 4–6 раз, что привело к народным волнениям, сожжению лишних денег на костре (народ прочитал этот сигнал Лоу наоборот: "бумажные деньги годны лишь для растопки печи"), возвращению к монете и новой экономической депрессии на много лет.

Как вспоминает Сен-Симон, "недовольство было тотальным и ужасным. В стране не осталось богатого человека, который не считал бы себя лишившимся средств, и не осталось бедных, которые бы не думали, что их положение стало как у попрошаек". Доверие к банкам и бумажным деньгам было подорвано надолго. Во Франции долгие годы даже не предпринимались попытки выпустить банкноты или ввести банковские депозиты.

Проходит время. Скитавшиеся по миру Мефистофель и Фауст возвращаются ко двору императора. Там начался развал, несостоятельную власть сменило безначалье:

Всех стала разделять вражда.
На братьев ополчились братья
И города на города.
Ремесленники бились с знатью
И с мужиками господа…

По делу уезжал купец
И находил в пути конец.
Достигло крайнего размаха
Укоренившееся зло.

■ ■ ■

Гёте знал предмет не понаслышке: он в течение десяти лет служил министром финансов при дворе герцога Веймарского и приложил немало усилий, чтобы отговорить герцога от введения в оборот бумажных денег. Он с недоверием относился к банкам и в своем доме в Веймаре хранил мешки с золотом.

Современник Лоу — французский философ и писатель Шарль Монтескье выступил с критикой Лоу в “Персидских письмах” (1721). В письме CXLII приводится “отрывок из сочинения древнегреческого мифолога”, в нем рассказывается, что на некоем острове у бога ветров Эола родился талантливый ребенок, который “в возрасте четырех лет так превосходно различал металлы, что, когда мать дала было ему вместо золотого латунное кольцо, он заметил обман и швырнул кольцо наземь”. Когда ребенок подрос, “отец обучил его секрету загонять ветры в бурдюки, и он стал продавать их путешественникам”. Ветер в бурдюках — бумажные деньги.

Во время своих скитаний юноша узнал, что в Бетике (Франции) “повсюду блестит золото, и устремился туда”. Сатурн (Людовик XIV) оказал ему сухой прием. “Но когда этот бог покинул землю” (король умер), молодой человек призвал народы Бетики поверить ему, покинуть “страну презренных металлов” и переселиться “в царство Воображения”. “Развязал он несколько принесенных с собою бурдюков и раздал свой товар желающим”. Он предлагает каждое утро представлять, что за ночь богатство удвоилось, платить кредиторам из воображаемой сокровищницы и, наконец, просит позволить его

воображению руководить народом. Каждое утро он станет показывать "объявление", которое будет служить источником богатств, умножит приданое жен, наследство детей, содержание слуг, "обеспечит великолепие колесниц, роскошь пиров, многочисленность и благосостояние любовниц". Речь в данном случае шла о котировках Compagny des Indes. Через несколько дней он меняет призывный тон на приказной и велит сдать припрятанное золото в казну, а иначе, клянется он "священными своими бурдюками", народ будет наказан. Приказывает он и расстаться с драгоценными камнями и вернуть сокровища из-за границы. Взамен обещает "все наилучшее", что есть в его бурдюках.

Ключевым для успеха схемы Лоу было доверие к бумажным деньгам, а оно стало исчезать из-за инфляции. Банкноты все чаще предъявляли к обмену на золото. Принц Конти обменял на него "три повозки денег", подсуетился и герцог Бурбонский. Лоу понимал, что с его ограниченными резервами выпускавший банкноты Bank Royal не выдержит роста спроса на золото, и зимой 1720 года издал ряд драконовских указов, ограничивавших обмен банкнот на золото и покупку драгоценных камней (чтобы ради этого не продавали акции). Указы запрещали публике носить украшения с драгоценными камнями в публичных местах, а золотых дел мастерам — изготавливать изделия из золота, монетами можно быть расплачиваться только за мелкие покупки, золотом и серебром запрещалось погашать долги, даже суверенные, чеканка золотой и серебряной монеты прекращалась.

Чтобы побороть нелегальное хождение золота, в нем и в серебре было запрещено хранить сбережения. Франция стала полицейским государством. Полиция получила право входить в любой дом в любое время и обыскивала дома в поисках денег. Поощрялись доносы — информаторам обещали премии, слуги стали доносить на господ. Обнаруженные монеты кон-

фисковывали и назначали штраф в размере 100%. За утайку денег можно было угодить и в тюрьму. Обыскали и дома принца Конти и герцога Бурбонского, но ничего не нашли.

У Монтескье история заканчивается тем, что молодой человек сначала отнимает половину богатств народа, но ему этого кажется мало, и вот "тотчас три четверти богатств бесследно исчезло". Скорее всего, речь о падении котировок Compagny des Indes, последовавшая конфискация заработанного на биржевой игре у лиц низкого происхождения была уже не его рук делом.

Обличительный пафос Монтескье разделяли не все. Сен-Симон в своих мемуарах, написанных в 1740-х годах, характеризует Лоу как вежливого, хорошего, уважаемого человека, которого "не отравили ни слава, ни богатство и чьи манеры, экипажи, стол и мебель не вызывали скандала". О Лоу благожелательно отозвался и Чарлз Маккей, автор книги "Наиболее распространенные иллюзии и безумства толпы" (1841): "С благородством большим, чем можно было ожидать от человека, который большую часть своей жизни был явным авантюристом, он отказался от собственного обогащения за счет разоренной нации... он ни на секунду не сомневался в конечном успехе своих проектов, призванных превратить Францию в богатейшую и влиятельнейшую страну Европы... Он не запасся столовым серебром или ювелирными изделиями и не перевел... никаких денег за границу. Все его состояние, кроме одного алмаза... было вложено во французские земельные угодья; и когда он покинул эту страну, то сделал это почти нищим. Один этот факт должен был спасти память о нем от обвинений в мошенничестве, столь часто и столь несправедливо выдвигаемых против него".

Заслуги Лоу оценил и Петр I. Как пишет современный российский историк Павел Лизунов, "Петр I хотел пригласить Лоу и повелел приготовить наказ, который сам правил

вчерне и согласно которому Лоу предлагались княжеский титул, чин действительного тайного советника, звание обергофмаршала, орден Святого Андрея Первозваного, две тысячи крестьянских дворов, право строить укрепленные города, населять их иностранными манафактуристами. Ему также предлагалось, если пожелает, «рудокопные дела, такожде персидскую торговую компанию в российском государстве сочинить и учредить”. За все это была определена сумма в размере “токмо одного мильона рублей или по той цене серебром в его церского величества казну»”. К сожалению, история умалчивает, почему эта сделка не состоялась: приглашение не было передано или Лоу его отклонил?

Остаток жизни Джон Лоу провел в Италии, где содержал семью игрой в карты — он был необыкновенно удачливым игроком. В 1729 году он умер в Венеции, где и был похоронен. Жена его умерла в Брюсселе в нищете.

“Весь мир
станет одной
большой
семьей, будет
говорить
на одном
языке и верить
в единого бога”

Глава седьмая

Железнодорожная лихорадка в английской литературе середины XIX века

Согласно одной из теорий длинных экономических циклов, за всю историю экономического развития случилось всего пять волн технологических инноваций, и все они в фазе агрессивного инвестирования сопровождались финансовыми пузырями. Первым таким "большим взрывом" считается промышленная революция 1770-х в Англии, связанная с развитием производства хлопковых тканей, вторым — изобретение в Англии в 1820-х годах парового двигателя, положившее начало эпохе пара и железных дорог.

Это изобретение было встречено в Британии со скептицизмом и беспокойством. Опасались, что локомотивы распугают мирно пасущихся коров, которые перестанут давать молоко, и кур — они прекратят нестись; дым от паровоза отравит всех птиц в округе, а скорость движения поезда, 15 миль в час, разорвет на части пассажиров. Оппозиция железным дорогам существовала в лице владельцев поместий, которые не хотели, чтобы сельская тишина и покой были нарушены. Оксфордский и Кембриджский университеты выступили против проекта железной дороги, которая должна была связать Лондон с западом страны.

Расхожие мнения того времени о целесообразности железнодорожного строительства можно найти в одном из са-

мых значительных английских романов XIX века — "Миддлмарч" (1871–1872) Джордж Элиот (Мэри Энн Эванс), действие которого происходит в том числе в 1830–1832 годах, то есть перед началом первой железнодорожной лихорадки. В провинциальном городке грядущее появление железной дороги обсуждается "с таким же волнением, как ужасы холеры". Женщины полагают "путешествие по железной дороге делом опрометчивым и небезопасным". Общество склонно считать, что, продавая землю железнодорожным компаниям, "владельцы поместий должны потребовать с них как можно больше денег за наносимый человечеству ущерб, ведь "все коровы начнут выкидывать телят".

Чарлз Диккенс в романе "Домби и сын" (1848), действие которого происходит на фоне железнодорожной мании, описывает отношение к строительству дороги жителей пригорода Лондона с ироническим названием Сады Стегса. Они уверены в способности Садов "пережить все эти нелепые изобретения", а местный трубочист публично обещал "приказать в день открытия железной дороги — если она когда-нибудь откроется — двум из своих мальчишек… приветствовать неудачу насмешливыми возгласами из дымовых труб".

До строительства дороги Сады Стегса представляли собой "небольшой ряд домов с маленькими убогими участками земли, огороженными старыми дверьми, бочарными досками, кусками брезента и хворостом". Потом все разворотили. "Дома были разрушены… вырыты глубокие ямы и рвы; земля и глина навалены огромными кучами; здания, подрытые и расшатанные, подперты большими бревнами… Всюду были мосты, которые никуда не вели; широкие проспекты, которые были совершенно непроходимы; трубы, подобно вавилонским башням, наполовину недостроенные; временные деревянные сооружения и заборы в самых неожиданных местах; остовы ободранных жилищ…"

Но всего через два-три года картина изменилась: "Где находились некогда старые подгнившие беседки, ныне возвышались дворцы... место грязного пустыря заняли ряды торговых складов, переполненных дорогими товарами и ценными продуктами". Железные дороги победили.

В публицистике времен этого бума железные дороги объявляются беспрецедентным достижением научно-технического прогресса. Говорится не только об экономической стороне дела, но и о трансформации общества в целом. Один автор делает упор на изменение скорости жизни и отмечает, что изменился даже язык: появились такие обороты речи, как "с железнодорожной скоростью", "набрать скорость", да и расстояния стали измерять в часах и минутах езды на поезде. У Диккенса: "остовы домов и начала новых улиц развили скорость пара и ворвались в предместья чудовищным поездом".

Другой комментатор полагает, что новое дело отзовется "бесчисленными благими последствиями". Пэр, фабрикант и сельский хозяин, сидя рядом в вагоне, получат возможность ближе узнавать друг друга, пэр потеряет часть своей гордости, а невежественный фермер — невежества. Фабричный рабочий увидит океан, перед ним предстанут горы и озера. Лондонский ремесленник получит возможность наслаждаться видом зеленеющих полей. Образ жизни миллионов людей улучшится, так как появится возможность "доставлять во внутренность страны рыб из дальних морей и фрукты из чужих стран, а также масло, молоко и овощи — прямо из деревни в город". Третий автор договаривается до того, что теперь весь мир станет одной большой семьей, будет говорить на одном языке, управляться одним законом и верить в единого бога.

Всеобщей эйфории поддался и Карл Маркс. В статье "Будущие результаты британского владычества в Индии" (1853)

он писал: "Современная промышленность, которая явится результатом проведения железных дорог, приведет к разложению системы наследственного разделения труда, на которой покоятся индийские касты".

■ ■ ■

Первая железная дорога в мире — между городами Стоктон и Дарлингтон — была открыта в 1825 году, спустя шесть лет поезда начали ходить между Ливерпулем и Манчестером. Постепенно стало очевидно, что поезд предпочтительнее лошадиной тяги. Компания Liverpool & Manchester Railway объявила о 10-процентных дивидендах, ее акции удвоились в цене, рост котировок подхлестнул лихорадку.

В середине 1830-х было запущено 59 проектов с общими инвестициями в 36 млн фунтов (в современных ценах с учетом инфляции это 3,6 млрд фунтов, а с учетом индекса совокупной прибыли английских компаний — более 25 млрд). Во время так называемой малой железнодорожной мании с мая 1835 по май 1836 года цены железнодорожных акций выросли на 118 %, затем случился перелом, и к началу 1840-го большинство бумаг котировались ниже цены размещения. К тому моменту в стране было построено около двух тысяч миль железнодорожного полотна. Считалось, что сооружение железнодорожной сети в основном завершено.

Однако в начале 1840-х годов возникла новая волна интереса к железным дорогам. В 1843-м в парламент было подано три заявки на их строительство, в 1844-м — 199, а в 1845-м — 562. Причин нового железнодорожного бума несколько. 1842–1845 годы были периодом экономического подъема, реальный ВВП рос на 3–5 % в год. На исторических минимумах находились процентные ставки: трехпроцентные консоли (бессрочные государственные обязательства) впервые за 100 лет тор-

говались около номинала, а ставка Банка Англии составляла примерно 2,5 %. Предпринять железнодорожное путешествие уговорили королеву Викторию, и она нашла его очень приятным. Ослабела и оппозиция землевладельцев — они осознали, что, если через их владения прокладывают дорогу, земля растет в цене.

Никакого государственного планирования не было. Начать проект строительства дороги не составляло большого труда: требовалось только учредить компанию, организовать "местный комитет", который поддержал бы идею размещения акций, нанять инженера и получить от парламента разрешение с указанием размера капитала, который компания могла привлечь, с разбивкой на долговой и акционерный.

При покупке акций достаточно было уплатить первоначальный взнос в размере 10 % и получить на руки скрип — свидетельство о покупке акций (от англ. scrip, сокр. от subscription — подписка). Остальные деньги вносились частями по мере продвижения строительства. Скрипы свободно обращались, некоторые компании выпускали их еще до получения разрешения на строительство от парламента. При покупке скрипов доходность могла быть астрономической: если акция росла в цене на 10 %, то скрип, по которому внесено всего 10 %, рос в два раза.

Регулирования не существовало, поскольку поначалу государственные мужи искренне верили, что любой может пустить поезд по существующей дороге, нужно только заплатить ее владельцу. В середине 1840-х стало понятно, что железные дороги все же представляют собой монополии на конкретных направлениях, но к тому времени предприниматели уже пролоббировали принятие законодательства, не ограничивающего инвесторов. Сделать это было легко, так как многие депутаты парламента глубоко увязли в акциях железнодорожных компаний и были членами их советов директоров.

Интерес публики к железным дорогам был очень велик, особенно в провинции. Новые биржи были открыты в Эдинбурге, Глазго, Бирмингеме, Бристоле и более мелких городах. В одном только Лидсе действовали аж три биржи, на которых велась игра с бумагами железнодорожных предприятий. Спекуляция подстегивалась тем, что региональные банки начали выдавать кредиты под залог железнодорожных акций в размере до 80% рыночной стоимости.

Появилась специализированная железнодорожная пресса — 14 еженедельных и две ежедневные газеты. Они рекламировали выпуски железнодорожных бумаг, в том числе сомнительного качества, а в ответ на лояльность получали рекламные деньги от железнодорожных компаний. Те формально оплачивали размещение в газетах своих инвестиционных проспектов, расхваливая проект, упоминая известные лица среди его инициаторов и суля дивиденды не ниже 10%. Некоторые газеты были созданы с единственной целью — урвать кусок рекламного пирога, и их даже не пытались распространять.

■ ■ ■

В начале 1843 года акции торговались лишь с небольшой премией к номиналу, на пике спекуляции в августе 1845-го отношение "рыночная стоимость / номинал" достигло двух. Рост котировок на отдельные скрипы составлял 500%. И это несмотря на то, что иногда на одном направлении за деньги инвесторов конкурировали до десятка бумажных проектов! В 1844–1845 годах директора компаний могли придумывать проекты, которые лишь выглядели разумными, ибо конечной целью было размещение акций, а не строительство дорог. Процентные ставки по кредитам под залог железнодорожных бумаг достигли 80% — явный признак того, что банки ожидали падения котировок. С августа по октябрь 1845 года цены

находились на плато, но в середине осени начали снижаться. Обстоятельств, этому способствующих, было несколько.

Неожиданно в The Times появилась статья, иронично описывавшая настроения инвесторов, — это была первая публикация такого рода. А потом будто плотину прорвало. Вспомнили, что к 1845 году новых проектов накопилось на 8 тыс. миль — это раз в пятнадцать больше, чем протяженность страны с севера на юг, и в четыре раза больше существовавшей сети. И проекты продолжали появляться, железные дороги должны были охватить весь мир — от Ирландии до Британской Гвианы. К октябрю 1845 года всего было зарегистрировано 1428 компаний. Заговорили о том, что денег, нужных для реализации всех планов, взять негде. Новые проекты требовали как минимум 560 млн фунтов, обязательства по старым составляли около 600 млн (70 млрд в сегодняшнем выражении), а весь ВНП оценивался примерно в 550 млн, и страна могла безболезненно тратить на железные дороги не более 30 млн фунтов в год (3,5 млрд).

На рынок все чаще просачивалась информация о мошенничестве. Так, в Лидсе стало известно, что в одном из проектов акций продали в 10 раз больше, чем было разрешено выпустить. До сих пор торговались с премией скрипы одной из подлежавших ликвидации компаний — ее проект железной дороги был отвергнут.

Важнейшей причиной схлопывания пузыря оказалось сама прокладка железнодорожных линий. Чем больше проектов достигало стадии реального строительства, тем больше живых денег требовалось. Организаторы выпусков принуждали акционеров, купивших скрипы, выполнять обязательства по довнесению капитала, в противном случае инициаторы были ответственны за все расходы по проекту. Эти требования начали резко расти к концу 1845 года: с января 1843-го по сентябрь 1845-го они составляли в среднем 0,3 млн фунтов

в месяц, за три последних месяца 1845 года — около 1,5 млн, в 1846 году — 3,6 млн, в 1847-м — 5 млн.

Спекулянты вынужденно ликвидировали одни позиции, чтобы довносить капитал по другим: отказ от выполнения обязательств мог привести в долговую тюрьму. Кроме того, до кризиса, когда скрипы торговались с премией, подписчики получали только часть акций, на которые оставляли заявки — теперь же заявки удовлетворяли на 100% и заставляли довольно быстро вносить деньги в полном объеме. Это совпало с сокращением дивидендов многими железными дорогами.

Обвал котировок акций был связан и с падением прибыльности железнодорожных компаний — из-за конкуренции снижалась плата за проезд. Например, из Ливерпуля в Лидс и из Лондона в Питерборо было проложено по три линии. В результате средняя выручка с одной мили упала до трети докризисного уровня. Еще одной серьезной проблемой было превышение запланированных капитальных вложений, иногда в два-три раза, а также существенные капитальные затраты уже после окончания строительства дороги, чего никто не учитывал.

Банк Англии поднял ставку на полпроцента, и это стало последней каплей. Встал рынок акций даже тех компаний, которые исправно платили дивиденды. К октябрю 1847 года бумаги торговались ниже номинала. В начале следующего года Банк Англии еще раз повысил ставку — до 4%, к октябрю он перестал выдавать кредиты под залог любых ценных бумаг, так как его золотые запасы стали сокращаться с угрожающей скоростью. Началось бегство инвесторов из госбумаг. За неделю обанкротились три банка.

В 1848 году железнодорожные акции продолжали падать. К августу совокупное падение их капитализации достигло 230 млн фунтов, что было сопоставимо со всем национальным продуктом страны. Акции компании York & North Midland

Railway, одни из самых спекулятивных бумаг, потеряли две трети пиковой стоимости и торговались ниже оплаченного капитала.

■ ■ ■

Председателем совета директоров York & North Midland Railway был Джордж Хадсон, мэр города Йорка. Он стал лидером железнодорожного бума. В 1834 году один инженер убедил Хадсона превратить Йорк в центр железнодорожного сообщения Северо-Восточной Англии. York & North Midland Railway была открыта в 1842-м, Хадсон стал планировать новые линии, скупать и брать в аренду существующие. Через серию поглощений он получил контроль над дорогами до Лондона, Бристоля и Бирмингема. В 1844 году длина принадлежавших ему путей составила 1000 миль — почти треть всей сети страны. Железнодорожный Наполеон, как его прозвали, успешно подогревал интерес публики к железным дорогам. Он тщательно планировал пышные церемонии открытия новых линий, выступал с речами, обещая железным дорогам великое будущее, но был скрытен во всем, что касалось финансовой информации. О состоянии дел в компаниях, где Джордж Хадсон председательствовал, был хорошо осведомлен только он сам.

С Хадсона списан один из главных героев романа Диккенса "Крошка Доррит" (1857) — мистер Мердл. Мы застаем его на вершине успеха. Мердл отказывается от предложенного баронетства, поскольку не согласен на меньшее, чем титул пэра Англии. К нему то и дело обращаются за советом, как вложить деньги, и он, разумеется, рекомендует собственные компании, причем обдирает даже близких родственников. Оправдание простое: "Для лица, так сказать, со стороны... сейчас довольно трудно получить акции какого-либо солидного предприятия...

иначе, как по цене, намного превышающей номинал, с порядочным хвостиком".

Главного героя книги честного предпринимателя Артура Кленнэма в авантюру втягивает его знакомый Панкс, который все хорошо просчитал и сам поместил в акции тысячу фунтов. Он предлагает Артуру "вступать в игру и выигрывать", а на вопрос: "А что, если я вступлю и проиграю?" — отвечает: "Имя, с которым везде считаются, — неограниченные возможности — колоссальный капитал — твердое положение — высокие связи — поддержка в правительстве. Нет, не может быть".

В октябре 1844 года Хадсону удалось собрать с акционеров York & North Midland по подписке 2,5 млн фунтов (сегодня это было бы почти 300 млн) при полном отсутствии информации, на что пойдут деньги. Это несколько удивило даже его самого. "Я получил свои деньги, не сказав ни одной живой душе, как я их потрачу!" — прокомментировал он энтузиазм инвесторов. В мае 1845 года, буквально за несколько месяцев до коллапса, Хадсон умудрился выпустить акций на 10 млн (более миллиарда в сегодняшнем выражении).

Одним из толчков, вызвавших падение котировок железнодорожных акций, стал памфлет о деятельности Хадсона, где сообщалось, что он выплатил дивиденды на сумму около 1 млн не из прибыли, что было запрещено законом. Журналисты раскопали, что Хадсон зарабатывал на перепродаже по ценам выше рыночных акций одной компании другой, где служил председателем совета директоров. Была создана комиссия, расследовавшая его деятельность. Хадсона обвинили в фальсификации отчетности, инсайдерской торговле акциями перед поглощениями, получении прибыли от перепродажи металла контролируемым им предприятиям, в утаивании денег, выделенных компаниями на покупку земли, незаконном выпуске для себя лично акций и перепродаже их с прибылью на рынке, в создании секретного фонда для взяток парламенту, исполь-

зовании денег, привлеченных компаниями, для покупки личного дома в Лондоне. Деньги, выведенные из компаний (около 600 тыс. фунтов), пришлось вернуть.

Скрываясь от кредиторов, Хадсон перебрался на континент, и только в 1865 году он был наконец арестован за долги. На момент смерти Хадсона в 1871 году его состояние оценивалось в 200 фунтов (23 тыс. сегодняшних).

В "Крошке Доррит" крах пирамиды Мердла начинается с его самоубийства. Возникают сомнения: "Так ли уж велико состояние мистера Мердла, как о том говорили?" Растет беспокойство: "Не отразится ли случившееся на свободном обращении акций; не приостановит ли чудо-банк платежи, хотя бы временно, на какой-нибудь месяц?" Наконец, приходит осознание: "Этот человек возник из ничего; никто не мог объяснить, откуда и как он пришел к своей славе... совершенно непонятно, почему он пользовался доверием стольких людей; своего капитала у него не было никогда, предприятия его представляли собою чистейшие авантюры, а расходы были баснословны".

Герои книги, вложившиеся в Мердла, теряют все. Артур Кленнэм даже попадает в долговую тюрьму. Еще чуть-чуть, буквально один день, и он бы проскочил и разбогател, думает он. "И ведь как раз вчера, как раз вчера, в понедельник, я твердо решился продать все и развязаться с этим делом", — жалуется Артур Панксу. А тот отвечает: "Удивительно, от скольких людей я уже слышал, что они собирались продать вчера — не сегодня, не завтра, и ни в другой любой из трехсот шестидесяти пяти дней, а именно вчера". Сам Панкс упорно держится за термин "неудачное помещение капитала" и не употребляет слово "спекуляция", он каждый день вновь проверяет свои расчеты и убеждается в их правильности: ему должно было перепасть от трех до пяти тысяч фунтов, а "мистер Кленнэм должен был теперь разъезжать в собственной карете".

■ ■ ■

В 1846 году парламент “по инерции” принял 270 указов, разрешавших строительство более 5 тыс. миль железных дорог, но это было либо удовлетворением старых заявок, либо разрешением на строительство ответвлений от существующих магистралей. В 1847 году было санкционировано строительство 1415 миль железнодорожных путей, в 1848-м — 373, в 1849-м и 1850-м — всего 16 и 7 миль соответственно.

В 1849 году правительству пришлось выпустить указ о прекращении строительства железных дорог — закон о банкротстве для железнодорожных компаний. Он позволял по решению специальной правительственной комиссии приостанавливать строительство линии, отказываться от взятых ранее обязательств по выкупу земли, иногда после выплаты частичной компенсации ее собственнику. Многие не преминули этим воспользоваться. К 1856 году было уложено 57% из 9792 миль путей, строительство которых было разрешено в 1844–1850 годах. Кто-то использовал указ, кто-то еще не успел собрать и вложить нужную сумму. Дном кризиса считается апрель 1850 года, когда железнодорожные акции торговались на отметке 55% номинала. С пикового уровня они упали на 85%. Но, несмотря на явную неэффективность инвестиционной гонки с точки зрения оптимального распределения ресурсов, вторая промышленная революция все же свершилась.

“Можно будет наживать миллиарды и миллиарды…”

Глава восьмая

Анатомия финансового пузыря в романе Эмиля Золя “Деньги”

Сюжет романа “Деньги” (1891) навеян открытием в 1869 году Суэцкого канала. Его строительство началось в 1858-м, когда французский дипломат де Лессеп получил концессию от правителя Египта Саида-паши. Для строительства была учреждена Compagnie Universelle du Canal Maritime de Suez (Объединенная компания Суэцкого морского канала), в которой контрольный пакет принадлежал Франции, а миноритарный — Египту. Канал, сильно сокращавший путь из Европы в Азию, стал популярным с первых же дней и оказался очень успешным коммерчески. Его открытие повысило интерес европейцев к Ближнему Востоку. Всемирный банк из романа Золя развернет бурную деятельность на Ближнем Востоке, развивая там инфраструктурные проекты, правда, будет прокладывать не канал, а железные дороги.

Другой прототип Всемирного банка — банк Societe de Union Générale, за крахом которого в 1882 году последовали падение всего фондового рынка Франции и экономический спад, длившийся шесть лет. Union Générale был основан в 1878-м инженером Поль-Эженом Банту, ранее работавшим на железнодорожную компанию Ротшильдов. За несколько выпусков акций Банту удалось сформировать капитал банка

в размере около миллиарда франков (примерно 2 млрд современных евро). Для привлечения средств французских католиков использовалась антиротшильдовская риторика. Через три года "дочка" банка в Вене получила финансовые привилегии от Австро-Венгрии. Та, как и Россия, стремилась к доминированию на Балканах, которые стали свободной экономической нишей после поражения Оттоманской империи в войне с Россией в 1878-м. Через Union Générale должны были пойти инвестиции в железные дороги региона.

Падение развернувшего недюжинную активность Union Générale было вызвано внешним триггером: Австро-Венгрия отказала другому французскому банку — Banque de Lion — в концессии на создание морского банка в Триесте. Бумаги Union Générale, стоившие на пике 5 января 1882 года 3040 франков, сползли к концу месяца до 1400. Банту вынужден был закрыть банк 30 января и объявить о банкротстве, что опустило котировки до 400 франков. Вскоре после начала падения котировок Union Générale посыпались все банковские акции на французских биржах. Впоследствии вскрылось, что капитал банка был дутым, большая часть акций не была размещена и оставалась у него на "книжке". Биржевой крах вызвал и коллапс реальной экономики: во Франции ВВП 1882 года был превышен только в 1888-м[1].

Одни считают, что падение Union Générale было вызвано скоординированными действиями масонов и немецких банков под контролем еврейского капитала, другие не находят оснований для этого предположения. Золя скорее верит в теорию заговора, но в его романе спекулянты начинают игру против Всемирного банка, только получив инсайд, что это — колосс на глиняных ногах. Основным мотивом ставок на по-

1 Научный анализ данных событий можно найти в статье: White E. N. *The Crash of 1882. Counterparty Risk, and the Bailout of the Paris Bourse.* NBER. February 2007. Working Paper № 12933.

нижение является не желание свалить банк, а стремление заработать. А в этом случае заговор — не совсем заговор.

В "Деньгах" описаны все важнейшие составляющие финансового пузыря: харизматичный лидер игры на повышение; объект спекуляции, перспективы которого выглядят очень привлекательными, но их чрезвычайно сложно оценить; грамотный пиар; благоприятная ситуация в экономике; проявление стадного инстинкта и массовое вовлечение в игру непрофессионалов. Пожалуй, научной книги с таким полным и глубоким описанием пузыря нет. Загадка, как это удалось Золя: он не был ни финансистом, ни, строго говоря, психологом, да и основные труды по психологии толпы еще не были опубликованы.

■ ■ ■

Мелкий аферист по имени Саккар приезжает в Париж. У него грандиозные планы: создать в Средиземноморье и Малой Азии ряд коммерческих предприятий и крупный банк. Всеобщая компания объединенного пароходства с капиталом 50 млн франков призвана "завладеть" Средиземным морем, этим "синим морем, вокруг которого расцветала цивилизация", и обеспечить широкую дорогу на Восток. При помощи Общества серебряных рудников Кармила с капиталом 20 млн — "небольшого предприятия в Сирии" — планируется "мимоходом выручить несколько миллионов" и привлечь акционеров: "Мысль о серебряных россыпях, о деньгах, валяющихся прямо на земле, так что их можно собирать лопатами, обязательно воодушевит публику". Затем понастроят заводов в Сирии, что поднимет в цене местные "залежи каменного угля у самой поверхности", начнут эксплуатировать обширные ливанские леса…

Идея "нового мира" — ключевая для формирования пузыря. Саккар фантазирует: "В ущелье Кармила… где одни

только камни да колючки… вырастет сначала поселок, потом город… Океанские пароходы будут приставать там, где сейчас не могут пристать лодки. И вы увидите, как возродятся эти безлюдные равнины… когда их пересекут наши железнодорожные линии. Да! Земля будет распахана, будут проведены дороги и каналы, новые города вырастут как из-под земли… "

Отсюда недалеко и до планов покорения всего Ближнего Востока. "Может быть, Наполеон хотел восстановить необъятную империю, короноваться в Константинополе императором Востока и Индии, осуществить мечту Александра, стать выше Цезаря и Карла Великого?" — Саккар явно примеряет на себя его образ. Он собирается оживить "рай земной посредством пара и электричества", восстановить в Малой Азии "центр старого мира, точку пересечения больших путей, соединяющих между собой континенты", — тогда "можно будет наживать… миллиарды и миллиарды". Доходит до мечты о перенесении папского престола в Иерусалим, окончательной победе католицизма, "когда папа будет царить в святой земле". Нужно только придумать название для организации, которая воплотит эту идею. Саккар замахивается на Всемирный банк: "… это просто, величественно, охватывает все, покрывает весь мир"[1].

25 млн франков, необходимые для начала дела, легко собираются по закрытой подписке. Инженер Гамлен, партнер Саккара, привозит с Востока хорошие новости: концессии получены, компании созданы. Гамлен воодушевлен идеей, и тот "новый мир", в который он искренне верит, еще краше. Всеобщая компания объединенного пароходства монополизирует весь транспорт Средиземного моря: "Централизация ка-

1 В экранизации романа — фильме "Деньги" французского режиссера Л'Эрбье (1928), где действие перенесено в 1920-е, вместо покорения Востока использовалась другие модные идеи — покорение неба и добыча нефти. Гамлен там летчик и осуществляет перелет из Франции в ее колонию Гайану, где хочет исследовать нефтяные месторождения. Курс акций Всемирного банка взлетает, как только Гамлен благополучно добирается до места.

питалов позволит построить стандартные пароходы небывалой роскоши и комфорта, движение участится, будут созданы новые гавани, Восток превратится в пригород Марселя... после открытия Суэцкого канала можно будет наладить сообщение с Индией, Тонкином, Китаем и Японией!" Содержание серебра в кармильской руде высокое, и "древняя поэзия святых мест" превратит это серебро "в чудесный дождь, осиянный божественным светом". В свете таких перспектив второе размещение акций Всемирного банка проходит на ура. Он начинает котироваться на бирже, курс его акций достигает 700 франков.

Начинается масштабная кампания по раскрутке Всемирного банка. "Большие желтые афиши, расклеенные по всему Парижу", рассказывают о начале эксплуатации рудников, кружат головы, опьяняют публику. Специально нанятый менеджер, редактор газеты "Надежда" Жантру, скупает десяток финансовых листков, которые распространяются по подписке за два-три франка в год, что не окупает почтовых расходов, а зарабатывают они на советах подписчикам. Из множества листков Жантру выбирает те, которые еще не совсем изолгались и не полностью потеряли авторитет. Нацеливается и на единственную честную газету — "Финансовый бюллетень". Оплачивает бесплатными акциями новых эмиссий хвалебные статьи в серьезных политических газетах, молчание некоторых обозревателей покупает. Подробная брошюра в "увлекательной форме повести" рассылается бесплатно "в самые глухие деревни". В инвестировании в рекламу огромных средств, говорит автор, скрывается "безграничное презрение... умных деловых людей к темному невежеству толпы, готовой верить всяким сказкам и так мало смыслящей в сложных биржевых операциях, что самая бесстыдная ложь может обмануть ее и вызвать целый дождь миллионов". В игру начинают вовлекаться все слои населения.

Однако вторая подписка распродана не полностью. Невыкупленные акции общество не аннулирует, а оставляет за собой, что незаконно. Они записываются на фиктивные счета подставных лиц и используются для спекуляций на бирже самим банком. Он напоминает "паровоз с набитой углем топкой, который мчится по дьявольским рельсам до тех пор, пока все не взорвется и не взлетит на воздух от последнего толчка". Эта горячка должна "одурманить толпу, вовлечь ее в эту безумную пляску миллионов", "каждое утро должно было приносить с собой новое повышение".

Гамлен развивает бурную активность, и поначалу дела идут хорошо. Первый баланс Всеобщей компании объединенного пароходства обещает быть превосходным: "Новые пароходы, благодаря их комфортабельности и большой скорости, привлекают множество пассажиров и приносят большой доход. На них плавают просто ради удовольствия, порты наводнены… завсегдатаями парижских бульваров".

Кармильское ущелье преобразилось: "Дикая местность приобщилась к цивилизации… там, где росли мастиковые деревья, появились возделанные нивы; целый поселок возник близ рудника — сначала скромные деревянные хижины… а теперь маленькие каменные домики с садами, зачаток города… Там уже около пятисот жителей; только что закончена постройка дороги… С утра до вечера грохочут буровые машины, катятся телеги… поют женщины, играют и смеются дети… "

Саккар решает построить "настоящий дворец" для штаб-квартиры банка. Готовое здание напоминает одновременно храм и кафешантан, а его вызывающая роскошь останавливает прохожих. Пышность внутренней отделки создает впечатление, что миллионы, лежащие в кассе, просачиваются сквозь стены, "струясь золотым потоком". Саккар надеется, что, увидев дворец, люди "преисполнятся восторгом и почтением, и тот, кто принес пять франков, вынет из кармана десять". Он

прав: благочестивые мелкие рантье из тихих кварталов, бедные сельские священники восхищенно разевают рты перед входом и радуются, что они имеют здесь вклад.

■ ■ ■

Предпосылка формирования финансового пузыря — бум в реальной экономике. Вальтер Беньямин в эссе "Париж — столица XIX столетия" (1935) пишет: "Фантасмагория капиталистической культуры достигает ослепительного расцвета на Всемирной выставке 1867 года. Империя находится в зените мощи. Париж подтверждает свою славу столицы роскоши и моды. Оффенбах задает ритм парижской жизни. Оперетта — ироническая утопия непоколебимого господства капитала".

Для Золя 1867 год — время "процветания империи, колоссальных построек, преобразивших город, бешеного обращения денег, неимоверных затрат на роскошь", они неизбежно должны привести к горячке спекуляции.

Преобразившие город постройки возникли в результате деятельности барона Жоржа Османа, префекта департамента Сена в 1853–1870 годах, который, имея неограниченные полномочия от Наполеона III, перестроил большую часть Парижа, снеся множество старых домов и проложив бульвары. Перестройка затронула около 60% недвижимости Парижа. Беньямин пишет, что деятельность Османа "создает благоприятные условия для финансового капитала. Париж переживает расцвет спекуляции. Игра на бирже оттесняет пришедшие из феодального общества формы азартной игры... Игра превращается в наркотик. Проведенная Османом экспроприация вызывает жульнические спекуляции".

Экзальтация по поводу акций Всемирного банка находится в полном соответствии "с непрерывными празднествами,

дурманившими Париж с самого открытия Выставки": "С мая… началось паломничество императоров и королей… около сотни государей и государынь, принцев и принцесс прибыло на Выставку. Париж кишел величествами и высочествами; он приветствовал императора русского и императора австрийского, турецкого султана и египетского вице-короля… Приветственные салюты не умолкали… Наполеон III пожелал собственноручно раздать награды шестидесяти тысячам участников Выставки. Это торжество превзошло своей роскошью все прежние: то была слава, озарившая Париж, расцвет империи. Император, окруженный обманчивым феерическим ореолом, казался властелином Европы".

В то время каждый "ставил на карту свое состояние, чтобы удесятерить его, а потом наслаждаться жизнью, как многие другие разбогатевшие за одну ночь. Флаги, развевавшиеся в солнечном свете над Выставкой, иллюминация и музыка на Марсовом поле, толпы людей, прибывших сюда со всех концов света и наводнявших улицы, окончательно одурманили Париж мечтою о неисчерпаемых богатствах и о безраздельном господстве. В ясные вечера от громадного праздничного города… поднималась волна… ненасытного и радостного безумия…"

■ ■ ■

Саккар уловил этот общий порыв и удвоил суммы на рекламу. Пресса ежедневно била во все колокола, прославляя Всемирный банк. Результаты впечатляли: "В скромных квартирках и в аристократических особняках, в клетушке привратника и в салоне герцогини — у всех закружилась голова, увлечение перешло в слепую веру". Сказочные доходы кармильских рудников сподвигли одного проповедника упомянуть о них с кафедры собора Парижской Богоматери как о "даре Бога всему

верующему христианству". "Всевозрастающая удача, превращавшая в золото все, к чему прикасался банк" — нет причин не купить акции очередной эмиссии. Особенно восторженно относятся к банку дамы, которые со страстью твердят мужчинам: "Как, у вас нет еще акций Всемирного банка?.. Скорее покупайте их, если хотите, чтобы вас любили!" А дальше песня о "новом мире": "...это новый крестовый поход, завоевание Азии, которого не смогли добиться крестоносцы... Багдад находится недалеко от Дамаска, и если железная дорога дойдет до тех мест, то Персия, Индия, Китай будут когда-нибудь принадлежать Западу.... Это будет... освобождение святой земли, торжество религии в самой колыбели человечества... обновленный католицизм... обретет новую силу и будет властвовать над миром с вершины горы, где умер Христос".

Саккар использует весь свой талант убеждения, чтобы обработать сомневающихся. Акции выросли колоссально, и некоторые собираются зафиксировать прибыль. Он уговаривает разорившуюся графиню, которая питается святым духом, сама штопает платье и не покупает новых шляпок, вложить в акции приданое дочери — последние деньги — и перезаложить под их покупку поместье, обещая сделать из воздуха миллион.

"Никогда не спрашивайте у парикмахера, нужна ли вам стрижка", — сказал как-то Уоррен Баффетт.

Какие грезы навевает этот миллион! Особняк на улице Сен-Лазар будет выкуплен из-под залога, дом — снова поставлен на широкую ногу, забыт кошмар людей, имеющих карету, но не имеющих хлеба, дочь получит порядочное приданое и выйдет замуж, а мать восстановит прежнее высокое положение в свете и сможет платить жалованье кучеру. Тем более что приятельницы графини в восторге от Всемирного банка и завидуют тому, что она — одна из первых "акционерок".

Да и "это завоевание Востока так прекрасно". "Саккар тщательно следил, чтобы муха, пойманная в его сети… не ускользнула бы в последний момент", — пишет Золя.

Другой герой, бывший рассыльный, сидящий без работы, вложил свои деньги в акции Всемирного банка с целью сколотить приданое для дочери, которую любимый ею переплетчик без этого замуж не берет. И вот бумаги выросли настолько, что приданое собрано. Но вдруг они вырастут еще? Отец спрашивает совета у Саккара, а тот сообщает рассыльному по секрету, что сам он не продает, ведь цена не остановится даже на 1300 франках.

Саккар несется на гребне воображения подобно старухе из "Сказки о рыбаке и рыбке". Он задумывает еще одно увеличение капитала и сначала хочет размещать акции по 850 франков[1], потом решает, что акционеры "так же охотно дадут тысячу сто". Однако и этого кажется мало: "Это было бы слишком глупо… нужно всегда действовать на воображение. Гениальность идеи именно в том и состоит, чтобы вынуть у людей из карманов деньги, которых там еще нет. Им сейчас же начинает казаться, что они ничего не дают, что, напротив, это им делают подарок".

В XIX веке промоутеры уже хорошо знали, что раскрутке акций помогают агрессивные прогнозы, у Саккара это — "предварительный баланс". Он ожидает, что при его появлении во всех газетах "биржа придет в неистовство" и цена акций превысит 2000. Баланс представляют на экстренном общем собрании акционеров, которое посещают 2 тыс. человек: "…миллионы от Всеобщей компании объединенного пароходства, миллионы от Общества серебряных рудников Кармила; миллионы от Турецкого национального банка…" Плюс

1 Золя точен в деталях: упоминаемые им в книге котировки Всемирного банка совпадают с реальными котировками Union Générale. А упоминания эти так часты (и всегда с датами), что даже можно построить график движения цен.

к этому "стоит только нагнуться, чтобы подобрать серебро, золото и драгоценные камни". Жантру приберегает для этой минуты последний залп рекламы. Поговаривают, "будто он уговорил некоторых дам полусвета вытатуировать на самых сокровенных и нежных частях тела слова «Покупайте акции Всемирного банка»".

Курс акций за две недели достигает полутора тысяч, потом переваливает за две. В игру вовлечены уже поголовно все: "Отцы, мужья и любовники, подстрекаемые неистовым пылом женщин, давали теперь маклерам ордера на покупку акций под неумолкаемый крик: «Так угодно Богу!» А потом пошла мелкота, шумная, топочущая толпа... Азарт перекинулся из гостиных в кухни, от буржуа к рабочему и крестьянину и теперь в эту сумасшедшую пляску миллионов бросал жалких подписчиков, имеющих одну, три, четыре, десять акций: швейцаров, собравшихся на покой, старых дев, пестующих своих кошек, мелких провинциальных чиновников в отставке, живущих на десять су в день, сельских священников, раздавших беднякам все, что у них было, — всю эту отощавшую и изголодавшуюся массу полунищих рантье, которых каждая биржевая катастрофа убивает... и одним махом укладывает в общую могилу". Массовый выход на рынок непрофессионалов — верный признак приближающегося пика пузыря.

Семья разносчика, заработавшего двадцать тысяч вместо запланированных шести, теперь хочет годовую ренту не меньше тысячи франков, а свадьба отложена до времен, когда курс перестанет подниматься: "Нельзя же заткнуть источник, когда из него льется золото". Да и у невесты на уме не замужество, а финансовые новости. Она читает газеты каждый вечер, "ведь все, что они обещают, так прекрасно". Во сне к ней приходят картины разбросанных на улице пятифранковых монет, которые она гребет лопатой.

■ ■ ■

Чтобы поддерживать горячку, приходится все чаще прибегать к скупке акций самим банком. Саккар понимает, что на бирже усиливается противодействие, уже появились игроки на понижение, которые пока действуют робко. Наконец, игру на понижение начинает самый влиятельный биржевой игрок — еврей Гундерман, у которого "в подвалах хранится миллиард". Он мыслит рационально, руководствуется принципами стоимостного инвестирования и опирается на понятие справедливой стоимости акции, определяя ее как номинал плюс процент, который может дать акция и который зависит от успеха предприятий. Следовательно, существует какая-то максимальная оценка, выше которой акция подняться не должна, "если же, под влиянием всеобщего увлечения, она все-таки бывает превышена, то это повышение искусственно, и тогда разумнее всего играть на понижение, которое наступит рано или поздно".

Все больше людей начинает продавать, Гундерман еще и шортит[1]. Избавляются от акций и члены совета директоров самого Всемирного банка. Усиливаются тревожные слухи. Саккар не прекращает игры на повышение, курс непрерывно растет и доходит до 2700 франков. Экономическая логика отступает, его мотивы уходят в другую плоскость: "Да, пусть пропаду я, и пусть все пропадет вместе со мной, но я добьюсь курса в три тысячи!"

И вот цель достигнута, Саккар — король, и мало кто понимает, что он голый король. Напротив, ходят слухи, будто Гундерман, потеряв обычную осторожность, рискнул огром-

1 Шортить (продавать в короткую или без покрытия) — продавать акции, не имея их на руках. Смысл операции в том, чтобы занять их, когда они стоят дорого, продать, откупить, когда они подешевеют, и вернуть, пусть даже с процентами.

ными суммами и теперь несет небывалые потери. Начали поговаривать, что он может свернуть себе шею. Золя показывает, что на финансовом пузыре могут погореть и "медведи", потому что могут отшортить слишком рано, много потерять и вынужденно прекратить игру до того, как цены начнут снижаться. Саккар наслаждается последними часами триумфа: лакей по-прежнему расстилает на тротуаре ковер, когда его карета подъезжает к Всемирному банку.

История показала, что в момент схлопывания пузыря акции по большей части переложены на простую публику. Так и в "Деньгах". Курс зашатался, в Париже продают, но из регионов продолжают поступать ордера на покупку. Внимание маклера привлекает телеграмма сборщика ренты в Вандоме: он "приобрел весьма многочисленную клиентуру среди мелких покупателей — фермеров, богомольных прихожан и священников своей провинции".

Для повышения необходим ускоряющийся рост: спекулянты понимают, что их риски растут, и в противном случае игра не стоит свеч. У Золя начало конца именно такое: курс не меняется в течение часа, потом "Всемирные" понижаются на пять франков, и толпа начинает волноваться. Потом на десять, пятнадцать и падают до 3025 франков. Саккар рассчитывает повлиять на настроения телеграммой с лионской биржи, где "повышение было несомненно", но телеграммы все нет.

Баронесса Сандорф, любовница Саккара, интересуется у него, не продать ли ей акции. Вопрос выводит Саккара из себя, он груб с баронессой. Гундерман уже собрался выйти из игры, он никак не может добить "этого ненасытного зверя, который сожрал у него столько золота и упорно не желает околевать". Но в его конторе появляется обиженная баронесса. Она жаждет мести и приносит инсайд: Саккар истратил почти все средства банка на поддержку курса. Гундерман решает "раздавить рынок продажей огромного количества акций". Он пу-

стит теперь в ход свой миллиардный резерв: “Логика восторжествует, ибо всякая акция, поднимающаяся выше стоимости, которую она представляет, обречена на гибель”.

Начинается обвал “Всемирных”. В первые часы Саккар не показывает виду, что этим озабочен: “Я просто в отчаянии. Во время этих ужасных холодов забыли во дворе мою камелию, и она погибла”. Но разгром на бирже становится необратимым всего за три дня. “Всемирные” падают до четырехсот тридцати франков, ниже номинала, а падение все продолжается. Саккар оказывается в тюрьме за мошенничество: махинации с неоплаченными акциями и т. п. Его воодушевленность и вера в проект превращаются в безумие: “…когда меня выпустят, когда я вернусь и снова возьму дело в свои руки, вот тогда вы увидите, да, вы увидите… <…> Все рассчитано, вот все цифры, смотрите!.. <…> Вернулся же Наполеон с острова Эльбы. Так и я, — стоит мне показаться, как все деньги Парижа потекут ко мне рекой <…> Мой план математически точен, рассчитан до последнего сантима…”

Отсидев положенное, Саккар выходит из тюрьмы и затевает новую аферу — осушение необъятных болот в Голландии. В выборе страны он прав. Процветанию Франции скоро придет конец — в 1870-м начнется Франко-прусская война. Недаром в романе на парижских балах маячит Бисмарк.

“Золото кормит, золото поит, золото нагишом водит”

Глава девятая

Кто озолотился на золотых лихорадках?

Португальцы везли его из Африки, испанцы из Америки — может показаться, что в эпоху Великих географических открытий золото полилось в Европу рекой. Однако вплоть до сороковых годов XIX века мировое производство этого металла не превышало 20 тонн. Ситуация решительно изменилась лишь в середине столетия, когда в России, Калифорнии, Южной Африке, Австралии и Канаде одна за другой стали вспыхивать золотые лихорадки. В 1859-м, например, было добыто уже 259 тонн золота, а к 1900 году его производство достигло таких масштабов, что в большинстве стран утвердился золотой стандарт — свободный обмен на золото бумажных купюр.

В России еще Петр I поощрял своих подданных к тому, чтобы те искали "песошное", "рассыпное" золото. Он издал ряд указов, гарантировавших награду, тем, кто россыпь найдет, и наказание за его утайку. В 1719 году царь и вовсе объявил "горную свободу": право искать золото получал каждый. Если месторождение обнаруживалось на казенных землях, тому, кто его нашел, выделялся земельный участок в "250 сажень долготы, 250 сажень ширины" (около 25 га) для ведения добычи. На помещичьей земле преимущественное право на разработку имел

хозяин вотчины. Однако если он не имел охоты этим заниматься, то должен был "терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать, и переделывать будут". Все добываемое золото в обязательном порядке продавалось казне (позже это условие было отменено), а с выручки уплачивалась десятипроцентная подать.

Месторождения "песошного" золота во времена Петра находили на Урале повсеместно, но ввиду их относительной бедности тогдашними методами вести добычу было убыточно. В 1744 году в Пермской губернии обнаружили, наконец, рудное золото, и открылся первый в стране казенный прииск, впоследствии названный Берёзовским. Следующие 70 лет развитие золотодобычи шло ни шатко ни валко, в частности из-за того, что в 1782-м Екатерина II горную свободу на частных землях отменила (собственностью помещика была объявлена не только сама земля, но и ее недра), а на казенных ограничила (чтобы получить участок, нашедший месторождение должен был заключить договор с местной администрацией, которая вольна была ему отказать). Более того, владеть прииском по указу императрицы могли только дворяне.

Все резко изменилось с началом войны 1812 года. Нужда в деньгах заставила Александра I вернуть "горную свободу". Мера эта возымела действие: уже через два года "песошное" золото нашли в Пермской губернии, рядом с Берёзовскими приисками. Горный мастер Лев Брусницын не столько открыл месторождение (его обнаружили давно, но не разрабатывали из-за нерентабельности), сколько предложил технологию промышленного извлечения рассыпного золота. Этот успех и вновь дарованная "горная свобода" породили настоящий бум — находки следовали одна за другой.

Начался "век большого золота".

В 1827–1830 годах россыпи были найдены в Томской губернии, Красноярском и Минусинском округах, во второй поло-

вине 1830-х — в районе Ачинска, Верхней Тунгуски (Ангары) и в долине Енисея, в 1843 году — в Забайкалье, три года спустя золото начали добывать в Олёкминском округе в бассейне реки Лены (Якутия), а в 1860-е возник поселок золотодобытчиков Бодайбо в Иркутской губернии.

С 1830 по 1842 год добыча золота в стране выросла с 5 до 11 тонн, и это составило 60% мирового производства. Росту добычи также способствовал появившийся в 1838 году указ, разрешавший владеть приисками не только дворянам, но и купцам первой и второй гильдий, почетным гражданам. Правда, мировым лидером в области золотодобычи Россия оставалась недолго — уже в 1850-х с открытием месторождений в Калифорнии и Австралии ее доля снизилась до 12–13%.

■ ■ ■

Российские золотые лихорадки по масштабу значительно уступали американским. Если в те оказались вовлечены сотни тысяч человек, то у нас даже в саморегулировавшейся золотодобывающей "Желтугинской республике", возникшей на правом, китайском берегу Амура, где золотоискательство приобрело относительно массовый характер (поскольку не контролировалось властями), число старателей не превышало 12–16 тыс. человек, а на всех многочисленных приисках Восточной Сибири было занято всего 40 тыс.

Помимо того что отнюдь не любой подданный русского царя имел право добывать золото, имелось и множество других причин, ограничивавших массовый приток людей в районы золотодобычи. Месторождение не обязательно доставалось тому, кто его обнаружил, первооткрывателю могли лишь выплатить вознаграждение. Да и отвод земли под разработку стоил очень дорого — около 2000 руб., в США это обходилось раз в тридцать дешевле.

Сдерживающим фактором было и крепостное право. Наняться на прииск старателем или наемным рабочим было непросто и свободному деревенскому жителю: в районах добычи местные власти, дабы не лишать сельское хозяйство рабочих рук, часто запрещали нанимать на прииски и принимать в старательские артели окрестных крестьян.

Имелся у чиновников и такой инструмент, как подорожные, без которых нельзя было сменить лошадей на почтовой станции. Их, например, перестали выдавать до ближайших к россыпям пунктов во время золотой лихорадки на Амуре.

Жестко регулировали власти и старательство. Каждая артель была приписана к тому или иному прииску, куда в обязательном порядке продавала все найденное золото по очень низкой цене, что ограничивало доход старателей и уменьшало стимулы к охоте за золотым тельцом. В середине XIX века, например, рыночная стоимость золотника (4,3 грамма) составляла около 5 руб., а у уральских старателей его принимали по 1,7–1,8 руб. Мало того, владельцы приисков должны были получать отдельное разрешение на использование старателей, которое выдавалось с большим скрипом. В этом была своя логика: во-первых, артели брали то, что легко давалось в руки, заваливая отработанной породой хорошие еще жилы, во-вторых, существовала практика создания фиктивных приисков, где работы не велись вовсе, а приобретенное у старателей золото выдавалось за добытое.

Преодолеть бесконечные препоны по силам было лишь крупным предпринимателям, которые и владели большинством приисков. Они тоже не могли продавать золото на рынке, а должны были сдавать его казне по твердой цене. Когда цены не свободны, неизбежно возникают разного рода черные схемы. Старатели по мере возможности продавали золото перекупщикам, которые давали приблизительно в два раза большую цену. Обычно этим нелегальным бизнесом занимались крутив-

шиеся около любого прииска спиртоносы, или "едущие на бутылке". В очерке Мамина-Сибиряка "Золотуха" (1882) описывается крупнейшая сибирская ярмарка в Ирбите, на которой шла бойкая торговля утаенным от казны металлом. Туда съезжались "такие азияты, с шарманками, с пуговками, с мылом... для отводу глаз". Торговцев на дорогах ловили, исправник "помельче кого — в острог, а покрупнее — оберет как липку"[1].

Управляющие казенных приисков тоже не прочь были поживиться. Они, как свидетельствует Мамин-Сибиряк, принимали у старателей золото по 1,8 руб. за золотник и "раскладывали на поденщину", то есть записывали как добытое. Себестоимость при этом накручивалась до 3,5–4,5 руб., а разница шла в карман управляющих, которые, таким образом, имели около двух рублей с золотника и "за здорово живешь получали двести тысяч рубликов в год". Затем золото сдавалось прииском государству по 5 руб., а 0,5–1,5 руб. учитывались как прибыль прииска.

Купцы, арендовавшие золотые прииски, как правило, владели еще и винокурнями, продукцию которых сбывали своим же рабочим. Доход это приносило зачастую не меньший, чем сама добыча, и, в отличие от нее, верный. Занимались они также хлебом, чаем, сахаром, табаком, бакалеей, гастрономией, керосином, обувью, готовым платьем, пряжей и пр. По данным за 1910 год, почти 95 % золотопромышленников средних сословий владели еще какими-то предприятиями. "И побочными от золотопромышленности доходами, не рискуя, прожить можно". В этой фразе, написанной в начале прошлого века, ключевое понятие — "не рискуя".

Владельцы приисков относились к своим работникам по-разному. Одни строили в поселках церкви, школы, боль-

1 См. также эссе российского историка: Сапоговская Л. В. *Золотопромышленники Мамина-Сибиряка: литературные персонажи и исторические типы* // Урал. 2006. №2.

ницы, бани, сносно кормили людей, полностью запрещали продажу водки. Другие обращались с рабочими как со скотом, селили в чудовищных бараках, спаивали, причем не только чтобы нажиться, но и с целью притушить социальный протест. Невыносимые бытовые условия рабочих ярко описаны в романе Вячеслава Шишкова "Угрюм-река" (1933), где повествуется о предыстории расстрела рабочих, организовавших стачку на Ленских приисках 1912 года.

Непосильный труд был уделом и старателей. Мамин-Сибиряк пишет: "Бабы в брюхе еще тащат робят на прииски… потом, чуть подрос, — садись на тележку, вози пески, а потом… полезай в выработку". При всем том заработки уральских старателей были в среднем раз в десять выше, чем у крестьян, а на Амуре и того больше: неопытный старатель без специального снаряжения на дневную добычу — пять-шесть золотников — мог купить почти пуд мяса. Кажется много, но эта цена значительно превышала ту, которую пришлось бы заплатить на обычном рынке. В "Желтуге", например, в сравнении с соседним Благовещенском цены были выше в 2–5 раз: мясо — 12 руб. против 4 руб. за фунт; сухари — 10–11 руб. против 3,2 руб.; топор — 10 руб. против 5 руб.; лист кровельного железа — 10 руб. против 1,1 руб.[1]

Связано это было как с монополизацией поставок (независимых торговцев гоняли, подключая полицию), так и с высокими расходами на транспортировку грузов. В Сибири расстояние от магистральной дороги до прииска могло составлять и тысячу верст. Двигаться зачастую приходилось по просекам, а то и по охотничьим тропам, проложенным сквозь густую тайгу. Телеги для этого не годились — использовали вьючных лошадей. А ведь доставлять нужно было не только продукты,

1 Эти данные приводит российский историк и китаевед Ольга Курто в своем эссе "Амурская Калифорния, или Желтугинская республика" (https://magazeta.com/2010/02/amur-caliornia/).

но и инструмент, материалы, фураж для рабочих лошадей. Останавливались обозы на зимовьях, где за ночь с проводника и двух лошадей могли запросить рубля четыре — стоимость хорошей пары женской обуви. В 1885 году, когда вспыхнула золотая лихорадка на Амуре, тамошние вольные ямщики брали по 15 руб. “за одну станцию” — перегон в 25–30 верст.

■ ■ ■

Но повторяю: даже при высоких ценах зарабатывали старатели весьма прилично. Беда в том, что деньги, как правило, у них не задерживались. Это были “вечные качели”: заработал — прокутил — заработал... По свидетельству Мамина-Сибиряка, уральские мужики, выручив за золото деньги, не вылезали из кабаков, пили и угощали всех встречных-поперечных, затевали катания на людях, золотили крыши своих изб, будто церковные купола.

Как “зажигали” старатели “Желтуги”, красочно описано в сборнике “Сибирские рассказы из жизни приискового люда” (1888): “Опьяненные в буквальном смысле рассыпанным под ногами богатством старатели пускались в дикий разгул, стараясь перещеголять друг друга своей разнузданностью. Во время обычного получасового полдника в котел с кипящей водой кидали фунты очень дорого чая и огромные головы сахара. Дорогую привозную одежду и обувь носили один день, после чего все выбрасывалось, заменяясь новым. Рабочий бился с конторщиком за каждый недоплаченный ему рубль, а затем покупал на огромную сумму абсолютно ненужные ему бубенчики для лошадиной упряжи”.

В “Амурской Калифорнии” становится популярна рулетка: “...простой крестьянин ставил по 4000 руб. на карту и, ничуть не смущаясь, проигрывал эту сумму, в действительности представлявшую для него целое богатство, на которое он

мог прекрасно обставить свое сельское хозяйство и прожить безбедно всю жизнь".

И это отнюдь не особенность русского национального характера. Один из героев Брета Гарта, списанный с реального человека, выгодно продав свой золотоносный участок, за один день проигрывает в казино Сан-Франциско почти полмиллиона долларов на современные деньги. Австралийские старатели, наведываясь в близлежащий к приискам Мельбурн, тоже не знали удержу: "один малый, который до того никогда не пробовал шампанского, скупил весь запас отеля, опустошил его в лошадиную поилку и пригласил всех желающих отведать"; другие "прикуривали трубки от пятифунтовых купюр"; третьи "отсыпали горсть золотого песку извозчикам".

Однако кутеж могли позволить себе немногие. Из-за масштабов лихорадок разбогатеть удавалось единицам, хотя и в Америке, и в Австралии, и в Южной Африке старатели могли свободно распоряжаться тем, что они добывали. Когда в 1848 году в Северной Калифорнии в долине реки Сакраменто нашли золото, туда съехалось около 300 тыс. человек со всего света, даже из Австралии и Азии. Из соседнего Сан-Франциско ушло все мужское население, в городе была заброшена половина домов. "На золотые рудники уехали даже солдаты и матросы. На борту военного корабля «Анита» осталось всего шесть человек. Один корабль с Сандвичевых (Гавайских) островов оказался вообще покинутым экипажем". Газета "Калифорниэн" объявила о своем закрытии: "От нас ушли все — и читатели, и печатники".

Там, где находили золото, сразу резко взлетали цены. Из книги Лилиан Крете "Повседневная жизнь в Калифорнии во времена «золотой лихорадки»" (М.: Молодая гвардия, 2004), где приводятся отрывки из писем старателей родным, мы узнаем, что в Калифорнии, в усадьбе Джона Саттера, рядом с которой было найдено золото, комната стоила больше 2 тыс. долларов в месяц (здесь и далее все цены даны в сегодняшнем

выражении). За лопату или черпак торговцы просили не менее 200 долларов, за свечку — 20, свинина и вяленая говядина шли почти по 100 долларов за килограмм, картофель — по 8, бутылка рома обходилась дороже 170, а револьвер — 3500. Повару платили 200–300 долларов в день, за стирку рубахи прачка брала не меньше 20 и зарабатывала больше, чем ее муж на приске. Иными словами, торговцы, перевозчики, обслуживающий персонал извлекали больше прибыли из труда золотоискателя, чем он сам.

Брет Гарт в “Миллионере из Скороспелки” рассказывает о старателе, который, обнаружив артезианский источник, делает состояние на воде — продает ее для промывки руды. На калифорнийской лихорадке поднялся знаменитый джинсовый король Леви Страус — он продавал золотоискателям рабочие штаны.

Из-за обесценивания денег нищали те, кто не был связан с золотодобычей или ее обслуживанием: так, ни один офицер в Калифорнии не мог в то время прожить на свое жалованье. А в Восточной Австралии из-за золотой лихорадки потеряли свой социальный статус английские аристократы. В обиход вошла присказка: “Важно, не кем ты был, а кто ты сейчас”. “Теперь аристократия — это мы”, — кричали пьяные австралийские рудокопы в кабаках.

■ ■ ■

В 1860-е годы, когда золотая лихорадка сменилась серебряной, в Западную Калифорнию попадает Марк Твен. В полуавтобиографическом романе “Налегке” (1872) он пишет: “Мы лезли из кожи вон, чтобы захватить как можно больше «футов». Мы занимались разведкой, открывали новые месторождения, прикрепляли к ним заявки и давали им пышные наименования. Мы менялись участками с другими владельцами. Вскоре

мы уже были совладельцами таких приисков, как… «Филиал монетного двора»… «Умри, но добудь»… «Сокровищница»… и с полсотни других «разработок», еще не тронутых ни кайлом, ни заступом. Нам принадлежало не менее тридцати тысяч футов на брата в «самых богатых в мире рудниках» — как их усердно рекламировали, — но мы задолжали мяснику… и в бакалейной лавочке нам не отпускали в кредит.

Странная это была жизнь. Какая-то оргия нищих. Весь округ бездействовал — ничего не добывалось, не обрабатывалось, не производилось, не приобреталось — и на всех приисках не нашлось бы денег на покупку сносного участка в восточных штатах — а между тем со стороны могло показаться, что люди купаются в деньгах. С первым лучом рассвета они толпами выходили из поселка, а под вечер возвращались, таща на себе добычу, попросту говоря — камни".

Твен выдержал недолго: "Наконец, когда… никто уже не давал денег взаймы иначе как из восьми процентов в месяц, и то под верный залог (а у меня и залога не было), я бросил старательство и подался в промышленность. Другими словами, я поступил простым рабочим на обогатительную фабрику — за десять долларов в неделю плюс харчи".

■ ■ ■

Недолго продержался и Джек Лондон на Клондайке, куда он попал во время юконской золотой лихорадки 1897–1898 годов. Экспедиция была опасной и безумно дорогой. Тысячи долларов, которые выручила сестра писателя, заложив дом, едва хватило на снаряжение и дорогу (эти подробности мы знаем из беллетризованной биографии Лондона, написанной Ирвином Стоуном, "Моряк в седле", 1938). Путь до Доусона — палаточного городка с 5 тыс. жителей, был сам по себе чрезвычайно труден, а ведь каждый старатель должен был везти с собой еще

около тонны груза. Примерно половина — это одежда и инструменты, другая — годовой запас продовольствия, без которого канадские пограничники не пускали в страну.

Джек Лондон в сборнике автобиографических рассказов "Смок Беллью" (1912) пишет, что индейцы-носильщики взвинтили цены за переноску тонны груза через перевал до места, где начинался 800-километровый водный путь, до 600 долларов (15 тыс. в современных ценах), а там лодочник запросил за сплав еще 400 (10 тыс.). Сам Лондон работал лодочником целое лето и заработал 75 тыс.

Несмотря на то что люди везли с собой много продовольствия, еда в Доусоне была дорогой. К примеру, лосиное мясо, хотя оно добывалось на месте, стоило около четырех долларов за килограмм (100 долларов в современных ценах), мука и бобы — по 80, "да и то не достать". Когда прошел слух, что найдена богатая россыпь золота, герои Лондона, Смок и Малыш, решили скупить все собачьи упряжки в поселке, чтобы добраться до месторождения первыми. За 15 собак им пришлось заплатить 3 тыс. долларов (на современные деньги 75 тыс.). При таких ценах даже тем немногим старателям, которым посчастливилось найти перспективный участок, разбогатеть было трудно. Что касается Лондона, то он не сумел добыть ни одной унции.

В романе "День пламенеет" (другой перевод названия — "Время не ждет", 1910) — действие его первой части разворачивается на Аляске времен золотой лихорадки — главный герой, старатель по имени Пламенный, рассуждает о ценах на алкоголь. Он без колебаний мог поставить виски по 50 центов (12,5 современного доллара)[1] за рюмку всей компании, со-

1 Кажется, что эта цена не запредельная. Однако при пересчете цен нужно учитывать не только инфляцию, но и тот факт, что в то время люди жили гораздо беднее. Как пишет Лондон в "Экономике Клондайка", зарплата рабочего на фабрике в Калифорнии составляла два доллара в день.

бравшейся в трактире, но цены на шампанское, которое стоило от 40 до 50 долларов за бутылку (от 1000 до 1250 современных), его возмущали.

В эссе "Экономика Клондайка" (1899) Лондон подвел итог юконской золотой лихорадки. В 1897 году там искали золото 25 тыс. человек, в 1898-м — 100 тыс. Каждый вез с собой минимум 600 долларов. Итого на руках у этих людей было 75 млн долларов в общей сложности. Справедливая зарплата в суровых условиях Крайнего Севера, по мнению Лондона, — четыре доллара в день или приблизительно 150 млн на всех золотоискателей. Итого: 75 + 150 = 225 млн, а золота было добыто всего на 22 млн долларов!

■ ■ ■

Если в 1848 году австралийцы стремились попасть в Калифорнию, то спустя три года им уже никуда не надо было плыть — золото нашли в восточном штате Виктория, примерно в 100 милях от Мельбурна. Ловить удачу устремились даже государственные служащие: 80 % полицейских штата подали в отставку и отправились на прииски. Население Виктории, насчитывавшее в 1851 году 77 тыс. человек, за 20 лет выросло до 730 тыс., главным образом за счет прибывших с других континентов. Порт Филлип Бэй под Мельбурном превратился в стоянку брошенных кораблей-призраков. Вслед за пассажирами-золотоискателями их покидали и команды, часто вместе с капитаном.

На пике лихорадки золото искали и добывали 40–50 тыс. человек. Приезжали семьями, причем наплыв не могла сдержать даже высокая цена лицензии на разведку — около 100 фунтов в месяц в современном выражении. Многие, попытав счастья, выбирали менее хлопотные и более надежные занятия — становились возчиками, плотниками, сапожниками, мясниками, открывали всевозможные лавки.

Цены в Виктории, как и везде, где обнаруживалось золото, значительно выросли, и не только из-за роста населения и обесценивания денег, но и потому, что почти все фермеры штата побросали свои занятия и ушли на прииски. Относительно дешевым было лишь мясо: оно рядом с приисками паслось — в Виктории на момент начала золотой лихорадки поголовье овец насчитывало 6 млн! "На завтрак и на ужин по стейку, а в обед для разнообразия бараньи ребрышки... И так месяц за месяцем", — сетует в воспоминаниях один из старателей.

В 1850-е годы Виктория давала треть мирового производства золота. Интересным следствием золотой лихорадки было то, что с ее началом английское правительство перестало ссылать в Австралию преступников — не было смысла бесплатно везти их туда, куда многие стремились попасть за большие деньги.

Когда в Австралии ажиотаж вокруг золота стал сходить на нет, лихорадка вспыхнула в Южной Африке, где залежи были обнаружены в 1886 году (во многом из-за золота разразилась Англо-бурская война 1899–1902 годов — англичане стремились прибрать прииски к рукам). Маленький поселок старателей Йоханнесбург за десять лет превратился в стотысячный город, один из самых крупных в Южной Африке. На пике золотой лихорадки сюда стекалось по 2 тыс. человек в неделю — европейцы, индийцы, китайцы, арабы, австралийцы, американцы, канадцы, новозеландцы. Население росло так быстро, что первое время власти не могли организовать доставку продовольствия в достаточном количестве. Муку везли со всей Южной Африки, но ее не хватало, и приходилось вводить нормы: белым полагалось в день два фунта пшеничной, черным — три маисовой.

Улицы в центре современного Йоханнесбурга узкие, кварталы небольшие — это бывшие делянки старателей: простые — 50 х 50 футов (15 х 15 метров) и двойные — 50 х 100. Нарезка

была такой мелкой, чтобы каждый мог получить участок. Но низкое содержание золота в руде делало добычу примитивными методами нерентабельной, и скоро все вольные предприниматели превратились в наемных рабочих на шахтах (сегодня добыча ведется на глубине около 4 тыс. метров) и обогатительных фабриках, которыми владели крупные компании.

■ ■ ■

Главный герой романа Марка Твена “Налегке” нашел в ручье какие-то блестящие крупинки и принес их в старательский поселок, но оказалось, что это “осколки гранита и никудышная слюда”. Герой “философически заметил, что не все то золото, что блестит”. В ответ старый кузнец посоветовал ему “не останавливаться на этом, а пополнить свою сокровищницу знаний той истиной, что все, что блестит, не золото”.

“На наличные
деньги он
берет рубль
двадцать
пять копеек,
в долг —
три рубля
и целковый”

Глава десятая

Ростовщики и их процентная ставка в мировой литературе

В “Божественной комедии” Ад — это девять концентрических кругов, воронкой спускающихся к центру Земли, и в каждом следующем мучения круче. Ростовщики помещены на кайму седьмого круга, где “огонь вонзает жала в лица”, дальше — воры, обманщики, насильники и самые ужасные преступники — предатели Иуда Искариот, Брут и приравненные к ним. У одного из ростовщиков на груди кисет, где “в желтом поле был рисунок синий”, у другого — алый, “подобно крови”, мешочек с белою гусыней, у третьего — белый кошелек с голубой свиньей, и всем им мошна как будто услаждает очи.

Если Данте отправляет ростовщиков преисподнюю, то есть к дьяволу, то Гоголь в повести “Портрет” (1833–1834) рисует самого ростовщика в образе дьявола — в соответствии с народным восприятием этого типа. В екатерининские времена в петербургскую Коломну пожаловал ростовщик — “восточный человек” в халате. Демонический образ: “Никто не сомневался в присутствии нечистой силы в этом человеке. Говорили, что он предлагал такие условия, от которых дыбом поднимались волоса и которых никогда потом не посмел несчастный передавать другому; что деньги его имеют прожигающее свойство,

раскаляются сами собою и носят какие-то странные знаки… все это коломенское население, весь этот мир бедных старух, мелких чиновников, мелких артистов… соглашались лучше терпеть и выносить последнюю крайность, нежели обратиться к страшному ростовщику; находили даже умерших от голода старух, которые лучше соглашались умертвить свое тело, нежели погубить душу. Встречаясь с ним на улице, невольно чувствовали страх".

Отец рассказчика, художник, "всякий раз останавливался неподвижно, когда встречал его, и всякий раз не мог удержаться, чтобы не произнести: «Дьявол, совершенный дьявол!»" Вдруг ростовщик наведывается к художнику и заказывает свой портрет. Когда портрет окончен и выставлен на публику, никто не сомневается, что и впрямь был создан портрет дьявола: по картине видно, что рукой живописца водило демоническое чувство. Сам художник тоже начинает верить в дьявольскую силу его произведения.

Похоже, ассоциации ростовщика с дьяволом были весьма распространены. В повести Достоевского "Кроткая" (1876) ростовщик сам почему-то упоминает черта. К нему пришла девчушка лет шестнадцати, оставшаяся без родителей, чтобы заложить свои скудные пожитки, и это случается уже не в первый раз. Ростовщик почти влюблен в нее и старается завязать какой-нибудь разговор:

— Я — я есмь часть той части целого, которая хочет делать зло, а творит добро…

Она быстро и с большим любопытством, в котором, впрочем, было много детского, посмотрела на меня:

— Постойте… Что это за мысль? Откуда это? Я где-то слышала…

— Не ломайте головы, в этих выражениях Мефистофель рекомендуется Фаусту, "Фауста" читали?

— Не… невнимательно.

— То есть не читали вовсе. Надо прочесть. А, впрочем, я вижу опять на ваших губах насмешливую складку. Пожалуйста, не предположите во мне так мало вкуса, что я, чтобы закрасить мою роль закладчика, захотел отрекомендоваться вам Мефистофелем.

В нелицеприятном свете выставлен еврейский ростовщик и Пушкиным в "Скупом рыцаре" (1830). Он не сравнивается с дьяволом, но ушел от него не очень далеко. Альберт, сын богатого барона — скупого рыцаря, протратился и хочет занять денег. Залога у него нет. А под честное слово ростовщик не дает: пока Альберт жив, его слово "много значит", но случись с ним что, и оно станет подобно ключу от брошенной в море шкатулки. У ростовщика, однако, находится выход — он предлагает отравить отца зельем, которым может снабдить Альберта "знакомый старичок, аптекарь", а когда Альберт отказывается, делает вид, что пошутил.

■ ■ ■

Ростовщиков подвергали остракизму с незапамятных времен — и государство, и церковь. В Средние века христианство считало ростовщичество формой грабежа, то есть грехом. В роли ростовщиков обычно выступали евреи, и образы ростовщиков-евреев в мировой литературе не слишком милосердны к своим прототипам. Впрочем, эти "ноги растут" еще из Библии: во время Исхода Моисей отлил из украшений золотого тельца, этому идолу вдруг стали поклоняться, и библейский телец превратился в символ наживы, власти, денег, богатства и алчности.

В иудаизме, как и в христианстве, ростовщичество тоже считалось грешным делом, но евреям было разрешено ссужать

под проценты христианам и сарацинам (арабам), чтобы не вовлекаться в еще больший грех — взимание процентов с единоверцев. Именно поэтому большинство ростовщиков были евреями (а еще потому, конечно, что в большинстве христианских стран им веками запрещалось заниматься другими профессиями). Впрочем, христианам тоже дозволялось давать деньги в рост сарацинам.

В Средние века правовой защиты ростовщиков не существовало. Опустошить карманы заимодавцев мог любой рыцарь — по праву сильного. Приходилось всячески лавировать и скрывать наличие денег. Ростовщик Исаак, один из героев романа Вальтера Скотта "Айвенго" (1819), действие которого происходит в XII веке, возвращаясь домой из дальних странствий, попадает в руки рыцарей, следующих на турнир. Те, обзывая его нечестивым псом, обвиняют Исаака в желании "своим лихоимством вытянуть все силы из дворян". Исаак пытается убедить их, что у него нет "ни одного шекеля, ни одного серебряного пенни", но рыцари не верят и собираются отобрать деньги, когда тот уснет. Предупрежденный о готовящемся покушении на его кошелек "добрым пилигримом", под видом которого путешествует рыцарь Айвенго, Исаак с его же помощью бежит из замка, где компания остановилась на ночлег. Как только беглецы пересекают ров, Исаак спешит "подсунуть под седло своего мула мешочек из просмоленного синего холста, бормоча все время, что это перемена белья, только одна перемена белья, больше ничего".

По прошествии времени, снова отправившись в путь, на этот раз с дочерью — прекрасной Ревеккой, Исаак опять попадает в переплет. Он присоединяется к группе доброжелательно настроенных рыцарей — сторонников Ричарда Львиное Сердце, но путешественников захватывает в плен противник короля, местный рыцарь-разбойник, чей укрепленный замок служит тюрьмой для пленных. Рыцари содержатся с по-

четом, а из Исаака выбивают деньги: его собираются поджаривать на вертеле, как тушу животного, пока он не согласится "добровольно" расстаться со своим богатством. Атака на замок сподвижников Ричарда спасает ростовщика от адской пытки, но и на этом его мытарства не заканчиваются. Дочь Исаака оказывается в лапах храмовника — высокопоставленного члена религиозного ордена, который хочет насильно сделать ее своей женой, несмотря на то что Ревекка еврейка. Другие члены ордена не спешат остановить зарвавшегося брата и просят за Ревекку выкуп — "налом" и благотворительными взносами: если Исаак пожертвует что-нибудь на церковные нужды, "например, на пристройку общей спальни для братии", они "возьмут грех на душу и помогут ему выручить дочь". Произвол останавливает вмешательство благородного Айвенго.

Во времена Ричарда Львиное Сердце еще не был изобретен вексель — он стал широко использоваться еврейскими ростовщиками с XIII века. Сначала векселя были именными, а в начале XV века, согласно Вернеру Зомбарту, автора исследования "Евреи и хозяйственная жизнь" (1911), в Венеции появился вексель на предъявителя. В результате отпала нужда возить с собой наличные, рискуя жизнью, и был изобретен способ утаивания богатства. Многие стали держать его в векселях, которые позволяли переводить капитал из страны в страну и быстро восстанавливать экономический статус после очередных притеснений и гонений.

■ ■ ■

С конца XIII до середины XVII века в Англии верующие евреи и вовсе были лишены права жительства, а те немногие, кто там все-таки обосновался, являлись иностранными подданными. В начале той эпохи евреи в большом количестве переселяются в Испанию и Португалию, а оттуда позднее — в Венецию, где

отношение к ростовщикам более либеральное. Исаака сменяет Шейлок — герой шекспировского "Венецианского купца".

Действие пьесы происходит в конце XVI века. В это время Венеция все еще экономическая сверхдержава, но ее могущество на излете. Невзирая на религиозные предрассудки, следуя старому принципу "деньги не пахнут", в IX веке она начала торговать с сарацинами, которые господствовали на восточном рынке вплоть до XVI века. Венецианцы экспортировали рабынь, железо, дерево; все население города жило торговлей, возник класс богатых купцов. В XII веке Венеция — крупная морская держава, избавившая Адриатику от пиратов, утвердившаяся на всем восточном побережье Италии, победившая многих конкурентов с западного и монополизировавшая торговлю в восточной части Средиземного моря. В XIV веке город начинает торговать с Фландрией и Англией.

Вместе с торговлей развивается необходимая для нее инфраструктура. Возникают судостроительные верфи, появляются морские брокеры, чеканится монета, получившая широкое хождение в Европе и Леванте, создаются мощные банки и крупные торговые компании. В XIII веке в обращение внедряется тот самый вексель — финансовая инновация своего времени. В XIV столетии создается биржа, начинают торговаться гособлигации. В начале XV века Венеция, завоевав территории на материке (до того ее власть распространялась на островные и прибрежные земли), получает серьезные доходы и от земледелия.

В 1509 году город, потерявший земельные владения и нуждающийся в деньгах, пересматривает жесткую политику недопущения на свою территорию иноверцев. Власти за большую мзду, причем ежегодную, разрешают селиться в Венеции евреям, в основном ростовщикам, купцам и врачам. Венецию наводняют сыны Израилевы, проживавшие на территории современной Германии, изгнанные из Испании в 1492 году,

подвергшиеся принудительному обращению в христианство в Португалии в 1497-м, беженцы из Константинополя и Салоник — важнейших коммерческих центров Оттоманской империи.

Евреям предписано жить в гетто. Им разрешается вести бизнес старьевщиков — иметь "лавки-комиссионки", открывать ростовщические конторы для обслуживания бедных горожан. На самом деле среди клиентуры этих контор не только беднота — в "Венецианском купце" ростовщик Шейлок кредитует как раз знать. Социально окрашенная риторика нужна городским властям для оправдания либерализма (по меркам того времени) по отношению к еврейским коммерсантам: папа римский такую лояльность не приветствует. Венеции приходится лавировать — деловая активность еврейской общины призвана приносить немалые деньги в казну, да и сам город занимает у ростовщиков во время голода или войны.

Если в начале XVI века евреям выдавали "вид на жительство" в Венеции на пару лет, то к концу столетия — уже на четверть века. Вдобавок еврейским купцам разрешили вести торговлю с Левантом: город конкурировал с множеством европейских портов, пытаясь завязать на себя торговлю Оттоманской империи с Европой, и с готовностью давал "прописку" левантийским купцам, имевшим налаженные контакты на Востоке. Еврейские купцы и ростовщики сохраняли свои привилегии до падения Венеции как самостоятельного государства в 1797 году[1].

Ростовщичество в Венеции и других итальянских городах строго регулировалось местными властями. Право заниматься кредитованием нужно было покупать, уплачивая каждый год

1 Дополнительную информацию относительно юридического статуса еврейских ростовщиков в Венеции можно найти в статье: Ravid B. *Legal Status of the Jewish Merchants in Venice*, 1541–1648 // The Journal of Economic History. 1975. V. 35. №1. P. 274–279.

фиксированный налог. Это ограничивало конкуренцию и давало квазимонопольное положение купившим лицензию. Власти устанавливали и размеры процентной ставки. Согласно дошедшим до нас разрозненным данным, в XIV–XV веках в разных городах она варьировалась от 10 до 60 % годовых. Высокий процент устанавливался там, где город хотел взимать с ростовщиков побольше налогов. Кроме того, он мог временно разрешить брать с частных заемщиков повышенные проценты в качестве компенсации упущенной выгоды, если сам занимал по ставкам ниже рыночных. Самые низкие ставки, законодательно установленные для частных заемщиков, 10–12 % годовых, как раз характерны для богатой, жившей не только за счет поборов с кредиторов Венеции. Сама она в конце XV — начале XVI века и вовсе занимала под 4–5 %. Процентная ставка могла зависеть от размера займа и типа залога.

Согласно теории кредита, при нерегулируемом бизнесе процентная ставка зависит от надежности и платежеспособности заемщика. Еврейские ростовщики всегда устанавливали процент на уровне верхней разрешенной планки, а от качества заемщика зависели другие условия займа — в первую очередь соотношение его размеров и стоимости залога, который требовался в большинстве случаев, так как к гарантиям третьей стороны прибегали редко. Принимали одежду, обувь, украшения, рабочие инструменты, оружие. Городские власти категорически запрещали давать деньги в рост под залог земли, чтобы еврейские ростовщики не аккумулировали большие земельные владения, но к этому не очень стремились и сами "старики-процентщики": богатство нужно было держать в ликвидной форме на случай, если возникала необходимость срочно покинуть город.

В Тоскане, где уровень экономического развития и экономические отношения были схожи с венецианскими, около двух третей населения пользовалось кредитами. Их брали под оборотный капитал для покупки молодняка скота, приданого

дочерям и внучкам, да и просто "на потребительские нужды" в плохой год. Средний размер займа был огромным — приблизительно равным годовой зарплате флорентийского рабочего. Доля еврейских ростовщиков в общем объеме кредитования населения в Тоскане оценивается приблизительно в 10%. Можно предположить, что в Венеции она была примерно такой же, но ростовщики были очень влиятельны. Сила еврейских ростовщиков определялась тем, что их богатство всегда держалось в звонкой монете — его размер не был подвержен колебаниям из-за плохой погоды, нападения врага или изменения налогов на землю[1].

Кроме того, еврейские ростовщики поддерживали тесные социальные и экономические связи между собой, благодаря чему могли делить риски и при необходимости привлекать внешний капитал — заимодавцы объединялись в негласные партнерства, чтобы быстро перекидывать средства между городами. Но все равно они оставались чужаками.

■ ■ ■

В шекспировской пьесе богатый венецианский купец Антонио снаряжает в путь несколько торговых кораблей. Это масштабная операция, доступная только очень состоятельному человеку. Вдруг выясняется, что Бассанио, верный друг Антонио, надумал жениться на богатой и хочет "с честью выйти из больших долгов, в какие мотовство его втянуло", для чего ему нужно перекредитоваться. Антонио решает помочь другу, но свободных средств нет, и он просит Бассанио узнать, что может сделать его "кредит" (репутация заемщика), собираясь выжать его "весь и до предела".

1 См. подробности: Botticini M. *A Tale of "Benevolent" Governments: Private Credit Markets, Public Finance, and the Role of Jewish Lenders in Renaissance Italy* // The Journal of Economic History. 2000. V. 60. №1. P. 164–189.

Бассанио мчится к ростовщику Шейлоку и просит 3 тыс. дукатов на три месяца с поручительством Антонио по векселю. Это около полумиллиона сегодняшних долларов при пересчете через золотой эквивалент дуката — смешные деньги с учетом размаха операций Антонио. Шейлоку поручительства мало: Антонио — хороший, то есть "состоятельный" человек, но его "капитал весь в надеждах". У него одно судно плывет в Триполи, другое — в Индию, третье сейчас в Мексике, четвертое — в Англии, остальные суда тоже разбросаны по миру. Это все риски: "корабли — это только доски, а моряки — только люди; а ведь есть и земляные крысы, и водяные крысы, и сухопутные воры, и водяные воры, то есть пираты; а кроме того — опасности от воды, ветра и скал".

Как же прав Шейлок! Во времена Шекспира корабли являлись плохим залогом, ведь опасности заморской торговли были велики и связаны отнюдь не с рыночной конъюнктурой, а с тем, что суда зачастую не возвращались из дальних плаваний. Шейлока залог кораблей не может защитить. Процентная ставка ограничена, а залога и вовсе нет. Чем еще взять свое Шейлоку? Остался один параметр, которым он может играть при составлении кредитного договора, — неустойка при просрочке.

И Шейлок назначает такую: "Фунт вашего прекраснейшего мяса, чтобы выбрать мог часть тела я любую и мясо вырезать, где пожелаю". Эта неустойка должна "насытить месть" Шейлока, которому Антонио "ненавистен", ведь "взаймы дает он деньги без процентов и курса рост в Венеции снижает", а еще Антонио "ненавидит народ священный" — со всеми вытекающими.

Антонио согласен: в ближайший месяц он должен получить в десять раз больше. Но жизнь идет не по его сценарию. Вскоре появляются слухи, что "корабль Антонио с богатым грузом потерпел крушение в Узком проливе". Кредиторы Антонио, приехавшие в Венецию, клянутся, что он должен неминуемо обанкротиться. Слухи множатся:

Ужель погибло все, без исключенья?..
И ни один корабль не спасся?
Все разбились об утесы, грозу купцов?

Вексель просрочен, а Шейлок неумолим. В двадцать раз дороже номинала выкупить вексель готова невеста Бассанио — Порция, но Шейлок отвергает эту сделку: "хочет получить он лучше мясо". И не просто мясо — сердце! Шейлок навещает дожа, который по совместительству является верховным судьей, "твердит, что попрана свобода будет в Венеции, когда ему откажут". Антонио на защиту дожа и не надеется: "Не может дож законы нарушать: ведь он, отняв у чужестранцев льготы, в Венеции им данные, доверье к законам государства подорвет; а наши и торговля и доходы — в руках всех наций". Экономическое благополучие Венеции действительно в руках других стран, потому что собственных ресурсов у нее нет, страна исполняет роль торгового хаба, а торговля легко может переместиться в другой морской порт. Шекспир напоминает, что для притока инвестиций в страну нужен хороший инвестиционный климат. И это в XVI веке!

Дож пытается образумить Шейлока, надеясь, что тот "сохранит видимость злодейства до развязки дела", но Шейлок тверд как скала и демонстративно точит нож, "чтобы резать у банкрота неустойку". Выход из положения находится через софистику: вспоминают, что в договоре речь идет о мясе, но не о крови, и Шейлоку грозят тем, что, если он прольет "хоть каплю христианской крови, его добро и земли по закону к республике отходят", плюс ему нужно отрезать "не больше и не меньше... чем фунт". В итоге дело поворачивают так, что Шейлок уже обвиняется в покушении на убийство — в этом случае имущество осужденного делится пополам между потерпевшим и республикой, а жизнь преступника зависит от милосердия дожа. "Милосердный" дож дарит

Шейлоку жизнь, но собирается конфисковать его имущество в пользу Антонио и государства, если тот не покается. Шейлок каяться не желает, и ему велят еще и христианство принять. Так жестокий ростовщик оказывается обобран и унижен властями, правда, благородный Антонио отдает свою долю в его имуществе дочери Шейлока и ее жениху. А чуть позже три корабля Антонио с богатым грузом возвращаются в гавань.

Насчет кровожадности ростовщика все не так однозначно. Процент по займу ограничен дожем, и, чтобы сделать условия займа рыночными, ростовщик может оперировать только неустойкой. Чем ниже процент, тем "кровожаднее" должен быть ростовщик, если он ведет себя рационально. "Фунт прекраснейшего мяса" — это, конечно, перебор, но жесткость ростовщика вызвана в том числе политикой самого дожа, то есть имеет объективные экономические причины.

Кроме того, еще со времен Средневековья в христианской культуре взимать неустойку за просрочку кредита считалось моральным, тогда как проценты — нет. Иными словами, были предусмотрены лазейки, для того чтобы, соблюдая предписания церкви, деньги все же зарабатывать. Разрешалось также брать плату за то, что мы называем сейчас упущенной выгодой, и компенсировать траты (в том числе времени) на организацию займа. Неустойка могла быть очень высока — до 100% суммы кредита. Шейлок, таким образом, действует по той схеме, к которой его подталкивает христианская религия.

■ ■ ■

Известные экономисты Луиджи Зингалес и Рагхурам Раджан в книге "Спасение капитализма от капиталистов" (2003) называют еще одну причину того, почему ростовщик должен быть

беспощадным: "Романтики среди нас не могут или не хотят признавать логику данной финансовой операции. Они осуждают Шейлока, который приходит к Антонио забрать фунт его плоти, но не понимают, что это залог, давший венецианскому купцу возможность получить ссуду. Сделка является нелицеприятной из-за низкой, подлой натуры финансиста (кого же еще?) и его ненависти к заемщику... если бы не ужасная суть залога в «Венецианском купце» и не изначально напряженные отношения между сторонами, заключившими договор, залог был бы идеален. Ценность для заимодавца представляют деньги, а не плоть заемщика, и он бы не стал забирать залог, если бы не отказ должника расплачиваться. Для заемщика его плоть чрезвычайно ценна, поэтому он не откажется от своих обязательств с легкостью. Важно то, что Шейлок ненавидит купца, в противном случае он бы не захотел забрать фунт его плоти и сама эта угроза была бы неправдоподобной. Для того чтобы объявить сделку нечестной, вероятности печального исхода, когда финансист придет требовать залог, недостаточно".

История о жестоком заимодавце, пытавшемся вырезать фунт плоти у неисправного должника, рассказывается во многих средневековых произведениях и, скорее всего, является историческим фактом. Ростовщики были озлоблены на должников, потому что подвергались гонениям и страдали от экспроприации почти во всех странах Европы (пушкинскому ростовщику из "Скупого рыцаря", который помогает "всем рыцарям", тоже "никто не платит"). Причину такого отношения обычно ищут в религиозной нетерпимости христианства — средневекового и эпохи Возрождения.

Однако современные экономисты указывают, что изгнание евреев из Англии, Португалии и Испании в первую очередь являлось своеобразной формой реструктуризации кредитов. Знать сначала набирала долгов, а когда накапливалась

критическая масса — должники не могли или не хотели расплачиваться, — кредиторы-евреи изгонялись под каким-нибудь благовидным предлогом.

■ ■ ■

Блестящую интерпретацию "Венецианского купца" дает канадская писательница Маргарет Этвуд в книге "Долг. Долги и темная сторона богатства" (2008). По ее мнению, в пьесе "отражена эпоха Древнего Египта, когда сердце подлежало взвешиванию, и эпоха богини Юстиции, когда она с весами в руке стояла у входа в суд, и получающий залог владелец ломбарда, и сомнительный письменный договор".

Этвуд задается вопросом: понимал ли Шекспир, что "Шейлок и Антонио — это Тени друг друга?" По мнению Этвуд, с Шейлока нужно снять обвинение в стяжательстве, ведь "ему предлагают в три раза больше денег, чем сумма долга, чтобы выкупить у него этот фунт мяса, но он отказывается". Для Шейлока, когда он просит фунт мяса, важны не деньги, а месть. Здесь Этвуд цитирует книгу Джеймса Бьюкена "Замороженное желание" (1997) о природе денег, автор которой отмечает: "Фунт мяса не может обладать залоговой ценностью, ибо его нельзя изъять и обратить в деньги… Это безумная и первобытная расплата… при которой деньги не компенсируют оскорбление, нанесенное телу. Мы имеем дело не с деньгами, «связанными с кровью», а просто с кровью, заменяющей деньги, становящейся деньгами".

Как "чужак", посягающий на жизнь венецианца, Шейлок по действующему закону ставит под угрозу свою собственную жизнь. Порция и судья готовы его простить, если он станет христианином, но "Шейлок — далеко не Фауст, поскольку никаких сделок с дьяволом не совершает". "Это, скорее, скряга, образ которого восходит к «римской новой комедии», перехо-

дит в средневековые нравоучительные пьесы, где присутствует в качестве персонажа, олицетворяющего грех стяжательства, и вновь появляется в качестве Панталоне в венецианской комедии дель арте и у Мольера в пьесе «Скупой». Однако, разделяя с этими персонажами некоторое внешнее сходство, Шейлок — другой. Прежде скряги на сцене были только скрягами. Но Шейлок — еврей, и это многое меняет... у Шейлока есть все законные основания позаботиться о крепких запорах на дверях своего дома, о сохранности своего имущества и безопасности дочери”.

Что касается Антонио, то тот “обычно интерпретируется как добрый малый, поскольку он раздает деньги и не берет за это процентов. Но можно ли это ставить ему в заслугу? Будучи христианином в той воображаемой «Венеции», он не имеет права брать ростовщические проценты! Ему нет нужды ссужать деньги. Но, поступая так, он тем самым подрывает бизнес Шейлока, причем не в качестве конкурента. Он вообще не занимается этим бизнесом, не извлекает прибыли, давая деньги в долг”.

Этвуд полагает, что его действиями руководит антисемитизм: “Он делает из Шейлока мальчика для порки, и именно за это Шейлок его ненавидит, а не потому, что не может ссужать деньги под более высокие проценты. <... > Антонио выступает в качестве бескорыстного ростовщика не потому, что он добр к нуждающимся, а из желания навредить Шейлоку и всем евреям-ростовщикам, а в их лице — всем евреям”.

Антонио и Шейлок нарушают установки тех религий, которые исповедуют. “Антонио нарушает главную заповедь христианства: возлюби ближнего твоего, как самого себя. <... > Шейлок — ближний, но Антонио не хочет видеть в нем такового”. Шейлок “нарушает закон Моисея, зафиксированный во Второзаконии, который гласит, что нельзя брать в залог то, без чего человек существовать не может”. Этвуд отмечает, что

именно этот принцип лежит в основе современного законодательства, регулирующего долги и банкротство, — нельзя изъять у человека средства, которые ему необходимы для его профессии или дела.

■ ■ ■

В XVI веке в Европе смягчаются ограничения на взимание процентов. Сначала Мартин Лютер заявляет, что христианин должен иметь право давать свои деньги в рост. Чуть позднее с этим соглашается Жан Кальвин, оговариваясь, что процент должен быть разумным, и в 1547 году в Женеве вводят пятипроцентную ставку. В Англии против регулирования процентной ставки государством выступает философ Джон Локк. Страны, где доминировал протестантизм, снимают ограничения в XVII веке, католические — в XVIII.

Новые веяния по отношению к предоставлению кредита нашли отражение в сатирическом романе Франсуа Рабле “Гаргантюа и Пантагрюэль” (1533). Пантагрюэль занимает консервативную позицию: по его мнению, иметь долги — плохо. При этом он ссылается на Писание и авторитет древних: “В апостольском послании прямо говорится: «Не оставайтесь должными никому и ничем, кроме взаимной любви». <…> персы были правы, утверждая, что второй порок — лгать, а первый — быть должным”.

Давать взаймы нужно в исключительных случаях. Выразитель новых настроений в романе Панург — герой плутоватый и неразборчивый в средствах, но олицетворяющий здравый смысл. Он весь в долгах, потратил доходы от недвижимости, которой управляет, на три года вперед, освобождаться от долгов не собирается и даже сочиняет речь в защиту должников в духе сатирического панегирика Эразма Роттердамского “Похвала глупости” (1511). За должника будут молиться кредиторы,

чтобы Господь ниспослал должнику "мирную, долгую и счастливую жизнь". Кредиторы — это льстецы и прихлебатели должника. А в мире без долгов "тотчас нарушится правильное течение небесных светил", "между стихиями прекратится всякое общение". "Земля не будет производить воду, вода не будет превращаться в воздух, воздух — в огонь, огонь перестанет греть землю. Земля ничего не будет рождать... Дождь перестанет дождить, свет светить, ветер веять, не будет ни лета, ни осени".

Если же сравнивать экономику не с Вселенной, а с человеческим организмом, то без кредита прекратится кровообращение. А с кредитом даже ребенок родится, то есть приращение плоти будет. Иными словами, кредит — двигатель экономики. Авторы "Энциклопедии Рабле" считают, что Панург в этой части текста выражает мысли самого автора, а слова в защиту долга он намеренно — и в духе эпохи — вложил в уста придурковатого героя[1].

Действие повести "Гобсек" (1830) Оноре де Бальзака происходит в конце 1820-х в Париже. Евреев давно уже перестали преследовать, но они по инерции продолжают прятать свое богатство. Гобсек, уронив на лестнице двойной наполеондор, содержавший 10,6 грамма чистого золота, отказывается принять монету у спускающегося следом жильца: "Это не моя! Золото! У меня? Да разве я стал бы так жить, будь я богат!"

■ ■ ■

Проследим, каких уровней достигали процентные ставки ростовщиков после того, как их перестали регулировать. Ростовщик Торквемада, герой трилогии о Торквемаде (1893–1895) испанского писателя Бенито Переса Гальдоса, действие которой

1 The Rabelais Encyclopedia / edited by Elizabeth Chesney Zegura. Westport: Greenwood Press, 2004. P. 48–49.

разворачивается в конце XIX века в Испании, обслуживает клиентов "с известной щедростью, из расчета реал за каждое дуро[1] в месяц, иными словами, из шестидесяти процентов годовых". Один дуро равнялся 20 реалам. Получается, что Торквемада брал 12 реалов, если ссужал 20. Однако проценты он считает неверно. Могло быть 60 %, если бы все проценты уплачивались в конце срока. С учетом же того, что они вносятся ежемесячно и с учетом сложных процентов, процентная ставка составляет все 80 % годовых.

В романе Эрскина Колдуэлла "Табачная дорога" (1932), где рассказывается о жизни бедняков плантаторского Юга во время Великой депрессии, приводятся условия кредитования фермера Джиттера, занимающегося хлопком. Ранней весной ему нужен кредит под закупку семян и удобрений. Банк кредит не дает, потому как Джиттер не может предоставить залога. И тогда он идет в ссудную компанию (a loan company), которая мало отличается от ростовщической. Джиттер занимает 200 долларов на десять месяцев под 3 % процента в месяц или 30 % (считают простые проценты, видимо, чтобы заемщикам понятнее было). Это не так ужасно, однако он должен вносить проценты ежемесячно, а деньги будут, только когда он соберет урожай. Штраф за просрочку составляет еще столько же — 30 % от суммы займа. "Для гарантии того, что заем полностью обеспечен", с Джиттера требуют еще фиксированную комиссию в размере 50 долларов, которую при этом называют комиссией за выдачу кредита. Видимо, есть какие-то еще комиссии и платежи, потому что, когда приходит время окончательного расчета, Джиттер выплачивает по ссуде более 300 долларов. Каковы дополнительные комиссии и платежи, не сообщается. Но понятно, что это не менее 50 % за 10 месяцев или почти 63 % годовых.

1 Народное название песеты.

Джиттеру остается всего семь долларов, но тут он вспоминает, что арендовал мула для запашки поля за 10. В итоге — минус три.

В романе Уильяма Фолкнера "Деревушка" (1940), действие которого разворачивается в период с 90-х годов XIX века до 40-х годов XX, один чернокожий герой рассказывает другому, как он успешно прокредитовался у местного лавочника мистера Сноупса, который весьма охотно дает взаймы: "Мне он вот уж больше двух лет назад дал пять долларов, и я одно знаю — каждую субботу несу ему в лавку десять центов. А про пять долларов он ни разу и не вспомнил". Это 2 % в неделю, или 180 % годовых. Конечно же, Сноупсу выгодно "забыть" об основной сумме долга, если он исправно обслуживается.

В романе Артура Хейли "Колеса" (1971), рассказывающем об автомобильном заводе в Детройте 1950-х или 1960-х годов, один из главных героев по имени Ролли, который работает на конвейере, имеет приработок: он выбивает деньги из рабочих, перекредитовывающихся у неких дельцов до получки (она каждую неделю). В понедельник они занимают 20 долларов, а в пятницу отдают 25. 20 % за пять дней — это 550 % годовых. Как мы видим, никакого падения процентной ставки во времени не наблюдается.

■ ■ ■

Посмотрим, как обстояло дело в России. Торквемада со своими 80 % годовых просто душка на фоне старухи-процентщицы из "Преступления и наказания" (1866): она берет по гривне с рубля при ссуде на месяц, то есть за те полтора рубля, что просит Раскольников, с него причитается пятнадцать копеек или 10 % в месяц. Это 120 % в год простых процентов или 214 % годовых с учетом сложных процентов. До-

полнительная тонкость в том, что старуха просит "за месяц вперед-с". Это немного повышает процентную ставку. Представьте, что Раскольников занимает деньги всего на месяц. Он занимает рубль и тут же отдает 10 копеек процентов вперед. Через месяц ему нужно вернуть рубль. Получается, что на самом деле герой занял 90 копеек и заплатил на них 10 копеек процентов, а это уже 11,1 % в месяц или 257 % годовых! Однако последней каплей становится не сама ставка — вряд ли Раскольников, как и заемщики Торквемады, осознавал, сколько годовых он платит. Раскольникова выводит из себя, что старуха оценивает всего в полтора рубля отцовские часы, за которые Родион Романович просит четыре. С другой стороны, хорошо, что она вообще приняла в залог часы. Рассказчик в повести Достоевская "Кроткая" (1876) — ростовщик, ничего кроме золота и серебра не берет, а его конкуренты — "Добронравов и Мозер" — и вовсе принимают только золото.

Впрочем, встречаются ставки и побольше. Обидно, что рекорды опять бьет русская литература. В рассказе "Хорь и Калиныч" из книги Тургенева "Записки охотника" (1852) описывается, как крестьяне кредитуются перед полевыми работами: "…каждое лето, перед покосом, появляется в деревнях небольшая тележка особенного вида. В этой тележке сидит человек в кафтане и продает косы. На наличные деньги он берет рубль двадцать пять копеек — полтора рубля ассигнациями; в долг — три рубля и целковый[1]. Все мужики, разумеется, берут у него в долг. Через две-три недели он появляется снова и требует денег. У мужика овес только что скошен, стало быть, заплатить есть чем; он идет с купцом в кабак и там уже расплачивается". Будем грубо считать, что "человек в кафтане" берет 4 руб. вместо полутора за предоставление кредита на три не-

1 Серебряная монета в один рубль.

дели. Это 267% за короткий период. Это сотни тысяч годовых! Правда, экстраполяция здесь не годится — так заработать можно только раз в году.

Может, у мужиков безвыходное положение? Да нет же! “Иные помещики вздумали было покупать сами косы на наличные деньги и раздавать в долг мужикам по той же цене; но мужики оказались недовольными и даже впали в уныние; их лишали удовольствия щелкать по косе, прислушиваться, перевертывать ее в руках и раз двадцать спросить у плутоватого мещанина-продавца: «А что, малый, коса-то не больно того?»”

От сумы
и от тюрьмы…

Глава одиннадцатая

Банкротство и долговая тюрьма в русской и английской литературе XIX века

Жан Батист Мольер, “Блистательный театр” которого постоянно прогорал, несколько раз попадал в долговую тюрьму, откуда его вытаскивал отец, придворный обойщик и камердинер Людовика XIII. Рудольф Распе, хоть и взял в прототипы Мюнхгаузена не себя, а реального барона с той же фамилией, сам был не слишком чист на руку, горазд на аферы и угодил в долговую тюрьму в Англии. Другой аферист, Даниель Дефо, оказался должен 17 тыс. фунтов (в сто раз больше в современных ценах) после гибели зафрахтованного корабля и, чтобы избежать “посадки”, вынужден был перебраться из Лондона в Бристоль, где мог выходить на улицу по воскресеньям: в этот день в городе было запрещено арестовывать должников. Пытаясь покорить Париж, молодой Рихард Вагнер отправился туда с супругой почти без средств, все ценное было заложено в ломбарде или продано, а когда жена заболела, он на месяц угодил в долговую тюрьму. Если бы не Фридрих Энгельс, туда же мог попасть и Карл Маркс.

В долговой тюрьме неоднократно оказывался поэт и литературный критик Аполлон Григорьев. Там ему не работалось: отвратительная еда, “недостаток табаку и чаю”. В послед-

ний раз он был выкуплен богатой генеральской женой и бездарной писательницей, которой пообещал отредактировать ее тексты. Благодетельница осталась в накладе — поэт умер через четыре дня после выхода на волю.

Но это все мелочи по сравнению с той участью, которая выпала на долю жены Свидригайлова, героини "Преступления и наказания".

Свидригайлов сел в долговую тюрьму "по огромному счету", не имея ни малейших средств для уплаты. Некрасивая и немолодая Марфа Петровна выкупила его с целью брака и приняла кабальные условия оного — супругу было позволено "приглянуть иногда на сенных девушек", да и умерла Марфа Петровна, "по слухам", от побоев. ("Знаете, до какой степени одурманения может иногда полюбить женщина?" — задает риторический вопрос Достоевский.) Самого писателя, рьяного игрока в рулетку, не имевшего состоятельных спонсоров, угроза долговой тюрьмы в 1866 году заставила почти даром продать права на публикацию полного собрания своих сочинений и нового романа "Игрок".

■ ■ ■

Институт долговых тюрем в России ввел Петр I, который "подсмотрел" идею в Голландии. Первая долговая тюрьма появилась в Москве на месте нынешнего Исторического музея, где под нее выделили глубокие подвалы. Отсюда, считают многие, и пошло выражение "долговая яма". Несмотря на ужасные условия содержания узников, новшество по меркам того времени было прогрессивным — были отменены кабальное холопство, телесные наказания и смертная казнь. До этого задолжавшего государству могли привязать к позорному столбу и бить плетьми — "выбивать" долг — или казнить через повешение.

В Древней Руси частный кредитор имел право брать своего должника в кабалу и держать в погребе или использовать в качестве раба. "Русская правда" Ярослава Мудрого оговаривала, что разорившийся купец мог стать рабом своего кредитора, если банкротство наступило в результате неаккуратного ведения дел, но закон освобождал от ответственности оказавшихся в жалком положении из-за несчастного случая — им позволялось долг реструктурировать.

Доводы в пользу либерализации банкротного законодательства приводит Александр Радищев в "Путешествии из Петербурга в Москву": "Если бы строгого взыскания по векселям не существовало, ужели бы торговля исчезла? Не заимодавец ли должен знать, кому он доверяет? О ком законоположение более пещися долженствует, о заимодавце ли или о должнике? Кто более в глазах человечества заслуживает уважения, заимодавец ли, теряющий свой капитал, для того что не знал, кому доверил, или должник в оковах и в темнице. С одной стороны — легковерность, с другой — почти воровство. Тот поверил, надеялся на строгое законоположение, а сей... А если бы взыскание по векселям не было столь строгое? Не было бы места легковерию, не было бы, может быть, плутовства в вексельных делах". Аргумент очень серьезный.

Поставленный Радищевым вопрос, нужно ли сурово наказывать должника, созвучен современной дискуссии относительно того, следует ли спасать проблемные банки: ожидания спасения порождают безответственное поведение. Здесь то же самое: кредитор надеется, что у заимодавца есть сильный стимул вернуть долг — не попасть в тюрьму, поэтому он не прилагает усилий для проверки добропорядочности контрагента.

Полноценное законодательство о банкротстве — "Устав о банкротах" — появилось в Российской империи только в 1800 году, во время царствования Павла I. Разработал его Гавриил Державин. "Устав" разделил банкротство в результате ве-

дения коммерческой деятельности и личное. Документ подразумевал несостоятельность "от несчастья" — в этом случае должника именовали "упадшим", "от небреженья и своих пороков" — такой банкрот считался "неосторожным", и "от подлога" — уличенных в этом именовали банкротами "злостными". В XIX веке долговые тюрьмы были основным механизмом взыскания задолженности с неосторожных и злостных неплательщиков, неосторожному могли присудить пять лет, злостному еще больше. Сажали не только за невозвраты долгов кредиторам, но и за неуплату налогов и судебных издержек, невыплаты зарплаты.

■ ■ ■

Герой пьесы Островского "Свои люди — сочтемся" (1849) купец Самсон Силыч Большов задумывается, не объявить ли себя несостоятельным должником. Его стряпчий советует переписать имущество через закладную или купчую на приказчика Лазаря, потому как на жену "не действительно". Это рисковое дело: согласно "Уставу о несостоятельности" 1832 года, для признания подсудимого банкротом злостным было достаточно установить факт сокрытия им имущества путем "безденежной" передачи его третьим лицам.

Однако Большов узнает из газеты, что в Москве образовалась цепочка банкротств как намеренных, так и из-за мотовства ("в трехэтажных домах живут, другой такой бельведер с колоннами выведет, что ему со своей образиной и войти-то туда совестно"). Каждый отказ от уплаты долгов влечет следующие. Разорившиеся купцы должны и ему: один "сахару для дому брали пудов никак тридцать, не то сорок", за другим долг "за масло постное-с, об великом посту брали бочонка с три-с".

Массовые невозвраты облегчают дело, и Большов решается и просит стряпчего "за тысячу рублей и старую шубу енотовую"

выправить бумаги. Он отписывает Лазарю дом и бизнес и "отсчитывает из наличного" с просьбой кормить его "со старухой" и заплатить кредиторам "копеек по десяти" за рубль долга. "Свои люди — сочтемся", — отвечает Лазарь на этот жест. Между тем приказчик положил глаз на Липочку, дочь Большова. Их свадьбе не бывать — мезальянс, если бы не новые обстоятельства. Как только Липочка узнает, что семейные дом и лавки теперь принадлежат Лазарю, а ее "тятенька" банкрот, она тут же соглашается выйти за приказчика, хотя влюблена в другого.

Самсон Силыч оказывается в долговой тюрьме, терпит унижения: домой водят с солдатом, и "Ильинка теперь за сто верст кажется". Рассчитывает быстро выйти, да не тут-то было. Для мирового соглашения кредиторы просят по 25 копеек за рубль, а Лазарь после долгих уговоров поднимается только до 15. Свободных денег у него якобы нет: "торговать начинаем... домик купил, заведеньице всякое домашнее завели, лошадок, то, другое". Свои люди, но не сочлись. Домой банкрота водят по улице с солдатом, чтобы он терпел унижения, не просто так. Считается, что унижение способствует тому, чтобы человек все же рассчитался.

Владимир Гиляровский, описавший долговую тюрьму в очерке "Яма", утверждает, что большинство ее обитателей попадало туда "из-за самодурства богатеев-кредиторов, озлобившихся не на должника за то, что он не уплатил, а на себя за то, что в дураках остался и потерял деньги". В тюрьму обычно садился глава семьи, и это почти наверняка обрекало его родных на голод и нищету. Но могли упечь и близких родственников: одна женщина пришла в тюрьму "садиться", "у нее семеро детишек, и сидеть она будет за мужнины долги".

В XIX веке механизм "посадки" в долговую тюрьму стал элементом рейдерства: он мог запускаться и в тех случаях, когда требовалось убрать с дороги конкурента — в бизнесе или личной жизни. В "Яме" много лет охранявший постояль-

цев тюрьмы старый солдат рассказывает, как одного только что женившегося молодого человека "усадил его богач-кредитор только для того, чтобы жену отбить… запутал должника, а жену при себе содержать стал".

Выйти из тюрьмы можно, если долг уплачен самим банкротом, если его выкупили родственники или за него внесли залог третьи лица. Поскольку банкрот содержался в "яме" за счет его кредитора, тому могло попросту надоесть платить "кормовые деньги", но, как правило, кредиторы были готовы нести подобные расходы, лишь бы "иным неповадно было". Упразднены долговые тюрьмы в Российской империи были только в 1879 году.

■ ■ ■

В Древней Греции не расплатившийся должник попадал во временное рабство со всей своей семьей, пока не возвращал долг трудом. Срок неволи ограничивался, как правило, пятью годами, и попавший в нее по финансовой несостоятельности не мог подвергаться истязаниям. Реформы 594 года до н.э. афинского политика, государственного деятеля и поэта Солона запрещали залог под кредит в виде свободы людей, а попавшие в рабство из-за плохой "кредитной истории" освобождались.

В Древнем Риме существовал институт долговых обязательств под залог личной свободы, и по истечении законной просрочки платежа кредитор был вправе арестовать должника и заключить в свою домовую тюрьму. Три раза в месяц, в базарные дни, он обязан был выводить его на рынок в надежде, что кто-нибудь — родные, близкие или посторонние — выкупит его из неволи, уплатив долг. Если в ранний период Римской империи должника можно было обратить в раба, то с 326 года н. э. это стало невозможно. Однако в пользу кредитора обращалось его имущество — как нажитое к моменту банкротства, так и будущее — за исключением самого необходимого.

По древним французским и германским законам должника принуждали отрабатывать долг кредитору или надевали оковы и подвергали аресту, который длился, пока долг не будет выплачен, но кредитора обязывали должника "кормить и не увечить". В Средние века банкрота продолжали приравнивать к вору. В некоторых городах ему были обеспечены ошейник и позорный столб. В тюрьму тоже сажали, а камеры были общими для мужчин и женщин. Выйти из тюрьмы можно было, уплатив долг, что, находясь в неволе, сделать было затруднительно, или поступив в услужение в качестве раба. В средневековой Италии, которой институт банкротства был крайне необходим из-за обширной купеческой торговли, появился новый правовой инструмент — мировое соглашение должника с кредиторами.

В Англии первый закон о банкротстве был принят в 1542 году и являлся инструментом защиты кредиторов. Он позволял отчуждать имущество должника в пользу заимодавца и сажать банкрота в тюрьму. Однако к началу XVIII века в английской правовой системе впервые в мире сформировалось понимание того, что добросовестный банкрот, содействующий наиболее полному возмещению убытков кредиторов, может рассчитывать на прощение невыплаченных долгов. С того времени устраняется уголовная ответственность при неумышленном банкротстве, а несостоятельных должников начинают выпускать из тюрем при условии, что они переселятся в США. В 1849-м вводится институт добровольного банкротства, тюремное заключение за долги отменяется "Законом о должниках" 1869 года, который позволял сажать в тюрьму только тех, кто мог, но не хотел рассчитаться по долгам, и на срок не больше шести недель.

Система, можно сказать, противоположная российской. С одной стороны, по улицам с солдатом не водят и не унижают достоинства человека. С другой стороны, в Российской империи узникам предоставляли харчи бесплатно, а в Англии

узник-банкрот должен сам себя содержать, что уменьшало шансы выйти и заставляло вертеться, даже будучи за решеткой.

Поскольку в Штаты ссылали добропорядочных должников, которые не смогли рассчитаться со своими кредиторами, там понимали, что банкрот вполне может быть не только плутом, но и честным человеком, который должен быть защищен законом от произвола кредитора. Существует мнение, что в этом и следует искать истоки более либерального по отношению к должникам американского законодательства о банкротствах. В США тюремное заключение для должников было отменено в 1833 году, гораздо раньше, чем в Великобритании. Но "льгота" не распространялась на случаи утаивания денег при их наличии и долги по алиментам.

Последней из европейских стран практику заключения за долги отменила Греция, это случилось в 2008 году. В наше время в долговую тюрьму можно угодить лишь в считаных странах, например в Объединенных Арабских Эмиратах. До сих пор можно попасть в тюрьму из-за долгов в США, правда, не из-за самого факта их наличия, а из-за неявок в суд на слушания по поводу долга, либо нарушение графика платежей после его реструктуризации, особенно когда даже минимальный платеж игнорируется. Коллекторы активно побуждают суды выносить постановления об аресте. Выйти обычно можно под залог, равный сумме долга. И это, как говорится, совсем другая история.

■ ■ ■

В Англии разные тюрьмы давали узникам различную степень свободы. Очень интересное описание долговой тюрьмы находим в романе Теккерея "Ярмарка тщеславия" (1847–1848). Речь, наверное, идет о конце 1810-х — начале 1820-х — прошло несколько лет с окончания Наполеоновских войн. В романе изо-

бражена жизнь пары молодых семей, не имеющих наследства, но привыкших ни в чем себе не отказывать и занимающихся в их стесненных обстоятельствах самым настоящим мотовством. Не будем перечислять многочисленные подробности того, что и как они потребляют. Скажем только, что едят, например, тортю — суп из черепахи, стоимость одной ложки которого, по свидетельству русского путешественника Федора Иордана, равнялась "денным издержкам целого семейства низшего достатка". Один герой погибает при Ватерлоо, отставив вдову ни с чем, другой выживает и продолжает транжирить. Накапливается столько долгов, что его арестовывает бейлиф — судебный пристав. И везет… к себе домой! Дома у пристава — тюрьма.

Дом мистера Мосса обставлен великолепно. Он украшен картинами "величайших мастеров", которые много раз переходили из рук в руки во время операций с векселями. Только "двор мистера Мосса загорожен со всех сторон решетками, как клетка, чтобы джентльменам, проживающим у него, не пришла, чего доброго, фантазия покинуть его гостеприимный кров".

Мистер Мосс приглашает арестованного Родона Кроули "в покои нижнего этажа" и предлагает выпить чего-нибудь горяченького. Ему предлагают его старую кровать, которую постоянно проветривают и предоставляют только "людям из самого лучшего общества". До этого на ней две недели ночевал некий "достопочтенный капитан Фэмиш пятидесятого драгунского полка", "мамаша" которого выкупила того не сразу для острастки. Пока Фэмиш ждал освобождения, он "заправлялся" шампанским. Каждый вечер у него бывали гости — "все одни козыри", знающие толк "в добром стакане вина". Все это, разумеется, за счет матери должника. Сейчас в тюрьме помимо Родона шестеро — доктор богословия и пятеро джентльменов. "Миссис Мосс кормит за табльдотом[1] в половине шестого,

1 Табльдот — здесь общий обеденный стол в гостиницах, ресторанах и пансионах.

а после устраиваются разные развлечения — картишки или музыка”. На следующее утро Родону подают для бритья серебряный туалетный прибор. Завтрак сервируют в великолепной посуде. Приносят утреннюю газету. Родон коротает время за чтением газеты, беседой и игрой в карты со своим знакомым, капитаном Уокером. На обед “отличная баранья нога с репой”, Родон выставляет всей компании шампанское. Выкупа герой ждет всего сутки.

■ ■ ■

В знаменитой лондонской тюрьме Флит разрешалось вести дела, принимать гостей, но оплачивать пребывание — “аренду” камер и пропитание — нужно было самим “постояльцам”. Заключенным разрешали проживать не на территории, а поблизости, с семьей, если только они продолжали платить за камеру: долговая тюрьма была и частным коммерческим предприятием, которое должно было приносить прибыль.

Этот дух вольного предпринимательства отражен в “Посмертных записках Пиквикского клуба” (1836–1837) Чарлза Диккенса, главный герой которых мистер Пиквик оказывается в заключении. Он состоятелен и попадает туда “по идейным соображениям”. Суд признал его виновным “в нарушении обязательства жениться” — якобы он поматросил (платонически) и бросил свою квартирную хозяйку. Ее ловкие адвокаты выигрывают дело, не гнушаясь подкупом свидетелей, и Пиквику присуждают выплатить “потерпевшей” 750 фунтов (около 50 тыс. сегодняшних) в качестве компенсации морального вреда. Пиквик отказывается, считая себя полностью невиновным, а дело — сфабрикованным. Не моргнув глазом, он отправляется в тюрьму. Ее можно выбрать на свое усмотрение, и герой предпочитает Флит: в другой “шестьдесят кроватей в каждой камере и дверь на засове шестнадцать часов в сутки”.

По прибытии Пиквик должен “позировать для портрета”, то есть “подвергнуться досмотру различных тюремщиков, чтобы те могли отличать арестантов от посетителей”. В камеру его определят лишь на следующий день, а на ближайшую ночь один из надзирателей может “сдать” ему кровать “в своей каморке”, которая оказывается комнатой с десятью железными кроватями. Пиквик “посредством математических вычислений” прикидывает, что эта “грязная комната” “приносит примерно такой же годовой доход, как улочка в предместьях Лондона”.

По тюрьме можно свободно разгуливать в любое время. Пиквик совершает прогулку по узким и темным галереям, наблюдая жанровые сценки через приоткрытые двери камер. В одной компания рослых молодцов в облаке табачного дыма шумно беседует за недопитыми кружками пива и играет колодой засаленных карт. В другой муж с женой устраивают на полу убогую постель, чтобы уложить самых маленьких из оравы детей.

Постепенно предоставленная Пиквику комната заполняется персонажами, которые раскручивают новичка “проставиться”: на его деньги приносят сигар и “горячего хереса” из столовой, чтобы “прополоскать горло”. Новообретенные знакомые начинают навязывать платежеспособному герою услуги: “Нет ли у вас белья, которое нужно отдать в стирку? Я знаю прекрасную прачку, которая два раза в неделю приходит за моим бельем, и, ей-богу, какая чертовская удача!.. Как раз сегодня она должна зайти. Не уложить ли мне кое-что из этих вещей вместе с моим бельем? Может быть, вам, любезнейший, нужно выколотить платье?”

На следующее утро Пиквику дают “постоянную прописку”. Отыскать камеру помогает слуга, который собирает выставленную за двери оловянную посуду, как в гостинице — остатки завтрака, поданного в номер. Пиквика встречают три

постояльца — спившийся священник, мясник и лошадиный барышник. Камера “омерзительно грязная и нестерпимо затхлая”, спят на грязных тюфяках, всюду валяются остатки хлеба, корки сыра, объедки, мокрые полотенца, рваные платья, изувеченная посуда, сломанные вилки.

Видя смущение Пиквика, сокамерники готовы за небольшую еженедельную плату от нового жильца откупиться, если он, конечно, поставит им галлон пива. Они объясняют: “во Флите деньги играют точь-в-точь такую же роль, как и за его стенами”, за них Пиквик получит “отдельную камеру, меблированную и в полном порядке, через полчаса”. Тюремщик уже поджидает арестанта (“Я знал, что вам понадобится отдельная камера”) и увязывает получение сносной комнаты с прокатом мебели (“Это уж так заведено”). Получив согласие, “арендодатель” принимается за работу с такой энергией, что скоро в ней появляются “ковер, шесть стульев, стол, диван, служивший кроватью, чайник и разные необходимые вещи”.

Пиквик подыскиваете посыльного в город. Это свободный человек, обитающий на “бедной стороне” — в отделении для “самых жалких и несчастных должников”, где заключенные не платят и получают право на скудный тюремный паек: кормежка оплачивается из скромных пожертвований благотворителей. Раньше у заключенных “бедной стороны” были и другие источники доходов: “в стену Флитской тюрьмы была вделана железная клетка, в которой помещался голодный на вид человек и, побрякивая время от времени кружкою с деньгами, заунывно восклицал: «Не забывайте нищих должников, не забывайте нищих должников!»” Унизительную обязанность просить милостыню исполняли по очереди, сбор, если таковой был, делили.

Проведать Пиквика является слуга, который доставляет ему необходимое, и Пиквик “комфортабельно распола-

гается со своими книгами и бумагами", помогает тем, с кем успел познакомиться, кочуя из камеры в камеру: одним заказывает из столовой "половину бараньей ноги, зажаренной вместе с картофелем", больному оплачивает отдельную камеру. В тюрьме можно раздобыть все, даже крепкий алкоголь. Его под угрозой большого штрафа проносить запрещено, но расчетливые тюремщики из корыстных побуждений смотрят сквозь пальцы "на двух-трех арестантов, получающих прибыль от розничной торговли излюбленным напитком — джином", они изо всех сил стараются поймать контрабандистов — "кроме тех, кто им платит".

Диккенс сыплет историями об обитателях Флита. Один будет сидеть "до самой смерти", потому что получил в наследство тысячу фунтов (70 тыс. современных), потратил и не смог вернуть, когда родственники умершего отсудили их назад. Другой сел за долг в девять фунтов и впятеро большие судебные издержки. Отбыв семнадцать лет, он впервые решается попросить у охранника взглянуть "на людные улицы еще разок перед смертью", обещая вернуться "через пять минут по часам". На свободе все непривычно, и герой тут как тут через три минуты и "и вне себя от злости; рассказывает, как его чуть было не раздавила карета... и будь он проклят, если не напишет лорд-мэру". Через пять лет он делает еще одну попытку пожить обычной жизнью и снова не выдерживает стресса. Сначала ему приходит "фантазия пойти отведать пива в новом трактире через улицу", потом он начинает "ходить туда каждый вечер", долгое время всегда появляется за четверть часа до закрытия ворот, но постепенно начинает забывать о времени, возвращаясь все позже. Наконец является, когда охранник поворачивает в дверях ключ, получает предупреждение, что больше не будет выпущен, если не сможет "приходить домой в положенное время", начинает трястись и больше никогда не покидает тюремных стен.

■ ■ ■

Диккенс знал, о чем писал: в лондонскую тюрьму Маршалси угодил его отец, мелкий чиновник, который пытался разбогатеть на махинациях, но прогорел и был арестован за долги. Мать, продав все вещи, вынуждена была освободить съемную квартиру и перебраться к мужу уже через полгода. Чарлз снял мансарду неподалеку, но завтракал и ужинал у своих — в тюрьме. Вскоре отцу удалось освободиться — на погашение долгов пошли небольшое наследство его умершей матери и вспомоществование от брата. Отцу назначили государственную пенсию, ему подвернулась работа, и Чарлз ушел с фабрики ваксы, где работал в тюремные годы, и вновь поступил в школу. Диккенс рассказал о своем полутюремном детстве в автобиографическом романе “Крошка Доррит”, где его судьба воплотилась в сюжетной линии главной героини[1].

Отец Крошки Доррит садится за долги в Маршалси. Он появляется на пороге всего лишь с саквояжем, который не хочет распаковывать, убежденный, как и все, что моментально выберется отсюда. Но дело затягивается, в тюрьму, где он нанимает и меблирует “очень хорошую комнату”, перебираются жена и дети: “…мы решили, что не стоит нам жить врозь, даже этот месяц или два”. Жена беременна, рожает прямо в тюрьме, куда вызывают доктора. Должник привыкает к жизни в неволе: “Саквояж свой он давно уже распаковал; старшие его дети целыми днями играли на дворе, а малютку, родившуюся в тюрьме… все считали до некоторой степени своей”. Когда Крошке Доррит исполняется восемь, умирает ее мать.

Рожденная в тюрьме девочка свободна. Еще будучи маленькой, она начинает понимать, что “не все люди на свете живут взаперти в узких дворах, окруженных высокой стеной

1 А о реальных событиях в жизни Диккенса можно почитать в его биографии Пирсона Хескета (Хескет П. *Диккенс.* М.: Молодая гвардия, 1963).

с железными остриями наверху", подмечает, что "отцовская рука всегда разжималась и выпускала ее ручонку, как только они подходили к воротам... и что отец никогда не делал шага дальше этой границы, которую ее легкие ножки перебегали без всяких помех".

Крошка Доррит посещает вечернюю школу, хватается за любую возможность получить знания. В тюрьму попадает учитель танцев, и она напрашивается на уроки, учение идет успешно благодаря способностям ученицы и тому, что у наставника "сколько угодно свободного времени". Предприимчивая героиня находит среди заключенных швею и уговаривает научить ее шить. Освоив профессию, нанимается на работу белошвейкой в богатый дом. Тщательно скрывает от его обитателей, где живет. Ворота тюрьмы закрываются строго в десять. Крошка Доррит в ситуации Золушки: стоит зазеваться, как карета, кучер и лакеи... словом, белошвейке придется ночевать под открытым небом. К счастью, все и заканчивается, как в сказке — Доррит выходит за сына своей хозяйки.

Да и дела Пиквика разрешаются самым чудесным образом. "Облапошенная невеста" не заплатила своим адвокатам за выигранное дело, и те отправляют ее в долговую тюрьму. Ей светит пожизненное (!). Прибыв в тюрьму, героиня сталкивается со своим несостоявшимся женихом и предлагает ему сделку: она отказывается от всех претензий, если он покроет ее юридические расходы. Освобождение Пиквика празднуют всей тюрьмой, "уговаривая" выставленные им двадцать пять галлонов легкого портера. "Эксцентрического субъекта" ожидает дорожная карета. Слуга сетует, что запряженные в нее лошади не просидели во Флите три с лишним месяца: "Ну уж и помчались бы они теперь!"

“Из всех земных благ есть только одно, достаточно надежное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это… золото”

Глава двенадцатая

Ростовщики, жмоты, транжиры и долговая тюрьма у Бальзака

Гюстав Флобер заметил об Оноре де Бальзаке: “Какая озабоченность деньгами и как мало любви к искусству!” Легко ему, рантье, было рассуждать о деньгах и искусстве. А Бальзак мечтал пойти по стопам Вольтера, который “видел столько нищенствующих литераторов”, что не захотел “приумножить их число”, стал успешен в коммерческих делах и к концу жизни жил как знатный человек.

Три ранних коммерческих предприятия Бальзака (книжное издательство, типография, газета) обанкротились, писатель остался с долгами на 90 тыс. франков (сейчас это было бы около €200 тыс.). Несмотря на это, идеям не было конца: прознав, где якобы пройдет железная дорога Париж — Версаль, он скупает земельные участки, затем его захватывает идея вложиться в серебряные копи на Сардинии…

Да и на себе он не экономил. К роскоши Бальзак прикипел под влиянием финансового партнера и любовницы мадам де Берни, которая была старше его на 22 года. Она будоражила воображение писателя воспоминаниями о дворе маркизы де Помпадур, где ее отец был арфистом, а мать — придворной дамой. Похоже, отсюда такая любовь Бальзака к аристократической элегантности.

Стефан Цвейг в биографии Бальзака сообщает, что в 1836 году сумма долгов писателя дошла до 140 тыс. франков, ему приходилось одалживать на обед у портного и врача, но "неутомимый расточитель" вдобавок к своей знаменитой трости за 600 франков заказал еще одну, с набалдашником из носорожьей кости. А заодно прикупил золотой ножик за 190 франков, кошелечек за 110 и цепочку за 420 франков — аксессуары, которые "приличествуют кокотке".

В одном из писем Бальзак пишет Эвелине Ганской, своей "супруге по любви", что кроме квартиры снял еще мансарду, где проводит дни и ночи в полном уединении. На самом деле мансарда была роскошными апартаментами, на украшение которых отшельник денег не жалел: обстановкой занимался дорогой обойщик, слуга получил "лазоревую, с алым жилетом" новую ливрею, за которую Бальзак остался должен 368 франков.

Оноре де Бальзак не знает, как спрятаться от кредиторов. Он снимает квартиру с потайной лестницей, чтобы скрыться, если судебному исполнителю или докучливому кредитору удастся прорваться через главный вход. Квартира арендована на имя некой вдовы Дюран. Привратнику, пускающему посетителей в дом, нужно сказать: "Начали созревать сливы". Надежному слуге, ожидающему наверху, шепнуть: "Я принес бельгийские кружева". Но увидит Оноре только тот, кто у самых дверей произнесет: "Госпожа Бертран в добром здоровье".

Как отмечает Цвейг, все трюки, о которых Бальзак пишет в романах, — векселя с несколькими передаточными подписями, уловки, чтобы избежать вызова в суд ("сделаться недостижимым для почты") или добиться его отсрочки, другие хитрости — были освоены самим писателем. Он дотошно изучил законы, был изобретателен и отчаянно смел. У издателей, ростовщиков, банкиров — у всех имелись его векселя. Не было ни одного судебного исполнителя в Париже, оставшегося без

поручения описать имущество Бальзака, но ни одному не удалось встретиться с ним, а тем паче добиться денег.

Когда кредиторы стали настаивать на аресте Оноре де Бальзака, какое-то время он скрывался в Италии, но вот вернулся в Париж, и его тут же нашли в доме возлюбленной — графини Висконти. Кредиторы были неумолимы: тюрьма или немедленное погашение задолженности. Не очень богатая графиня покрыла самые неотложные долги. Некоторое время Бальзак крутился сам, потом ему начала помогать овдовевшая Эвелина Ганская. Бальзак пытался увлечь ее то изданием энциклопедии — "какие-то" 100 тыс. франков должны были принести колоссальную прибыль, то импортом древесины из России (имение Ганской, в котором бывал Бальзак, находилось на Волыни — северо-западе современной Украины) — на этом он собирался заработать миллион. Ганская давала писателю "взаймы" огромные суммы. Бальзак женился на ней — в основном ради покрытия долгов.

■ ■ ■

В "Евгении Гранде" (1834) французский жмот хуже нашего Плюшкина: папаша Гранде не дает жене и дочери истратить лишний сантим на самое необходимое, притом что он богач. Когда в гости приезжает его племянник, женщинам приходится тайком покупать кусочек масла — стол, накрытый для завтрака, неприлично скуден. Папаша Гранде устроен гораздо примитивнее, нежели скупой рыцарь Пушкина. Тот, по мнению его сына, тоже служит деньгам, как "алжирский раб, как пес цепной". Живет "в нетопленной конуре, пьет воду, ест сухие корки". Это о таком герое писал Элиас Канетти в своем эссе "Инфляция и масса" (в книге "Масса и власть", 1962): "Не подлежит сомнению, что люди, живущие только ради денег, воспринимают сокровище как замену человеческой массы.

Об этом свидетельствует множество историй об одиноких скупцах: они выступают в роли сказочных драконов, сторожащих сокровище, что составляет единственный смысл и содержание их жизни".

Однако пушкинский барон, задаваясь вопросом "Что не подвластно мне?", сам себе отвечает, что он-то ничему не послушен, а ему послушно все, и он может править миром: стоит ему захотеть, "сбегутся нимфы", "музы принесут дань" и "поработится вольный гений".

У Гранде таких амбиций нет, он просто паталогический жмот и в этом отношении ближе к гоголевскому Плюшкину. Папаша Гранде умирает, его дочь наследует колоссальное состояние. И — ничего не меняется. Она живет почти так же скромно, как раньше, а деньги тратит на благотворительность. Евгении передались способности отца вести дела, так что капитал она уже не растеряет.

Главного героя повести "Гобсек" (1830) полагают образцом скупердяйства. Да, он любит деньги: "Вот поживете с мое, узнаете, что из всех земных благ есть только одно, достаточно надежное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это… золото. В золоте сосредоточены все силы человечества". Однако Гобсек, за исключением его соседа Дервиля, молодого поверенного, — единственный положительный герой повести. Он философ в душе и дает своеобразные уроки должникам согласно своему мировоззрению: в одном пышно декорированном доме спускается по лестнице к выходу, следя грязными подошвами на ковре, устилающем мраморные ступени, и говорит, что любит "пачкать грязными башмаками ковры у богатых людей — не из мелкого самолюбия, а чтобы дать почувствовать когтистую лапу Неотвратимости".

Гобсеку интересна "тайная цена векселя": "Что тут скрывается: глупость, опрометчивость, любовь или сострадание?" Он понимает, что ни один человек, "если у него еще есть хоть

самый малый кредит в банке", не придет в его лавочку — это "изобличает отчаяние, тщетные поиски ссуды у всех банкиров и надвигающийся крах". Он видит у себя "только затравленных оленей, за которыми гонится целая свора заимодавцев".

Жизненный опыт (герою за восемьдесят) сделал его прозорливым. Уходя от графини, не погасившей вексель и заложившей ему бриллиант, Гобсек встречает молодого щеголя и читает на его лице "всю будущность графини": "Этот белокурый красавчик, холодный, бездушный игрок, разорится сам, разорит ее, разорит ее мужа, разорит детей, промотав их наследство, да и в других салонах учинит разгром почище, чем артиллерийская батарея в неприятельских войсках".

Гобсек вершит социальную справедливость, как он ее понимает. К тем, кто в долгах как в шелках по причине мотовства, он не испытывает сострадания и дает им деньги лишь под грабительские проценты: "Я беру за кредит по-разному, самое меньшее — пятьдесят процентов, сто, двести, а когда и пятьсот". А поверенному на выкуп конторы разорившегося патрона Гобсек готов ссудить под 12–15 % годовых при условии, что тот будет вести скромный образ жизни: "Смотрите не роскошествуйте, а то лишитесь моего доверия. Не вздумайте поставить дом на широкую ногу. Наймите старуху-кухарку, вот и вся прислуга". Когда Дервиль вернет ссуду, выяснится, что Гобсек мог обойтись и без довольно высоких процентов, но назначил их из благих побуждений — избавил должника от необходимости выражать признательность. Гобсеку незачем лукавить — его состояние завещано поверенному.

Мужу светской дамы, спустившей свои богатства из-за любовника-игрока, Гобсек помогает сохранить свой капитал и имущество для детей. Это не так просто: если граф умрет первым, все наследует графиня, а она гораздо моложе. Гобсек советует мужу: "Бросьтесь в омут светских удовольствий, играйте для виду в карты, проматывайте деньги да почаще прихо-

дите к Гобсеку. В светских кругах будут называть меня жидом, эфиопом, ростовщиком, грабителем, говорить, что я разоряю вас. Мне наплевать! Ваш покорный слуга прекрасно стреляет из пистолета и владеет шпагой. Это всем известно".

Гобсек предлагает найти надежного человека и путем фиктивной сделки передать ему все имущество. Граф следует совету и выбирает самого Гобсека. Составляется акт передачи и оформляется встречная расписка, согласно которой передача состояния является фиктивной, а Гобсек обязуется вернуть его старшему сыну графа по достижении им совершеннолетия. Волею обстоятельств эта схема приводит к тому, что Гобсек, будь на то его воля, может присвоить все богатства скончавшегося графа. Ростовщик разводит бурную деятельность по управлению имуществом и на старости лет позволяет себе чуть-чуть шикануть: сдал особняк графа в аренду, "лето проводил по-барски в его поместьях, держал себя там хозяином, строил фермы, чинил мельницы и дороги, сажал деревья". Однако, как только наступает оговоренное время, Гобсек отдает наследство законному владельцу. Поверенный и граф — единственные, кто вызывает участие Гобсека, потому что только они доверились ему "безо всяких хитростей". Автору повести ростовщик симпатичен явно больше, чем его "жертвы".

■ ■ ■

Гобсеку наверняка бы понравился рассказ Роберта Шекли "Кое-что задаром" (1954), в котором главный герой обнаруживает машину, исполняющую желания. Он хочет намного больше, чем героиня "Сказки о рыбаке и рыбке", и все желания до поры до времени исполняются. А конец примерно тот же. Оказывается, что желания исполнялись в кредит. Как только герой заказывает бессмертие и это желание исполняется, на-

ступает день платить по счетам. Герой попадает в каменоломни, в которых в течение миллионов лет он должен отработать свои долги. "Трудно только первые тысячу лет", — ободряет его такой же горемыка, попавший сюда много раньше.

Транжирам в повести "Гобсек" удается поправить свои дела. Просто для тотального разорения "праздного класса" еще не наступило время. Им на смену придет госпожа Бовари (одноименный роман 1856 года), которая, заедая депрессию шопоголизмом, промотает все деньги мужа. Жан Поль Сартр в фундаментальном исследовании творчества Гюстава Флобера "Идиот в семье: Г. Флобер от 1821 до 1857" (1971–1972) писал: "В «Госпоже Бовари» мы должны и можем увидеть движение земельной ренты, эволюцию восходящих классов, медленное созревание пролетариата — здесь есть все". Медленное созревание пролетариата — это в том числе и о Берте, дочери мадам Бовари. Ей уже выкрутиться не удалось. Оставшись по вине матери без средств к существованию, девочка, выросшая в образованной и состоятельной семье, идет на прядильную фабрику, где ее ждет рабочий день 13,5–15 часов с тремя получасовыми перерывами на еду.

■ ■ ■

Законодательство Франции о банкротстве времен творческой активности Бальзака (1820–1840-е годы) было либеральнее английского — юрлицу разрешалась "ликвидация". Это похоже на банкротство в его нынешнем виде: компания распродает все свое имущество, выплачивает кредиторам сколько может и выходит из процедуры свободной от долгов. Карман собственников не страдает, ведь на их личное имущество взыскание долгов компании обращено быть не может.

Но даже легальный уход от долгов перед кредиторами еще не считается социально приемлемым, а многим пред-

принимателям этого не позволяет честь. Отец объясняет Евгении Гранде, что оказаться банкротом — "это значит совершить самое позорное из всех деяний", что банкротство — "это кража, которой закон, к сожалению, мирволит", что "разбойник с большой дороги — и тот лучше несостоятельного должника: грабитель на вас нападает, вы можете защищаться, он хоть рискует головой…" Правда, автор оговаривается, что господин Гранде чересчур категоричен, намеренно умалчивает о разнице между банкротством неумышленным и злостным. Но позорным банкротство считает и сам банкрот — его брат Гильом, из-за которого и начался разговор: он совершил тщательно спланированное самоубийство.

Рафаэль из "Шагреневой кожи" (1831) продает свои земли, чтобы спасти от позора отца, состояние которого расстроено. Поверенный Рафаэля, рассуждая с точки зрения закона, считает поступок клиента глупостью, но для героя слезы, которые он увидел на глазах у отца, становятся "прекраснейшим из богатств".

Все тонкости банкротства описаны в повести "История величия и падения Цезаря Бирото" (1837). В этой настольной книге юристов того времени речь идет о выборе между ликвидацией, то есть потерей чести, но спасением остатков личного имущества, и выплатой долга сполна, а значит, нищетой и голодной старостью.

Бирото держит одну из самых знаменитых парфюмерных лавок Парижа. Его "Королева роз" расположена на улице Сент-Оноре, неподалеку от Вандомской площади. Цезарь сам разрабатывает рецепты духов и производит их. Он и его жена, которая стоит за конторкой, трудятся не покладая рук, семья живет скромно, откладывает. Удачный продукт делает Бирото поставщиком королевского двора, а "Двойной крем султанши" и "Жидкий кармин", ставшие хитами продаж, позволяют скопить 100 тыс. франков. Можно уйти на покой, купить

имение — "леса, луга и виноградники" — и небольшую ренту, но вмешиваются обстоятельства.

Цезарь "сражался против Наполеона на ступенях церкви Святого Роха", был ранен, и во время Реставрации, когда к власти пришли роялисты, ему жалуют орден Почетного легиона. Тем более что он поставляет королю пудру, "которую тот благоволит употреблять", и один знает "рецепт пудры покойной королевы". Репутацию уважаемого жителя города среди прочего создала "привычка ни у кого не занимать денег, не прибегать к векселям". Цезаря избирают членом коммерческого суда и помощником мэра. Он входит во вкус и видит впереди политическую карьеру, рассчитывает стать депутатом, "недаром его зовут Цезарь".

Лавочник теперь общается со знатью. Его переполняет гордость за новый статус, он собирается дать бал и пригласить верхушку города, а для этого нужно расширить и отделать квартиру. Модный архитектор обещает "великолепную лестницу с верхним светом" и "красивый парадный подъезд", подрядчик по малярным работам предлагает украсить гостиную позолотой: "Купечество должно блистать. Не давайте аристократам подавлять себя". Нужно еще "раздобыть серебро, хрусталь, посуду, слуг".

Мнимые друзья Цезаря, охотясь за его деньгами, вовлекают его в аферу — спекуляцию земельными участками в Париже. Участки якобы достаются "за четверть той цены, какой они достигнут через три года", партнеры обещают выручить за них миллион, тогда можно будет "с божьей помощью скромно вступить на путь величия". Чтобы оплатить свою долю в деле, 300 тыс. франков, Бирото закладывает землю в провинции и выдает векселя на 140 тыс. Дело, разумеется, лопается — партнеры нечистоплотны. К тому же со всеми деньгами сбегает промотавшийся нотариус Цезаря (в те времена нотариусы брали на себя еще и хранение сбережений клиен-

тов). Оказывается, он успел заложить участки Цезаря и прикарманил и эти деньги тоже. Кроме того, Цезарь набрал товарных кредитов для развития бизнеса — открывает филиал лавки под управлением жениха дочери, сделавшись его компаньоном.

Разорения Цезаря Бирото ждут все. Бал окончен — в прямом и переносном смысле. Начинают поступать счета — от архитектора, подрядчика по малярным работам, обслуживавшей бал кейтеринговой компании, поставщика мороженого, оркестра, игравшего у Бирото всю ночь… Всего на 60 тыс. франков. Цезарю угрожает банкротство по неосмотрительности и арест, поскольку его траты могут признать чрезмерными.

Единственный шанс — учесть векселя жениха дочери, но эта операция крайне невыгодна, сделать это готов только появляющийся в эпизоде Гобсек, и он требует 50%. Это такой же банкир, "как парижский палач — лекарь", он предложит вам "канареек, чучело удава, меха летом и кисею зимой", а чтобы он "принял вексель за одной только вашей подписью, вам придется заложить ему жену и дочь, самого себя — словом, решительно все, вплоть до картонки для шляп, зонтика и калош… вплоть до каминных щипцов, совка для углей и дров из вашего сарая".

Цезарю вот-вот придется просить об отсрочке векселя — это первый шаг к банкротству, потому как "тайна ваших затруднений и вашей неплатежеспособности становится известна всем". Скоро дойдет "до позорного баланса, в котором не останется активов". Управляющий домом требует сделать на векселе пометку "за наем помещения", которая дает преимущественное право на получение долга.

Бирото стоит перед выбором. Можно объявить о закрытии бизнеса. "Ликвидируй дело, раздай все кредиторам и не показывайся больше на бирже", — советуют ему. В этом случае придется "постоянно краснеть перед людьми, которых он ввел в большие убытки, сносить их недоверчивые взгляды

и молчаливые упреки", все будут думать, что Цезарь припрятал денежки, но должник будет свободен от обязательств. Второй вариант — банкротство, что может означать пожизненную, до полного расчета с кредиторами, выплату долгов. Это тяжело, но тебя будут уважать, можно попытаться договориться с кредиторами о сохранении дела, если вся прибыль, "за вычетом скудных сумм на прокорм семьи", пойдет в уплату долга. Из ликвидации так же трудно выйти незапятнанным, как из банкротства — богатым, и крупные коммерсанты к последнему не прибегают. Однако Цезарь Бирото выбирает второй путь.

К торговке, продавшей Цезарю сырье, возвращаются его векселя, которыми она расплатилась. Их предъявляют к взысканию, а передаточная надпись на векселях — ее. Это поручительство. Если нельзя получить деньги с выписавшего вексель, обращаются к поручителю. Торговка выговаривает Бирото, но в ответ слышит совсем не то, что ожидает: "Я полностью уплачу вам со временем, хотя бы мне пришлось для этого уморить себя на работе, стать чернорабочим или носильщиком на рынке". Все члены семьи подыскивают себе работу. Дочь за приличные деньги устраивается в богатую фирму модных новинок. Жена за великодушное жалованье поступает приказчицей к жениху дочери. Сам Цезарь после достижения соглашения с кредиторами зачислен на службу в комиссию погашения госдолга, тоже с хорошим окладом.

Бальзак в деталях, присущих учебнику коммерческого права, рассказывает о процедуре. Суд назначает присяжного попечителя, который должен и "охранять банкрота от притеснений разъяренных заимодавцев", и соблюдать интересы кредиторов, однако в девяти случаях из десяти попечитель держит сторону банкрота. На собраниях кредиторов одинаковое право голоса имеют давшие и 50 франков, и 50 тыс. "Самое заурядное ухищрение" для достижения соглашения состоит в том,

что "должник предлагает части кредиторов, образующей требуемое законом большинство, некую добавочную мзду". Другой распространенный способ мошенничества — создание фиктивных кредиторов: уменьшив, таким образом, долю кредиторов настоящих, "банкрот сколачивает себе средства на будущее и в то же время обеспечивает необходимое для соглашения количество голосов". Кредиторы-хитрецы скупают у простаков векселя банкрота за половину цены при окончательной ликвидации.

Поначалу кредиторы Цезаря Бирото настроены враждебно. Часть выступает за уголовное преследование — основание дает стоимость бала. Управляющий домом даже требует ареста мебели, хотя за квартиру полностью уплачено. Но Бирото выходит из конфликта победителем. С грехом пополам реализованы земельные участки, доля в фирме жениха дочери выкуплена женихом, нашелся покупатель на "Королеву роз" — она ушла "вместе с контрактом на помещение, обстановкой, товарами, патентами, а также арендой на двадцать лет фабрики с оборудованием в собственности", некоторые суммы причитаются Бирото после ликвидации конторы его нотариуса. Кредиторы получают больше половины требуемого.

Вместо мошеннического банкротства Париж увидел банкротство добродетельное, и дело чуть не дошло до оваций на собрании кредиторов, которые, "свалив Цезаря, искренне его теперь жалели. Каждый знал, как достойно держал себя парфюмер, в каком порядке нашли его книги, как честно он вел дела". В лавке Цезаря было все, чем он владел, вплоть до булавки для галстука, золотых пряжек, карманных часов. Жена оставила там скромный ларчик с драгоценностями. "Купечество было глубоко поражено столь трогательной покорностью закону".

Цезарю Бирото снова открывают кредит. Он может не платить по оставшимся долгам — процедура банкротства завершена, но решает рассчитаться сполна. Вся семья работает, по-

степенно накапливаются небольшие деньги, король, видя такое рвение, жертвует 6 тыс. Бирото идет к торговке, и та, пораженная, выдает расписку, отказываясь от денег: “Тетка Маду — горласта, тетка Маду — порох, но в груди у нее кое-что бьется!” Как по волшебству собирается оставшаяся сумма, Цезарь наконец свободен от долгов, дочь его выходит замуж, а зять в качестве сюрприза снимает его старую квартиру. И снова бал — свадьба. Бирото умирает прямо там — сердце не выдерживает. “Вот смерть праведника”, — констатирует затесавшийся среди гостей аббат.

■ ■ ■

Поразительно, насколько финал повести Бальзака перекликается с сюжетом автобиографического романа Джордж Элиот “Мельница на Флоссе” (1860), где речь идет о 1810–1820-х и, конечно, об Англии. В ней объявляет себя банкротом мистер Талливер — отец Мегги, главной героини. Он мельник и не очень сведущ в финансовых делах, да еще и обладает доброй душой: дает взаймы семьи сестры, у которой шестеро детей, и не требует возврата долга. В итоге все вещи семьи Талливер, включая книги-раскраски и постельное белье, уходят с аукциона, родственники выкупают на нем лишь самое необходимое и возвращают семье. По каким-то причинам долговая тюрьма герою не угрожает (почему, из текста не ясно), и, казалось бы, о долгах можно забыть. Но вся семья думает не так. Миссис Талливер “с детства усвоила, что «обидеть людей насчет их денег» — смягченная форма понятия «не вернуть долг» — значит морально пригвоздить себя к позорному столбу”. Для нее аукцион был мукой, а мысль о том, что серебряный чайник с семейной монограммой будет использоваться в каком-нибудь трактире, и люди будут знать, чей он, невыносима.

Мистер Талливер становится наемным управляющим на своей бывшей мельнице, работает за скромную зарплату и откладывает гроши на возврат кредиторам. Его мучит мысль о том, что он может не успеть рассчитаться до самой смерти — слишком мало удается откладывать, даже экономя на всем. Его сын Том, который формально за долги отца не отвечает и не имеет экономических стимулов за него рассчитываться, тоже ищет возможность "снять позор банкротства с плеч отца". Тому удается заработать недостающую сумму, и наступает день расплаты с кредиторами. Старший Талливер умирает тем же вечером. Как будто что-то держало его на земле, пока долги не были выплачены.

Герой романа Шарлотты Бронте "Шерли" фабрикант — владелец ткацкой фабрики Роберт Мур (1849), действие которого происходит в начале XIX века, — банкрот. Он просит любящую его девушку "забыть о недостойном, у которого единственная цель в жизни — склеить свое разбитое состояние и очистить свое имя от позорного пятна банкротства". При этом романе есть все приметы того, что банкротство, если оно состоится, будет частным. Дело происходит в 1811–1812 годах, то есть во время Наполеоновских войн в Европе — рынки сбыта мертвы. А в Англии орудуют луддиты, которые дважды вывели из строя оборудование фабрики. Их поймали, судили и отправили на каторжные работы в Австралию, но кто-то из сочувствовавших им еще и стрелял в предпринимателя, тяжело его ранив, и тот выбыл из жизни на пару месяцев. К концу романа отношение Мура к банкротству меняется. Он говорит: "Раньше я думал, что банкротство — это позор. Теперь не так!" И даже собирается спасти остатки состояния и уехать в Штаты, где все начать с чистого листа. То есть раздумывает о том, как "кинуть" кредиторов, ведь все его имущество должно уйти с молотка для покрытия долгов. Однако завершается история благополучно: война заканчивается, сукна

распродаются “в один день”, и Мур, нашедший еще и свое личное счастье, никуда не эмигрирует.

Отношение к банкротам постепенно меняется. Законодательство о банкротстве превращается из инструмента наказания должника в инструмент возврата денег кредиторам, а затем и инструмент реабилитации должника. Соответственно, и слово “банкротство” перестает иметь оттенок “неприемлемое поведение” и становится простой констатацией финансового статуса. Это, конечно, хорошо, но только из литературы исчезают герои типа Бирото, Рафаэля или Талливера, которые считали себя обязанными погасить семейные долги любой ценой. Не вернуть деньги сегодня — не позорно. Отчасти это, наверное, связано с тем, что кредитор становится все более обезличенным: если раньше это были родственники, деловые партнеры или на худой конец ростовщики, то теперь это банк — огромный финансовый институт, который как-нибудь переживет.

А пока, в эпоху Бальзака, банкротство все еще позор. Рафаэль, литературный предок Дориана Грея, промотав немалые деньги и растратив исполняющую желания шагрень, наказан автором смертью в молодом возрасте, на пороге счастья с любимой женой. Бальзак уходит в мир иной вскоре после свадьбы с Эвелиной Ганской. “Вечный банкрот” признает в своем завещании долг перед ней в 130 тыс. франков, но, по оценкам биографов, это лишь треть взятого взаймы. Ганская по доброй воле принимает наследство писателя, то есть обязательство погасить долги, объясняя, что теперь она Эвелина де Бальзак. Почти все ее оставшееся состояние уходит кредиторам, однако обнищавшая чужестранка Парижу больше не интересна.

“Занятое либо
проиграно,
проезжено,
прожито,
проедено,
пропито, про…
или раздарено,
потеряно
в огне или
воде”

Глава тринадцатая

Гибель “дворянских гнезд” в русской литературе XIX века

“Каждую неделю два раза вся Российская империя извещается[1], что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про… или раздарено, потеряно в огне или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг или под взыскание”. Имение пойдет с молотка, а вместе с ним и приписанные крестьяне. Это старик лет в 75. “С отцом господина своего он был в Крымском походе, при фельдмаршале Минихе; в Франкфуртскую баталию он раненого своего господина унес на плечах из строю. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностию своей жизни спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги в бытность свою в гвардии унтер-офицером”. Это старуха 80 лет, “жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имела надзирание за домом…” Одни созидают, а другие лишь проигрывают и прожи-

1 Газеты “Санкт-Петербургские ведомости” и “Московские ведомости” — других тогда в России не было — выходили дважды в неделю.

вают то, что создано другими. Зачастую крепостные — лучшие люди, чем их хозяева? По всей видимости, так думал Александр Радищев, всю свою жизнь ратовавший за отмену крепостного права, в том числе в этом небольшом фрагменте “Путешествия из Петербурга в Москву” (1790).

Второй пример из екатерининских времен находим в “Портрете” Гоголя. Некий князь Р. влюбляется в петербургскую красавицу — “чудное слиянье нашей северной красоты с красотой полудня, бриллиант, какой попадается на свете редко”. Невеста богата, умна и душевна. Князь Р. — “благороднейший, лучший из всех молодых людей, прекраснейший и лицом, и рыцарскими, великодушными порывами, высокий идеал романов и женщин”. Князь влюблен “страстно и безумно”, такая же пламенная любовь ему ответ. Но он не ровня невесте: “родовые вотчины князя уже давно ему не принадлежали, фамилия была в опале, и плохое положенье дел его было известно всем”. И девушку за него не отдают. Выход находится! “Вдруг князь оставляет на время столицу, будто бы с тем, чтобы поправить свои дела, и спустя непродолжительное время является окруженный пышностью и блеском неимоверным. Блистательные балы и праздники делают его известным двору. Отец красавицы становится благосклонным, и в городе разыгрывается интереснейшая свадьба. Откуда произошла такая перемена и неслыханное богатство жениха, этого не мог наверно изъяснить никто; но поговаривали стороною, что он вошел в какие-то условия с непостижимым ростовщиком и сделал у него заем”. Нетрудно догадаться, что будет потом.

■ ■ ■

В “Войне и мире” (1865–1869) Льва Толстого половина героев-дворян — на грани банкротства. Расстроены дела графской семьи Ростовых, княжеского рода Курагиных, лишен состоя-

ния Долохов, бедствуют княгиня Анна Михайловна Друбецкая и ее сын Борис... Почти все живут не по средствам. Никакого желания строже контролировать управление имениями. Ни малейшего намека на то, чтобы сократить долги, ужав потребление.

Думать о деньгах — на грани постыдного: Анна Михайловна плачет, оттого что ей приходится заниматься таким низким предметом — деньгами. Князь Василий Курагин лишь сетует, что Анатоль обходится ему в 40 тыс. в год, но не урезает его расходы. Пьер Безухов, чей годовой доход — 500 тыс. руб., не знает, как расходятся 100 тыс. из них, и почти каждый год вынужден занимать. Когда граф Ростов перезакладывает имения, посылают за свежей земляникой и ананасами, сын Николушка тут же заводит собственного рысака, самые модные сапоги и рейтузы, "каких ни у кого нет в Москве", и с легкостью проигрывает 40 тыс. за одну ночь ("с кем не случалось").

Сам Илья Андреевич Ростов в своем Отрадном принимает "почти всю губернию, с охотами, с театрами, с обедами и музыкантами". Сколько у него долгов, не знает. Как-то раз Николай по просьбе матери пытается проверить вороватого управляющего, но не может разобраться в книгах и не вступается более ни в какие дела, а "со страстным увлечением" занимается псовой охотой, "которая в больших размерах была заведена у старого графа".

Свои проблемы дворяне пытаются решать через брачные союзы строго в своем кругу. Ростовы рассчитывают выдать дочь Наташу за обладающего состоянием князя Андрея Болконского, а когда их свадьба расстраивается — женить сына Николая на княжне Марье, к которой до того сватался Анатоль, сын князя Василия Курагина. Дочь Елену князь Василий отдает за состоятельного Пьера Болконского. Борис Друбецкой решает свою проблему женитьбой на некрасивой, но богатой Жюли Карагиной. О межклассовых мезальянсах и речи

нет и не может быть, и не только по идейным соображениям. На весь роман один неродовитый герой при деньгах — это купец Ферапонтов, который нажил "дом, постоялый двор и лавку в губернии" с подачи управляющего Болконских.

Какой разительный контраст с "Ярмаркой тщеславия" Теккерея, где действие происходит в то же время. В этом романе два героя благородного происхождения женятся по любви на девушках более низкого происхождения: Родон Кроули, потенциальный наследник огромного состояния своей бездетной тетушки мисс Кроули, тайно женится на гувернантке Бекки Шарп, а Джордж Осборн, тоже без согласия семьи, берет в жены Эмилию Седли, дочь банкрота, погоревшего на биржевых спекуляциях, хотя банкротство в те времена было связано с потерей репутации всей семьи[1]. В обоих случаях родственники отворачиваются от бунтовщиков, нарушивших принятые на "ярмарке тщеславия" нормы, но поступки героев вызывают сочувственное отношение и среди их друзей, и у автора книги.

Первый герой русской литературы, который женился на женщине более низкого социального статуса, — это дворянин Обломов из одноименного романа (1859). Он сочетается браком с бедной вдовой чиновника Агафьей Матвеевной Пшеницыной, пренебрегая дворянкой Ольгой Ильинской. Если Осборн и Кроули *поднимаются* до женитьбы на девушках без приданного (а в случае Осборна — на дочери банкрота), то Илья Ильич Обломов *опускается* до брака с Пшеницыной. Обломова трудно назвать положительным героем, мораль романа скорее лежит в плоскости "вот до чего доводит лень". В тургеневских "Отцах и детях" (1862) автор и окружающие скорее поддерживают женитьбу Николая Петровича Кирсанова на дочери экономки Фенечки, но у той от Кирсанова ребенок. И это прогрессивно для своего времени, у Тур-

1 Отец Бекки тоже банкротился, и не однажды.

генева в этом романе в принципе герои прогрессивные! Мезальянсы описываются в русской литературе через 40–50 лет после Тургенева, и я думаю, что это отражает и развитие экономики, и соответствующую ей социальную структуру общества. В 1810-е годы в России не было массового среднего класса, а разрыв в статусе между дворянином и домашней прислугой был больше, чем в Англии, поскольку русская прислуга рекрутировалась из крепостных.

■ ■ ■

В "Вешних водах" (1873) Тургенева русский дворянин летом 1840 года приезжает во Франкфурт, где знакомится с дочерью владелицы кондитерской. Влюбившись, желает жениться, а меркантильная семейка тут же начинает тянуть из него инвестиции в модернизацию заведения. Вложениями делу не поможешь (кондитерская итальянская, и если раньше она не испытывала конкуренции, то теперь в город "понаехало" итальянцев, и там много новых подобных заведений), но герой молод, глуп и готов распрощаться со своим единственным имением. На свое счастье или беду, он встречает в городе сокурсника, а тот сводит его со своею женой — богатой купчихой, которая готова купить поместье без due diligence[1] и рассчитаться прямо в Германии. Меньше чем по 500 руб. (ассигнациями) за душу ему жалко отдавать. Имение продается срочно, по случаю и без пересчета крестьян, то есть заведомо со скидкой. Наверное, в спокойной обстановке можно было бы выручить не меньше 600 руб. за душу.

Во времена крепостного права имения торговались в пересчете на одного крестьянина: крепостные — это рабы,

1 На профессиональном языке финансистов, юристов и аудиторов — комплексная проверка компании, осуществляемая перед покупкой ее целиком или приобретением пакета ее акций.

а рабы — это основные средства, самые что ни на есть материальные активы, числящиеся на балансе, как какое-нибудь оборудование. До представления о трудовом коллективе как о человеческом капитале и нематериальных активах компании еще далеко.

Историкам известно почти все о стоимости крепостных. Мы же попробуем обойтись художественной литературой. Отличная статистика — в гоголевских "Мертвых душах" (1842). Действие книги происходит в 1830-х годах. Чичиков, скупая мертвые души, предлагает Коробочке 15 руб. (ассигнациями) за "осьмнадцать человек", с Собакевичем сходится на двух рублях с полтиной, а Плюшкина уламывает на 25 копеек за душу.

Для простоты предположим, что в среднем он мог бы их купить по рублю. Этот аферист догадался использовать приобретенные души в качестве залога и получить кредит, кредит не возвращать, а залог оставить кредитной организации. Рассчитывает на 200 руб. за душу, то есть подразумевает двухсоткратную отдачу на инвестиции. Если залоговая цена души 200 руб., а залоговая цена — половина, максимум 75 % рыночной стоимости актива, то средняя рыночная цена живой души — рублей триста. Коробочка упоминает, что молодых девок за 100 руб. отдавала, но мужики, разумеется, дороже. Впрочем, Коробочка могла и приврать.

Имение, состоящее из крепостных, земельных угодий, скота, хозяйственных построек, барского дома, примитивной техники и оборотного капитала типа посевного фонда, стоит, как мы прикинули, около 600 руб. ассигнациями из расчета за душу. Получается, что крестьяне — это около половины цены имения, а земля по стоимости на втором месте. Прикидка, конечно, грубая, но имеет право на существование. (Интересно, как пропорции зависели от качества земли: чернозем дороже, но в Черноземье и труд производительнее.)

■ ■ ■

Итак, крепостные — основной актив помещичьего хозяйства. Это в какой-то мере объясняет, почему ситуация с долгами помещиков начинает резко ухудшаться после освобождения крепостных крестьян. За них помещики получили от государства выкуп в размере 902 млн руб. (для сравнения: весь бюджет Российской империи на 1862 год составлял 311 млн руб.). На момент реформы 1861 года в России насчитывалось около 9 млн частновладельческих крестьян, таким образом, один крестьянин был оценен примерно в 100 руб. Но это другие рубли, серебряные. Согласно денежной реформе 1839 года, рубль серебром приравнивался к 3,5 руб. ассигнациями. Таким образом, в ассигнациях крепостного оценили в 350 руб., что примерно совпадает с нашей прикидкой.

Для самих крестьян освобождение было не бесплатным — они были должны осуществлять выкупные платежи государству, которое платило помещикам за крестьян, а крестьянам давало рассрочку. Выкуп финансировался за счет иностранных займов и податей и лег непомерным бременем на бюджет страны, обескровленной Крымской войной. На руки помещики получили около двух третей: из выкупных денег 316 млн было зачтено в уплату помещичьих долгов банкам.

Компенсация выдавалась не деньгами, а так называемыми выкупными свидетельствами, которые помещались государством на имя помещика в банк. На "свидетельства Государственного банка на непрерывный доход по выкупу" начислялось 5 % годовых. В течение 15 лет свидетельства должны были обменять на пятипроцентные банковские билеты, погашение которых планировалось завершить в течение 49 лет. Выкупные свидетельства были достаточно ликвидны, можно было не только жить на проценты, но и продать бумаги на рынке. Однако продажа была сопряжена с существенными издержками: пер-

вые пять лет после реформы рыночная цена свидетельств была ниже 70 % номинала и достигла 95 % лишь в 1882 году.

"Благородное сословие не было приучено мыслить экономическими категориями и расценило выкупную сумму как материальную компенсацию за нанесенный ему моральный урон, а не как стартовый капитал… Дворянство не стало вкладывать полученные деньги в обустройство России, а предпочло расточительно потребить их за ее пределами", — пишет российский историк Семен Экштут в книге "Россия перед Голгофой" (2010). Если в 1840-е, как подмечает Гоголь в "Мертвых душах", "заклад в казну был… еще дело новое, на которое решались не без страха", то после реформы практика получения кредита под залог земли получила более широкое распространение. Ставка по кредиту составляла 5 % годовых.

Многие дворянские семьи, которые получили крупные суммы, стали их "проживать" — жить на широкую ногу в Москве или Петербурге или путешествовать по миру. Герой сатирической хроники Николая Лескова "Смех и горе" (1871) на старости лет постоянно живет за границей и, по его собственному выражению, "проедает" там свои выкупные свидетельства.

■ ■ ■

Иван Захарыч Черносошный, герой романа Петра Боборыкина "Василий Теркин" (1892), заложил оба свои имения и уехал с любовницей за рубеж. "Целых полгода они там путались, в рулетку играли" и занимались шопингом — у любовницы "по три дюжины… всего нижнего белья и обуви, и все шелковое, с кружевами; какого цвета рубашка, такого и чулки, и юбка… смотрит настоящей французской кокоткой". "В Москву ездят чуть не каждый месяц, и непременно в «Славянском базаре» отделение берут. В уездном городишке умудря-

ются проживать на одно хозяйство больше пятисот рублей в месяц". Теперь Черносошный не может выхлопотать отсрочку уплаты процентов. Пытается занять у предводителя дворянства, а тот сам просит взаймы тысячу. Помещики плачутся, что "несут крест".

Поместье Черносошного покупает Василий Теркин — нижегородский купец простого роду, из крепостной семьи. Тридцатилетний Теркин возвращается в родные края в ранге представителя, "главного воротилы" и акционера крупной компании. Он покупает и "лесную дачу" (лесной участок) состоятельного в прошлом помещика Низовьева, который беспробудно кутит в Париже и спускает все нажитое поколениями имущество: его парижская любовница, графиня, стоит два миллиона франков, и на нее уйдут еще не проданные десятки тысяч десятин лесных угодий по Волге, Унже, Ветлуге, Каме.

В романе Боборыкина "Китай-город" (1882) дворянско-купеческая Москва 1870-х годов — город бума. Дворяне разоряются, но работать не хотят. Обанкротившийся отставной генерал Долгушин, оказавшийся совсем в нищете, вынужден пойти акцизным надзирателем на табачную фабрику. К тем, кто деньгами не сорит, отношение настороженное. Экономическая власть постепенно переходит от помещиков к купцам и предпринимателям. Дети последних "проживают в Ницце, в Париже, в Трувилле, кутят с наследными принцами, прикармливают разных упраздненных князьков. Жены их все выписывают не иначе как от Ворта[1]. А дома, обстановка, картины, целые музеи, виллы... Шопен и Шуман, Чайковский и Рубинштейн — все это их обыкновенное menu". Балы, как у Ростовых, теперь задают купцы: "Дошло до того, что они не только выписывают из Петербурга хоры музыкантов на один вечер", но и "блестящих офицеров, гвардейцев, кавалеристов, чуть

1 Один из первых кутюрье, родоначальник высокой моды.

не целыми эскадронами, на мазурку и котильон", а "те едут и пляшут, пьют шампанское, льющееся в буфетах с десяти до шести часов утра".

Предприимчивый, но бедный дворянин Палтусов потерял репутацию на коммерческой афере, и ему теперь не жениться на богатой дворянке. А на купчихе — можно. Социальный разрыв между дворянами и купцами еще столь велик, что выйти за него соглашается Анна Серафимовна — дама видная, красивая, трудолюбивая, образованная по меркам своего круга, с состоянием, "крупный характер".

В пьесе Островского "Дикарка" (1880) в свое поместье возвращается из-за границы Александр Львович Ашметьев. Когда его просят выступить перед съездом сельских хозяев — рассказать об иностранном опыте увеличения доходности имений, отнекивается: "Я человек дореформенный, я учился за границей только изящно проживать деньги". А вскоре он почти даром отдает рощу. Правда, покупатель, некто Мальков, тоже помещик. Он сбивает цену, не брезгуя никакой глупостью: "Молодые-то леса красивей старых… Во-первых, потому что все молодое лучше старого, а во-вторых, в молодых лесах большой прирост, много процентов приростом дают, а старые уже не растут". Ашметьев называет эти рассуждения "новым взглядом на ландшафт", но Мальков хочет приобрести рощу как коммерческое предприятие, а не для любования: "Ландшафты-то хороши, да убыточны… Доходные-то имения прочней. А ландшафтами-то любуются, любуются, вдруг глядь — и укцион. А с укциону-то купит купец…"

В комедии "Бешеные деньги" (1870) Островский выводит московских дворян, которым разорения уже не избежать. Надежда Антоновна Чебоксарова полагает, что "состояние можно только получить по наследству, да еще при большом счастье выиграть в карты". Дочь ее Лидия денег не считает: "Я никогда не знала, что значит дорого, что дешево, я всегда считала

все это жалким, мещанским, копеечным расчетом... Я помню один раз, когда я ехала из магазина, мне пришла мысль: не дорого ли я заплатила за платье! Мне так стало стыдно за себя, что я вся покраснела и не знала, куда спрятать лицо; а между тем я была одна в карете". В город приезжает молодой провинциальный купец Васильков. У него за душой "три лесные дачи при имении, что может составить тысяч пятьдесят", с которыми в Москве можно иметь на сто тысяч кредита. Васильков выкупает имение Чебоксаровых на залоговом аукционе, женится на Лидии, покрывает долги семьи, при этом спасенное от нищеты семейство обращается со своим благодетелем неуважительно — у того манер нет.

Пренебрежительное отношение дворянства к купцам типично для того времени. Другой герой "Бешеных денег", "неслужащий дворянин лет сорока" Иван Телятев, полностью разорен: "должен тысяч до трехсот", у него все отобрано кредиторами, единственная собственность — халат, но он не боится голодной смерти, потому как полагает, что дворяне и без копейки будут иметь и почет, и кредит: "Долго еще каждый купчик будет за счастье считать, что мы ужинаем и пьем шампанское на его счет". Этому придет конец скорее, чем рассчитывает Телятев. Например, в чеховском "Вишневом саде" (1904), действие которого происходит не позднее 1903 года, купец Лопахин, выкупивший на аукционе имение Раневской, на ее дочери уже не женится, хотя имеет все шансы.

В первой половине XIX века дворяне решали экономические проблемы браком строго в своем кругу, во второй — разорившаяся дворянская семья могла породниться с богатой купеческой, а в начале XX века таким родством купец готов уже и пренебречь. Предприниматель — главная фигура наступавшего капитализма, и в дополнительных подпорках для утверждения своего социального статуса в виде знатной жены уже не так нуждается.

■ ■ ■

Очень интересный вопрос: есть ли в русской литературе образ помещика или помещицы, дела у которого идут хорошо, особенно после отмены крепостного права? До отмены — да. Я бы отнесла к ним персонажей "Мертвых душ", например Коробочку или Плюшкина. Хоть Гоголь и не пишет об этом, подозреваю, что дела у этих персонажей, у которых зимой снега не выпросишь, шли хорошо. Но трудно себе представить, чтобы они выжили при настоящей рыночной экономике: одной скаредности маловато будет.

Если говорить о достойных героях, то я бы выделила Анну Сергеевну Одинцову, пожалуй, любимую мою героиню в русской литературе XIX века. Она не только дала отпор хаму Базарову, но у нее еще и имение в порядке. Между тем сосед ее Николай Петрович Кирсанов, очевидно, управляет имением плохо: по приезде Базаров замечает, что "место неказисто". Нужно учесть еще, что Одинцовой всего-то 29 лет. Но действие "Отцов и детей" тоже происходит до крестьянской реформы: Тургенев писал роман в 1860–1861 годах, да и в самом тексте множество примет крепостного права.

Обнаружить героев-дворян, которые научились выживать в постреформенных реалиях, в самых известных романах того времени не удастся. Я, например, нашла таких только в "Кащеевой цепи", автобиографическом романе Михаила Пришвина, написанном уже после революции.

Мать главного героя романа Мария Ивановна (прототипом которой была мать самого Пришвина) удивляется, почему "у нас в романах описываются разные униженные и оскорбленные, а не победители". Сама она "победитель" — поместье было заложено, но ей удалось избавиться от долгов и осуществить реструктуризацию. Мария Ивановна "продаст дубовый лес на своем хуторе и разделит деньги между сыновьями, этого

им хватит кончить курс и устроиться. Деньги эти она отдаст сыновьям в уплату своего долга по отцовскому имению, которое она, таким образом, у них покупает, хутор она отдаст [дочери] Лидии в приданое, имение сдаст в аренду мужикам, себе же оставит самую середочку, двадцать пять десятин. Этим решением она сразу всего достигает: у Лидии остается неприкосновенное приданое, сыновья получают самостоятельность и заботятся о себе сами, мужики будут платить аренду в банк, а на двадцати пяти десятинах скромно она может существовать, и хозяйство такое маленькое, что она спокойно поведет его..."

Мария Ивановна и кредит крестьянам дает только под залог, что гарантирует возврат долга: "Вот у нас в эту зиму мужики страшно голодали, я раздавала им деньги и муку, но под залог: у меня вся зала была завалена полушубками и всяким хламом. Теперь они все выкупили, отработали. А... пошли бы они на работу, если бы я не брала полушубки?"

Пришвин, однако, помнит, что не все помещики были таковы, как мать. Ему вспоминается нерадивый барин, который все потерял. Главный герой рассказывает, как год назад сосед Александр Дмитрич лег в сарае на сеновал отдыхать. И тут стучится мужик. "Ты что?" — "Должок принес". — "Ну, воткни в бревнушко тут, направо от тебя, в щелку, а я посплю и возьму". Через год приходит тот же мужик и опять просит денег. "«Рад бы, — говорит Александр Дмитрич, — да у самого только двугривенный. И потом же ты все равно мне не отдашь, прошлый год я дал тебе, а ты не отдал и еще просишь». «Как не отдал? — изумился мужик. — Да вы же сами мне велели в щелку сунуть: "Посплю, — сказали, — и возьму"». «А и правда, — вспомнил Александр Дмитрич, — неужели же ты туда сунул?» «Перед Истинным...» — «Не божись... коли там, возьми». Пошли посмотрели: там".

“Закон — что конь: куда надо — туда и вороти его”

Глава четырнадцатая

Коррупция в русской литературе XIX века

Как проституция считается древнейшей профессией, так с древних времен известно и о коррупции:

Как шутить еще он может, словно горем не убит?
Он сквозь слезы Автандилу о подарке говорит:
"Тот ходатая обидит, кто его не одарит,
Ибо сказано: «Пред взяткой даже ад не устоит»".

Это говорит о царе визирь в эпической поэме Шота Руставели "Витязь в тигровой шкуре" (1180, перевод Пантелеймона Петренко).

Если пред взяткой даже ад не устоит, чего говорить о простых смертных. "— Вот, жена, — говорил мужской голос, — как добиваются в чины, а что мне прибыли, что я служу беспорочно… По указам велено за добропорядочную службу награждать. Но царь жалует, а псарь не жалует. Так-то наш г. казначей; уже другой раз по его представлению меня отсылают в уголовную палату [отдают под суд]. <…>
— …Знаешь ли, за что он тебя не любит? За то, что ты промен [плата, взимавшаяся при обмене денег] берешь со всех, а с ним не делишься.

Подслушавший этот разговор герой радищевского “Путешествия из Петербурга в Москву”, написанного в 1780-х годах, поутру узнает, что в одной избе с ним ночевал присяжный с женою.

Героиня произведения, датированного 1813 годом, пребывавшая в курятнике судьей, “выслана за взятки”, мчит оттуда во весь опор, но пытается доказать встретившемуся на дороге сурку, что “терпит напраслину”. Сурок верит неохотно, ибо “видывал частенько”, что рыльце у лисы в пушку. Крылов в “Лисе и сурке” формулирует “мораль сей басни” так:

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
<… >
А смотришь, помаленьку,
То домик выстроит, то купит деревеньку.

А вот история из 1820-х, обнародованная в 1841-м.

Хилое имение его батюшки отнял богатый сосед-самодур. Без всяких на то юридических оснований, но суд берет взятки и решает в пользу сильного и богатого. Отец умирает с горя. Сын, лишенный состояния, подается в разбойники. Грабит и убивает людей. Сколько было убито, Пушкин не сообщает, говорит только, что, когда банду Дубровского окружили 150 солдат, разбойники стали отстреливаться и победили. Коррупция порождает целую цепочку горестей.

Лев Лурье в книге “Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка” (2011) констатирует, что взятки в николаевской России брали повсеместно, а казнокрадство вошло в привычку: “Главноуправляющий путями сообщения граф Клейнмихель украл деньги, предназначавшиеся на заказ мебели для сгоревшего Зимнего дворца. Директор канцелярии Комитета о раненых Политковский на глазах и при участии высших сановников

прокутил все деньги своего комитета. Мелкие сенатские чиновники сплошь строили себе в столице каменные дома и за взятку были готовы и оправдать убийцу, и упечь на каторгу невинного. Но чемпионами в коррупции являлись интенданты, отвечавшие за снабжение армии продовольствием и обмундированием. В результате за 25 первых лет царствования Николая I от болезней умерло 40% солдат русской армии — более миллиона человек (при этом военное министерство беззастенчиво врало императору, что улучшило довольствие солдат в девять раз)”.

■ ■ ■

В гоголевском “Ревизоре” (1836) воруют и берут взятки все чиновники. Городничий “пилит” бюджет: “...если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую год назад была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. <...> А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась”. А кроме того, он возложил дань на купцов. “Такого городничего никогда еще... не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. <...> Что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего этого мало — ... Придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне» <...> А в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят. <...> Не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что... сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается; нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины” — сетуют купцы Хлестакову.

Версия городничего состоит в том, что купцы мошенничают, потому “откат” справедлив: на подряде с казною “на-

дувают" ее на сто тысяч, поставляя гнилое сукно, а потом жертвуют двадцать аршин. "Оправданием" взяточничества городничему служит также "недостаточность состояния" ("казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар") и скромный размер мзды ("Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья".)

Все чиновники и купцы небольшого городка, куда заявился Хлестаков, несут ему взятки под видом денег взаймы. Первым успевает городничий: "Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул". В итоге собирается внушительная сумма: "Это от судьи триста; это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... Какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот... Ого! За тысячу перевалило..." Уже после этого подсчета городничий дает еще, а его дочь его жалует персидский ковер, чтобы герою было удобнее ехать дальше. Старательно пытаются увернуться от взяток лишь помещики Бобчинский и Добчинский, у них на двоих нашлось "взаймы" всего 65 руб. Может, потому что их не в чем было обвинить?

Проходит 33 года, и в русской литературе возникает образ честного городничего. Это Алексашка Рыжов, квартальный уездного города Солигалича Костромской губернии — герой рассказа Лескова "Однодум" из цикла "Праведники". "Казенного жалованья по этой четвертой в государстве должности полагалось всего десять рублей ассигнациями в месяц, то есть около двух рублей восьмидесяти пяти копеек по нынешнему счету". (Речь идет о старых временах — Рыжов родился еще при Екатерине II.) Квартальническое место, хоть и не очень высокое, "было, однако, довольно выгодно, если только человек, его занимающий, хорошо умел стащить с каждого воза полено дров, пару бураков или кочан капусты". Но квартальный ведет себя по местным меркам странно и числится "поврежденным".

В его задачи входит "блюсти вес верный и меру полную и утрясенную" на базаре, где его мать торговала пирогами, но мать он посадил не на лучшее место и отверг приношения "капустных баб", пришедших на поклон. Не является с поздравлениями к именитым горожанам — потому что ему не на что обмундироваться, хотя у прежнего квартального видели "и мундир с воротом, и ретузы, и сапоги с кисточкой". Мать похоронил скромно, даже молитву не заказал. Не принял подарков ни от городничихи — два мешка картофеля, ни от протопопицы — две манишки собственного рукоделия. Начальство пытается его женить, потому что "из женатого... хоть веревку вей, он все стерпит, потому что он птенцов заведет, да и бабу пожалеет". Алексашка женится, но не меняется: когда жена взяла у откупщика соли на кадку груздей, жену побил, а грузди отдал откупщику.

Однажды в город жалует новый губернатор и расспрашивает местных чиновников о Рыжове, который теперь "и.о. городничего": умерен ли насчет взяток? Городской голова сообщает, что живет тот только на жалованье. По мнению губернатора, "такого человека во всей России нет". Во время встречи с Рыжовым тот не лакействует перед губернатором, даже дерзит. На замечание, что у него "очень странные поступки", отвечает: "всякому то кажется странно, что самому не свойственно", признается, что не уважает власти, потому что они "ленивы, алчны и пред престолом криводушны", сообщает, что не боится ареста: "В остроге сытей едят", вдобавок предлагает губернатору самому научиться жить на 10 руб. в месяц. Губернатору это импонирует, и он не только не наказывает Рыжова, но и совершает невозможное: его стараниями Рыжову присваивается "дарующий дворянство владимирский крест — первый владимирский крест, пожалованный квартальному".

■ ■ ■

Радикальная борьба с коррупцией на уровне законов в Российской империи началась в поздний период царствования Николая I с введением в 1845 году "Уложения о наказаниях уголовных и исправительных". Получение вознаграждения за действие без нарушений "обязанности службы" считалось мздоимством, с нарушениями — лихоимством, которого выделяли три вида: незаконные поборы под видом государственных податей, взятки с просителей и вымогательство, последнее считалось наиболее тяжким. Взятку нельзя было брать ни через родственников, ни через знакомых. Преступлением было даже выраженное согласие принять взятку до самого факта передачи. Взяткой могли признать получение выгоды в завуалированной форме — в виде карточного проигрыша или покупки товара по заниженной цене. Чиновники не могли заключать никакие сделки с лицами, бравшими подряды от того ведомства, где они служат.

Наказание за мздоимство было относительно мягким: денежное взыскание с отстранением от должности или без. Вымогателя же могли отправить в острог на срок от пяти до шести лет, лишить всех "особенных прав и преимуществ", то есть почетных титулов, дворянства, чинов, знаков отличия, права поступать на службу, записываться в гильдии и пр. При наличии отягчающих обстоятельств вымогателю грозила каторга от шести до восьми лет и лишение всех прав и состояния. Законодательство требовало, чтобы при назначении наказания лихоимцу не принимались во внимание чины и прежние заслуги.

Толку от "Уложения" было немного. Так, согласно данным, приводимым Лурье, в 1840–1850-х годах на подкуп губернских чиновников откупщики — выигравшие конкурс на монопольную торговлю водкой в кабаках по всей губернии — тратили

в среднем в год до 20 тыс. руб., тогда как годовое жалованье губернатора тогда составляло от 3 до 6 тыс. руб. В маленьком городе поставляли в виде взяток до 800 ведер водки городничему, частным приставам и квартальным надзирателям.

Мы имеем и литературные свидетельства того, что с изданием Уложения практически ничего не поменялось. В романе Писемского "Люди сороковых годов" (1869) со взяточничеством сталкивается главный герой Павел Вихров — молодой помещик, сосланный служить "в одну из губерний" за свои вольнодумные сочинения. Он обнаруживает, что коррупцией пронизаны все взаимоотношения подданных с государством. Его первое дело — поймать с поличным и усмирить раскольников-поповцев. Едет в отдаленную деревню он в компании "стряпчего государственных имуществ". Вихров был бы рад не найти следов того, что поповцы молились не по православному обряду, ибо считает преследование по принципу вероисповедания неправильным, но у него есть свидетель. Тот, однако, тоже не прочь составить бумагу об отсутствии нарушений: он содрал с главного "совратителя" крестьян в раскол 10 руб. золотом для себя и столько же для Вихрова, но, поскольку тот взяток не берет, оставил их себе.

Следующее дело — "об убийстве крестьянином Ермолаевым жены своей" — секретарь уездного суда называет делом "о скоропостижно умершей жене крестьянина Ермолаева", ведь доказательств убийства нет. Эксгумация тела Вихровым показывает, что у "умершей" проломлены череп и грудь, наполовину оторвано одно ухо, повреждены легкие и сердце. Исправник же, который вел следствие, признаков насильственной смерти не заметил: Ермолаева откупил за 1 тыс. руб. богатый мужик, за которого убийца взялся отслужить в армии. Когда Вихров едет еще по одному делу, крестьяне собирают ему на взятку 100 руб. Вихров не только их не берет, но и требует расписку в том, что не взял. Она

ему пригодится, ведь честный человек неудобен, и его попытаются выставить взяточником. По контексту понятно, что эти события происходят в 1848 году, то есть после принятия Уложения.

Почти документальное свидетельство того, что у всех категорий взяточников неофициальные доходы сильно перекрывали официальные, — статья Лескова "Несколько слов о полицейских врачах в России" (1860), в которой он уверяет, что официальный годовой доход врача — 200 руб., но "таинственная рука, питающая городовых и уездных врачей, есть взятка", и "ни торговле, ни промышленности, по штату, не положено процветать". В городе с 75 тыс. жителей у двух городовых врачей семь статей постоянных доходов: "1) 4 житных базара по 40 рундуков, по 3 руб. с рундука, — "всего 480 руб. серебра. 2) 6 кондитерских, по 50 руб. с каждой, — 300 руб. 3) 40 булочных, по 10 руб. с каждой, — 400 руб. 4) Две ярмарки огулом 2000 руб. 5) 300 лавок и магазинов со съестными припасами и виноградными винами, по 10 руб... — 3000 руб. серебром. 6) 60 мясных лавок, по 25 руб. с каждой, — 1500 руб. и 7)... общий доход со всех женщин, обративших непотребство в ремесло... около 5000 руб. серебром в год. Таким образом, весь текущий годовой побор будет равняться 12 680 руб. серебром... а за отчислением 20 процентов в пользу влиятельных лиц медицинской и гражданской части... составит чистого дохода 9510 руб., то есть по 4255 руб. на брата. Эти доходы достаются только за невмешательство... все экстренные взятки... тоже составляют значительную цифру... Такие доходы суть: акты осмотров, составляющие чувствительную статью в стране, где много праздников, проводимых в пьянстве и драках, судебно-медицинские вскрытия, привоз несвежих и подозрительных продуктов, перегон скота и, наконец, рекрутские наборы, когда таковые случаются на слезы человечества и на радость городовых и уездных врачей..."

■ ■ ■

В повести Лескова “Смех и горе” (1871) действие происходит в 1860-х годах: главный герой живет на выкупные свидетельства — процентные бумаги, выпущенные в ходе реформы 1861-го. У героя находят запрещенный текст: “Думы” Рылеева, — и ему угрожает арест. Его навязчивый знакомый берется от этого отмазать: “...не хочешь ли, я тебе достану свидетельство, что ты во второй половине беременности? <...> С моего брата на перевязочном пункте в Крыму сорок рублей взяли, чтобы контузию ему на полную пенсию приписать, когда его и комар не кусал... Возьмись за самое легкое, за так называемое «казначейское средство»: притворись сумасшедшим, напусти на себя маленькую меланхолию, говори вздор... Согласен? <...> И сто рублей дать тоже согласен?” Герой готов и на триста, но столько нельзя: это “испортит” цены в Петербурге, где за триста “на родной матери перевенчают и в том тебе документ дадут”.

В результате герой попадает в родную провинцию, где включается в земскую жизнь. Один из проектов — построить в каждом селе школу. Дело благородное, но строить хотят за счет мужиков и их руками, а неволить их теперь нельзя, сами же мужики пользы учения не понимают. Дело идет туго. Однако оказывается, что есть в губернии один администратор, у которого все в порядке. Он — “честный и неподкупный человек”, “школами взятки брал”. “Жалуется общество на помещика или соседей”, а он, прежде чем вникать в дело, просит школу построить и тогда приходить. Взяточничество воспринимается как норма, мужики покорно “дают взятку”, и у него “буквально весь участок обстроен школами”.

В реальной жизни под расследования попадало 5–6 % чиновников, однако до обвинений дело доходило весьма редко, а высшие чины и под следствием оказывались в единичных

случаях. Видимо, над этим иронизирует Салтыков-Щедрин в сатирических очерках “Помпадуры и помпадурши”, написанных в 1863–1873 годах: “Известно, что в конце пятидесятых годов воздвигнуто было на взяточников очень сильное гонение. С понятием о «взяточничестве» сопрягалось тогда представление о какой-то язве, которая якобы разъедает русское чиновничество и служит немалой помехой в деле народного преуспеяния. Казалось, что ежели уничтожить взятку… то вдруг потекут реки млека и меда, а к ним на придачу водворится и правда”. Результат “гонений”, однако, был обратным: общество “от копеечной взятки прямо переходит к тысячной, десятитысячной”, границы взятки “получили совсем другие очертания”, она “окончательно умерла, и на ее место народился «куш»”. По мнению Салтыкова-Щедрина, коррупционер удобен властям: “ради возможности стянуть лишнюю копеечку” взяточник “готов ужиться с какою угодно внутренней политикой, уверовать в какого угодно Бога”.

■ ■ ■

Согласно Лурье, во второй половине XIX века, когда в России начинают активно прокладывать железные дороги, именно получение концессий на железнодорожное строительство становится самым взяткоемким: “Каждый подрядчик имел тайного или явного высокопоставленного акционера, лоббирующего в Зимнем дворце интересы своего «наперсника». Для братьев Башмаковых — это министр внутренних дел граф Валуев и брат императрицы герцог Гессенский, для Дервиза и Мекка — министр двора граф Адлерберг, для Ефимовича — фаворитка государя княжна Долгорукая. И хотя формально на конкурсах оценивали предлагаемую стоимость версты железнодорожного пути, проработанность проекта, опытность инженера и подрядчиков, фактически шел конкурс влиятельных покровителей”.

Мздоимствовать не гнушаются самые высокопоставленные вельможи. К шефу жандармов графу Шувалову обращается великий князь Николай Николаевич — старший с просьбой направить дело так, чтобы на слушаниях в Кабинете министров некая железнодорожная концессия досталась определенному лицу. На вопрос Шувалова, почему его высочеству охота касаться подобных дел, великий князь отвечает: "...если комитет выскажется в пользу моих proteges, то я получу 200 тысяч рублей; можно ли пренебрегать такой суммой, когда мне хоть в петлю лезть от долгов".

Судя по повести Гарина-Михайловского "Инженеры" (1906), действие которой происходит во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, и через полвека интенданты оставались коррупционерами. Для главного героя повести инженера-путейца Карташева, который работает на строительстве железной дороги в Бендерах, "самым неприятным... были сношения с интендантством". Его дядя поясняет, что интендантов нужно "кормить и поить, сколько захотят", и давать им "откаты": "за каждую подводу, за соответственное количество дней они тебе будут выдавать квитанцию, причем в их пользу они удерживают с каждой подводы по два рубля". "Будет у тебя квитанция, скажем, на десять тысяч рублей, ты и распишешься, что получил десять, а получишь восемь". Ведь если "дают цену хорошую, отделить два рубля можно, а не отделишь — все дело погибнет".

Другие взяточники тоже никуда не делись: один инженер на его глазах дает взятку полиции, поясняя Карташеву: "Сказал, что будем строить дорогу, что полиция будет получать от нас, что ему будем платить по двадцать пять рублей в месяц, а за особые происшествия отдельно..." Полицейскому этого мало: "А когда будете брать справочные цены, это как будет считаться — особо?" Пришлось разочаровывать его: "...справочные цены только у военных инженеров да в водяном и шоссейном департаментах".

■ ■ ■

Использовалась коррупция и для рейдерства. О схемах захвата бизнеса середины XIX века с использованием "административного ресурса" рассказывает роман Мамина-Сибиряка "Приваловские миллионы" (1883). Богатый уральский золотопромышленник, владелец Шатровских заводов Александр Привалов после смерти жены ударился в загул и женился на "примадонне" цыганского хора, которая вскоре оказалась ему неверна и, будучи разоблаченной, убила мужа. Сыну Привалова Сергею, главному герою, в это время исполнилось всего восемь. Цыганка вышла замуж за любовника, который сделался опекуном над малолетними наследниками. За пять лет он "спустил последние капиталы, которые оставались после Привалова" и "чуть было не пустил все заводы с молотка". Но за молодых наследников энергично заступается друг семьи и честный промышленник Бахарев, и опекун "вынужден ограничиться закладом в банк несуществующего металла". "Сначала закладывалась черная болванка, затем первый передел из нее и, наконец, окончательно выделанное сортовое железо". Эта ловкая комбинация дала целый миллион, но в скором времени история раскрылась, организатор аферы попал под суд.

Долги опекуна-афериста переводятся на наследство опекаемых, а заводы переходят под госопеку. Бизнес прибылен, но управляющий-жулик "в один год нахлопал на заводы новый миллионный долг". Когда совершеннолетний Сергей Привалов начинает разбираться с состоянием заводов, эти два долга с процентами составляют уже около четырех миллионов. Первое и важнейшее условие успешного рейдерского захвата обеспечено — актив обложен долгами.

Какое-то время заводами управляет Бахарев, и они начинают приносить до 400 тыс. годового дохода, а потом все идет по-старому: у руля Половодов — управленец, думаю-

щий лишь о собственном кармане. По его отчету "дивиденда" всего 70 тыс., да и эти цифры завышены. Из них нужно исключить 20 тыс. за продажу металла, оставшегося после Бахарева, 15 тыс. земского налога, которых Половодов и не думал вносить. Итого остается всего 35 тыс. руб. Далее: Половодову в качестве поверенного причитается 5 % с чистого дохода, это составит 3,5 тыс., а он забрал все 10 тыс. руб.

Составляется докладная записка губернатору, авторы которой "не пожалели красок для описания подвигов Половодова". Губернатор поначалу круто поворачивает дело, и Половодова отстраняют. Появляется надежда привлечь его к уголовной ответственности за мошенничество, но победа длится недолго: вскоре Половодов снова восстановлен в своих полномочиях, а губернатор принимает Привалова довольно сухо: "какая-то искусная канцелярская рука успела уже «поставить дело» по-своему". Стоит героических усилий еще раз убедить губернатора в необходимости принять меры для ограждения интересов наследников заводов. "Двухнедельные хлопоты по всевозможным канцелярским мытарствам" приводят к новому отстранению Половодова от его должности, но он успевает вынуть из заводов большую сумму: "У него в кармане голеньких триста тысяч..."

Ситуация с выплатой долгов отягчается, но все было бы поправимо, управляй Шатровскими заводами сам хозяин, ведь ему нет смысла красть у себя. До этого, однако, не допускают. Поскольку заводы по-прежнему формально находятся под госопекой, то государство единоличным решением выставляет их на конкурс и продает в счет покрытия долга. Купила их "какая-то компания", "заводы пошли по цене казенного долга, а наследникам отступных, кажется, тысяч сорок..." "Компания приобрела заводы с рассрочкой платежа на тридцать семь лет, то есть немного больше, чем даром. Кажется, вся эта компания — подставное лицо, служащее прикрытием ловкой чиновничьей аферы".

■ ■ ■

Между тем в правление Александра II (1855–1881) антикоррупционная политика была ужесточена. Начали публиковать данные о состоянии имущества государственных чиновников, причем в него включалось имущество, записанное на жену. Запрет занимать государственные должности распространялся и на детей чиновников-дворян, если они были уличены в коррупции. При Александре III (1881–1894) были введены новые запреты для чиновников, соответствовавшие духу времени: на участие в правлениях частных акционерных обществ, на получение самим чиновником комиссии при размещении государственного займа и пр. Борьба с коррупцией продолжалась…

“Он считал недопустимым красть лишь в том случае, если подобный акт стяжания или наживы так и назывался — кражей”

Глава пятнадцатая

Биография крупного американского дельца в романе “Финансист” Теодора Драйзера

Одной из разновидностей экономического романа являются беллетризованные биографии крупных дельцов, и здесь мастера жанра — американские писатели Теодор Драйзер и Эптон Синклер. О Синклере речь пойдет ниже, а что касается Драйзера, то он оставил нам “Трилогию желания” — романы “Финансист”, “Титан” и “Стоик”, посвященные филадельфийско-чикагско-лондонскому олигарху XIX века Чарлзу Тайсону Йерксу (Charles Tyson Yerkes). Первая книга рассказывает о филадельфийском периоде жизни Йеркса, вторая — о чикагском, третья — соответственно о лондонском.

Впервые “Финансист” был опубликован в 1912 году, “Титан” вышел спустя несколько лет, а вот “Стоик” не был завершен: в 1945 году, будучи при смерти, автор работал над последней главой.

Фигура Йеркса крайне неоднозначна. Неслучайно его недавняя документальная биография называется “Барон-разбойник”[1]. Он родился в 1837 году в Филадельфии. По окон-

1 Franch J. *Robber Baron: The Life of Charles Tyson Yerkes.* Chicago: University of Illinois Press, 2006. (Баронами-разбойниками в США XIX века называли владельцев крупных состояний, добывших их не совсем честным путем, зачастую за счет монополизации рынка. Баронами-разбойниками, в частности, считаются Корнелиус Вандербильт и Джон Рокфеллер.)

чании школы работал в брокерской конторе, а в 22 года открыл свою. Через семь лет начал размещать государственные и муниципальные облигации. Через Йеркса пристраивал муниципальные средства казначей города — некий Джозеф Мерсер. Йеркс же муниципальными деньгами рисковал, вкладывал в спекулятивные бумаги и проекты.

Погорел он на случайности — Великом чикагском пожаре (8–10 октября 1871 года), который вызвал банкротства страховых компаний и финансовую панику не только в Чикаго. Финансового воротилу обвинили в воровстве и приговорили к 33 месяцам тюрьмы, а он, чтобы избежать наказания, стал шантажировать влиятельных политиков Филадельфии. Кое-какой компромат просочился, и возникли опасения, что это повлияет на результаты президентских выборов. В результате Йеркса выпустили через семь месяцев при условии, что он возьмет свои слова обратно. За 10 лет Йерксу удалось восстановить состояние.

В 1881 году он развелся с женой, женился на молоденькой и подался в Чикаго, где открыл брокерскую контору, торгующую и акциями, и зерном. Параллельно скупал акции конных трамвайных линий города, чтобы получить над ними контроль. В 1899 году Йеркс продал свои акции чикагских конок и перебрался в Нью-Йорк, а оттуда — в Лондон, где собирался заняться инвестициями в строительство метро. Он консолидировал ряд разрозненных наземных линий и даже отбил атаку Джей Пи Моргана, который тоже заинтересовался лондонской подземкой. Умер Йеркс в 1905 году. После смерти выяснилось, что прижизненные оценки его состояния были крайне завышенными. Его оценивали в 22 млн долларов, а оказалось, что с учетом долгов его состояние не превышало и миллиона.

■ ■ ■

Йеркс выведен Драйзером в трилогии под именем Фрэнка Каупервуда. Пожалуй, единственный момент, где Драйзер допускает отход от реальной биографии, связан с обстоятельствами выхода героя из тюрьмы. Каупервуд ведет себя несколько приличнее, чем Йеркс: находясь в тюрьме, никого не шантажирует. Что касается хронологии, то юные годы Каупервуда приходятся на период до гражданской войны в США, а основное действие охватывает несколько лет до и пару лет после пожара в Чикаго, следовательно, приходится на 1860–1870-е годы.

Роман "Финансист", наверное, один из самых нашпигованных экономикой из всех широко известных произведений. Там есть биржевая паника, даже два эпизода — на одной Каупервуд прогорает, а на другой вновь обогащается. Есть махинации с целью манипуляции ценами акций. Есть тюрьма — правда, не долговая, а обычная. Мы об этом здесь говорить не будем. Панику мы видели у Золя и еще увидим у Эптона Синклера, у последнего речь пойдет и о манипуляциях ценами акций. На примере же Драйзера мы обсудим еще одну важную тему: коррупция в государственных и муниципальных органах власти и ее роль в сколачивании крупных состояний.

Арсенал средств обогащения классический: передача подрядов дружественным компаниям и монополизация ими рынка на законных основаниях, размещение средств городской казны в банках на льготных условиях, предпочтительный выкуп облигаций у "дружественных" городу инвесторов.

С подрядами все очень просто и легально. Никаких конкурсных закупок не существовало. Да и антимонопольного законодательства тоже. Эдвард Батлер, один из самых богатых людей в городе, стал делать состояние на вывозе мусора, а потом диверсифицировался и в другие подряды — строитель-

ство веток метро и т. п. Батлер начал с того, что бесплатно сгребал и убирал с улиц города отбросы, которые шли на корм его свиньям и скоту.

Вдруг обнаружилось, что есть частники, готовые платить за эти услуги. А затем член муниципалитета и приятель Батлера помогает назначить его официальным подрядчиком по уборке мусора. "Муниципалитет может выделить для этой цели ежегодные ассигнования. Батлеру будет дана возможность нанять несколько дюжин мусорных фургонов. Более того, никаких других мусорщиков в городе не останется. Сейчас они, конечно, существуют, но официальный договор между Батлером и муниципалитетом положит конец всякой конкуренции".

Но есть условия: "Частью прибыли от этого весьма выгодного дела придется поступиться, чтобы ублажить и успокоить тех, кого обошли подрядом. Во время выборов надо будет ссужать деньгами некоторые организации и отдельных лиц, но это не беда, речь идет о небольших суммах". Вскоре Батлер стал зарабатывать от четырех до пяти тысяч в год, тогда как раньше с трудом набегало две. Он переехал в хороший дом в хорошем районе, отправил детей в школу, а его жена перестала работать — раньше она варила мыло на продажу и выращивала свиней.

Муниципальные закупки ведутся через фирмы под контролем высокопоставленных чиновников, цель которых — "при помощи подставных лиц из политического и коммерческого мира потихоньку, без скандала, выкачать все, что можно, из городской казны". Для этого председатель городского совета, мэр, судьи "организовали ряд фирм под самыми разнообразными фиктивными названиями, торговавших всем, что могло понадобиться для городского хозяйства, — досками, камнем, железом, сталью, цементом и прочее, и прочее, — разумеется, с огромной выгодой для тех, кто скрывался за этими

вымышленными названиями. Это избавляло город от заботы искать честных и добросовестных поставщиков".

Эти компании торговали мясом, строительными материалами, фонарными столбами, щебнем, то есть всем, что могло потребоваться городскому хозяйству. При этом сама компания, получившая подряд, обычно ничего не делала, а закупала все необходимое у реальных производителей, оставляя себе долю прибыли. "Владелец бойни или литейного завода не смел и мечтать о том, чтобы самому добиться подряда".

С размещением вкладов схема тоже проще простого. Все чиновники города и штата размещали городские или государственные средства у уполномоченных банкиров или маклеров.

Банки не платили процентов по этим вкладам никому, кроме представителей казначейства. По секретным указаниям этих лиц они ссужали казенными деньгами биржевиков, а те помещали их в "верные" бумаги. В шайку, проворачивавшую эти делишки, входили "мэр города, несколько членов муниципалитета, казначей, начальник полиции, уполномоченный по общественным работам и другие чиновники". Их девиз был "рука руку моет".

Но этого мало, поэтому возникают все более сложные финансовые инструменты и схемы, например, размещение муниципальных облигаций. Оно и понятно.

Во-первых, при таком ведении дел денег не будет хватать никогда, а, во-вторых, эти схемы тоже сулят немалый барыш их организаторам. Финансы штата Пенсильвания и его столицы Филадельфии были в весьма плачевном состоянии. "И тот, и другой были достаточно богаты, но поскольку казну обирали все, кому не лень, и любыми способами, то всякие новые начинания в штате требовали выпуска новых облигаций". Облигации были шестипроцентными. Когда приходил срок погашения, облигации не выкупали, а просто начинали начислять проценты на проценты. Лишь "добрые знакомые" казна-

чея могли погасить облигации по номиналу, для этого казначей публиковал объявление о выкупе с указанием конкретных номеров выкупаемых бумаг. Все остальные должны были довольствоваться продажей облигаций на рынке за 90 % от номинала или вовсе получением под залог кредита в банке в размере 70 % рыночной стоимости (или 63 % номинальной).

Драйзер поясняет, что облигации выпускались не с целью размещения среди инвесторов, а ими оплачивалась работа подрядчиков и поставщиков муниципалитета[1]. И при такой схеме расчета с поставщиками проигрывали мелкие торговцы, которые в случае острой нужды в наличных вынуждены были продавать эти облигации за 90 % от номинала. Между тем крупные подрядчики могли дождаться, когда город наконец рассчитается по обязательствам, а при абсолютной надежности бумаг шесть процентов были отличной ставкой[2]. Банки тоже "загребали жирный куш", скупая обязательства по 90 %. Они располагали значительными связями для того, чтобы включить выкупленные ими бумаги в список бумаг, подлежащих оплате[3].

Вскоре бумаги начинают размещать не в силу необходимости, а потому, что выгоден сам процесс, — хвост начинает крутить собакой. Возможно, поначалу в казначействе действи-

1 Насколько нам известно, облигации для поставщиков как финансовый инструмент возник во время железнодорожной лихорадки Англии в 1830–1840-е годы.

2 Это номинальная ставка. В описываемый в книге период высокая инфляция была только 1861–1863 годах (11, 23 и 27 % в 1861, 1862 и 1863 годах соответственно), так как это были годы Гражданской войны, и ее исход был еще неясен. Несмотря на то что война закончилась только в 1865 году, с 1864-го в США наблюдалась дефляция. К 1880 году доллар совокупно укрепился на 38 %. Это дефляция, равная примерно 3 % в год. Таким образом, реальная процентная ставка с 1864 года составляла бы все 9 % годовых. Однако из текста романа понятно, что схема возникла в военное время. ("За время войны общая сумма непогашенных городских обязательств с выплатой шести процентов годовых выросла до двух с лишним миллионов долларов, и дело стало принимать скандальный оборот".) Для военного времени ставку нельзя считать высокой, ведь она отрицательная в реальном выражении.

3 То есть 10 % можно было заработать в очень короткий срок.

тельно не было наличных средств для выплаты. "Однако впоследствии выпуск этих обязательств уже ничем не оправдывался, ибо городское хозяйство могло бы вестись экономнее. Но к тому времени эти обязательства... уже сделались источником больших барышей для владельцев маклерских контор, банкиров и крупных спекулянтов, и посему выпуск их неизменно предусматривался финансовой политикой города".

Когда недовольство схемой накапливается, муниципалитет, чтобы выпустить пар, решается на реструктуризацию своих обязательств. Для выкупа просроченных обязательств он выпускает заем на 2 млн долларов в виде процентных сертификатов по 100 долларов, подлежащих выкупу через 6, 12 и 18 месяцев. Однако и эти сертификаты их владельцы вынуждены были продавать "кому следует" по 90% от номинала из-за плохой кредитоспособности города. "Отчасти так оно и было. Война только что кончилась. Деньги были в цене".

Фрэнк Каупервуд решает как раз "присоседиться" к выпуску муниципальных облигаций. Он разрабатывает следующий план. Во-первых, городской казначей Стинер размещает городские средства в конторе Каупервуда. Во-вторых, он открывает Каупервуду кредитную линию с правом получения средств в виде сертификатов городского займа — для начала на 200 тыс. долларов. Каупервуд размещает данные сертификаты на рынке по возможной цене и предпринимает все усилия, чтобы довести рыночную цену сертификатов до номинала. Затем "городской казначей немедленно обратится в комитет фондовой биржи с ходатайством о включении их в список котируемых бумаг, Каупервуд же употребит все свое влияние, чтобы ускорить рассмотрение этого ходатайства". После того как соответствующее разрешение будет получено, сертификаты городского займа будут реализованы. Каупервуд будет скупать их в больших количествах, чтобы довести цену до номинала. Затем снова пустит в продажу. "Законом, предписы-

вающим продажу сертификатов только по номиналу, придется в известной мере пренебречь".

Каупервуд старается отблагодарить казначея Стинера не прямой взяткой, а через создание схемы, на который казначей может озолотиться, ничего не вкладывая. Каупервуд "с удовольствием откроет Стинеру кредит на любую сумму". Стинер сможет скупать бумаги в ожидании их роста. При этом торговать можно будет с плечом 9:1. Кроме того, Каупервуд может выбрасывать сертификаты на биржу в большом количестве, когда Стинер надумает покупать, и тем самым окажет давление на биржу. Казначей, разумеется, соглашается на этот план. Ничье одобрение не требуется.

Вскоре "сложная политико-финансовая машина заработала с целью осуществления их замыслов". 200 тыс. долларов в шестипроцентных сертификатах, подлежащих погашению за 10 лет, были записаны по книгам городского самоуправления на счет банкирской конторы "Каупервуд и К°". Каупервуд начал рамещать заем небольшими партиями по цене около 90 долларов. Курс сертификатов постепенно повышался, и наконец они поднялись до 100 долларов, а весь выпуск — на сумму 200 тыс. долларов. 200 сертификатов Стинера принесли ему 2 тыс. долларов барыша. Мук совести Стинер не испытывал, ему "грезилась счастливая будущность".

Стинер создает Каупервуду, с которым он в доле, самые выгодные условия. В частности, местная биржа позволяла Каупервуду не подытоживать все сделки к концу каждого рабочего дня, как это требовалось от других участников торгов, он отчитывался только по первым числам каждого месяца, и иногда это давало ему 30 дней отсрочки.

"Поскольку размер займа был очень значителен, то значительны были и суммы, находившиеся в распоряжении Каупервуда, а трансферты и балансовые сводки к концу месяца оставались простой формальностью. Фрэнк имел полную воз-

можность пользоваться сертификатами городского займа для спекулятивных целей, депонировать их как собственные в любом банке в обеспечение ссуд и таким образом получать под них наличными до семидесяти процентов их номинальной стоимости, что он и проделывал без зазрения совести. Добытые таким путем деньги, в которых он отчитывался лишь в конце месяца, Каупервуд мог употреблять на другие биржевые операции, кроме того, они давали ему возможность занимать все новые суммы. Ресурсы его расширились теперь безгранично, — пределом им служили только время да его собственные энергия и находчивость". В результате Стинер, получив одобрение у мэра города, дает ему право распоряжаться всем займом в два миллиона.

Финансовые операции Каупервуда строятся на использовании долга в больших масштабах. И он догадывается создать пирамидальную схему, когда покупаются активы, закладываются в банке, на кредитные средства покупаются другие активы, опять закладываются и т. д. Схема очень популярна у нас в России и сейчас. Именно так, как правило, создаются крупные промышленные группы. "В голове Каупервуда уже зародилась теория «бесконечной цепи», или «приемлемой формулы», как это было названо впоследствии, заключавшейся в следующем: скупив то или иное имущество с большой рассрочкой платежа, выпустить акции или облигации на сумму, достаточную не только для того, чтобы рассчитаться с продавцом, но и для того, чтобы вознаградить себя за труды, не говоря уже о приобретении таким путем избытка средств, которые можно будет вложить в другие подобные же предприятия, затем, базируясь на них, выпустить новые акции, и так далее до бесконечности!"

По этой схеме и с использованием денег городской казны начинается скупка привлекательных инвестиционных активов в городе, в первую очередь — конных трамвайных линий. Стинер открыл Каупервуду кредит в городской кассе под 2 % годо-

вых. На эти деньги предприниматель должен был перекупить у Северной Пенсильванской компании линию конки, проходившую по Фронт-стрит, которая не приносила высокого дохода и стоила недорого из-за ее небольшого протяжения — полторы мили, — и короткого срока разрешения на эксплуатацию. В качестве вознаграждение за проворачивание этого дела Каупервуд мог оставить себе 20 % акций конки.

Планом было предусмотрено, что взятые из городской казны деньги пойдут на продление разрешения на эксплуатацию и продолжение линии, затем осуществляется дополнительная эмиссия акций, которые закладываются в одном из своих банков. Через некоторое время город получает обратно занятый у него капитал, а Стинер и Каупервуд начинают класть в карман приносимую линией прибыль. "Каупервуд никогда не упускал своей выгоды. А к этому времени у него выработалась особая деловая мораль, мораль финансиста. Он считал недопустимым красть лишь в том случае, если подобный акт стяжания или наживы так и назывался кражей".

■ ■ ■

В итоге Каупервуд оперирует примерно полумиллионом казенных денег и умудряется скупить контрольный пакет на свое имя. Однако, поскольку его активы были заложены и перезаложены, то биржевой паники он не перенес. Скорее всего, имеется в виду биржевая паника 1873 года, вызванная экономической депрессией в Европе[1]. В США ее основной причиной стала слишком бурная спекуляция железнодорожными акциями после окончания Гражданской войны. Каупервуда спасли бы живые деньги — 300 тыс. из городской казны в дополнение к уже используемым 500 тыс. Но Стинер ему помочь

1 В этот период финансовые рынки уже были глобальными.

не может. Другие городские воротилы узнают про то, какие первоклассные активы Каупервуд и Стинер аккумулировали для себя, не взяв их в долю. Им выгоднее свалить Каупервуда и Стинера, чтобы по дешевке завладеть их бумагами. Они запрещают Стинеру давать очередной кредит Каупервуду под благовидным предлогом, чтобы купировать убытки казны.

Каупервуд при всех своих проказах до последнего дня был юридически чист, но в критический момент он поскальзывается на банановой кожуре. Когда еще оставалась надежда избежать банкротства, он скупает на рынке городские сертификаты на 60 тыс., получает за них деньги в казне, а сами сертификаты там не депонирует — он их закладывает в частном банке и выручает еще денег. Это трактуют как финансовое преступление, и его засаживают в тюрьму. Стинера тоже — не потому, что воровал, а потому, что не делился.

Кульминация финансовой аферы совершенно неожиданная. Когда Драйзер в начале романа говорит о том, что чиновники пытались украсть весь бюджет, это не воспринимается дословно. Оказывается, весь буквально. Каупервуд официально объявлен банкротом, и все его имущество арестовано. На покрытие его долгов городу нужно 500 тыс. долларов, но устанавливают расчет исходя из 30 центов за доллар. Но и после этого городу ничего не достается: "...путем различных махинаций у него оттягали права на получение этой суммы. Город якобы опоздал с предъявлением претензий. Это, конечно, послужило к выгоде других кредиторов, поделивших между собой сумму, в которой было отказано городскому казначейству".

■ ■ ■

А теперь немного о личном. В подростковом возрасте я читала Драйзера, в частности его романы "Сестра Керри", "Дженни Герхард" и "Американская трагедия" — запоем. Не могла ото-

рваться, слезы душили. Сейчас же к художественным достоинствам “Финансиста” отнеслась более чем спокойно. Некоторые западные критики называют эту книгу одним из лучших американских исторических романов. Не могу с этим согласиться. Как писатель Драйзер в подметки не годится ни Лондону, ни Дос Пассосу, ни Синклеру Льюису, не говоря уже о Стейнбеке и Фолкнере. Язык суховатый, характеры простенькие, действие развивается вяло, интрига не цепляет, многословие утомляет — очень много повторов. Я уже давным-давно поняла, в чем Каупервуда обвинили, а Драйзер в двадцать пятый раз это объясняет, и так длинно!.. Перевод его романа, с точки зрения финансистов, ужасен. Если кто-то готов наступить на горло своему эстетическому чувству, то может прочитать произведение ради экономической “начинки”, а если не готов, то можно оставить счастливый пробел в образовании.

Как обмануть миноритарных акционеров и вызвать мощный финансовый кризис

Глава шестнадцатая

Инструкции Эптона Синклера в романе “Дельцы”

Эптон Синклер из тех американских писателей, которых активно переводили на русский при советской власти по причине его теоретического и практического сочувствия рабочему движению: он не только сопереживал социалистам и обличал индустриальное рабство, но и дал денег на строительство коммуны. Синклер считается писателем, принадлежавшим к движению “разгребателей грязи” (Muckrakers), целью которого было предание гласности махинации крупных корпораций и биржевых дельцов, а также выведение на чистую воду коррумпированных чиновников.

Синклер любил писать о крупных американских воротилах начала века, сколотивших состояние на угле, тушенке, стали или автомобилях. Роман “Автомобильный король” — о Генри Форде, в главе про “Конвейер” нашей книги мы цитируем самый известный его роман “Джунгли”, рассказывающий о воротилах мясного рынка. Ну а в “Дельцах” (по-английски The Money Changers, более точный перевод — “Менялы”, 1908) прототипом одного из главных героев является Джей Пи (Джон Пирпонт) Морган — крупнейший финансист рубежа XX века. Действие в романе разворачивается перед и во время паники на Уолл-стрит в 1907 году.

Практически в любой книге по финансовой истории США можно прочитать о том, как благодаря решительным действиями семидесятилетнего Джей Пи Моргана, к тому времени почти отошедшего от дел, удалось усмирить банковскую панику осени 1907 года. Морган поддерживал рынок практически всем своим состоянием, обращался к вкладчикам с воззваниями о том, что он не даст банковской панике разрастись. Ему поверили, и все успокоилось.

А чтобы банковский кризис не повторился, в 1913 году создали Федеральную резервную систему (ФРС) и ввели страхование банковских вкладов. Сочли, что второго Моргана может в следующий раз и не найтись, а если даже и нашелся бы, то нехорошо ставить всю финансовую систему в зависимость от одного человека. С тех пор в США набегов на банки не наблюдалось.

Роман Эптона Синклера "Дельцы" дает повод усомниться в этой истории. В нем паника представлена срежиссированной, и именно Морган, выведенный под именем Дэна Уотермана, является постановщиком этого спектакля.

Не исключено, что этот сюжетный ход автором не выдуман, а отражает реальные события. В 1907 году панику спровоцировало падение третьего по величине банка Нью-Йорка Knickerbocker Trust. Вкладчики начали забирать вклады и из других банков. Выстраивались огромные очереди. Это поставило нью-йоркские, да и региональные банки на грань разорения. В тот момент Джей Пи Морган действовал, по сути, как центробанк. Он аккумулировал колоссальную по тем временам сумму — 110 млн долларов, которая включала его личные средства, деньги банкиров, не попавших под удар, и *государственную помощь*[1]. Эти деньги были предоставлены тем институтам, которые нуждались в поддержке больше всего.

1 Сумма огромная, но не для Моргана. Как показало расследование конгресса 1912–1913 годов, оценка активов под контролем Моргана составляла около 22 млрд долларов — почти 600 млрд в сегодняшнем выражении.

Город Нью-Йорк был спасен от банкротства, фондовый рынок — от крупного коллапса, банковская система — от полного краха, а Морган въехал в историю на белом коне.

Однако белый конь оказался забрызган грязью. На пике кризиса президент Теодор Рузвельт разрешил Моргану поглотить Tennessee Coal, Iron and Railroad Corporation (TCI) примерно с такой формулировкой: чтобы спасти брокерскую фирму, оказавшуюся на грани разорения, и прекратить финансовое кровопролитие на Уолл-стрит[1]. По сути, отблагодарил. Морган был крайне заинтересован в этой сделке, поскольку контролировал добрую часть сталелитейной промышленности и железных дорог и мечтал о поглощении крупнейшего конкурента. Поскольку антитрестовское (то есть антимонопольное) законодательство уже существовало — регулировавший монополии закон Шермана был принят в 1890 году, то, согласно букве закона, это поглощение было невозможным. А тут прошло как по маслу. В результате Морган прибрал к рукам треть всех железных дорог и 70% сталелитейной промышленности США.

Предложение позволить Моргану поглощение TCI повлекло за собой два слушания в конгрессе. Ситуацию усугубляли подозрения, что Морган срежиссировал панику, чтобы протолкнуть нужное ему решение относительно TCI. И эти подозрения были отнюдь не беспочвенными.

Коллапс Knickerbocker Trust произошел на пике процветания, когда его вроде бы ничто не предвещало потрясений. Тотчас же последовал пресс-релиз Моргана, который провоцировал набег еще на один крупнейший банк. Помимо этого, во время паники Морган практически единолично ре-

1 Брокерский дом Moore and Scheley с долгом в 25 млн долларов владел 25% акций TCI и вынужден был бы продать их по демпинговой цене на рынке, чтобы погасить свой долг, если бы пакет не был выкуплен Морганом. Выкуп состоялся по низкой цене.

шал, кому выдавать помощь, а кому нет, что позволило поставить под контроль и некоторые независимые банки, и страховые компании.

Сенатор от штата Висконсин Роберт Лафоллет в ряде выступлений в конгрессе в марте 1908 года заявил, что паника была средством политического давления и экономического террора Моргана, его способом закабалить банкиров, раздеть мелких вкладчиков и получить контроль над депозитами физлиц в банках и страховых компаниях. По мнению сенатора, кризис был "тщательно спланирован и мастерски реализован" и "прекрасно" сработал. Банки Моргана и Рокфеллера получили 50 млн долларов государственных денег в качестве одномоментной выгоды, но кризис также позволил протолкнуть банковское законодательство, которое давало банкирам с Уолл-стрит беспрецедентный контроль над денежными потоками страны.

"Теорию заговора" пытается обосновать Дэвид Циммерман в книге "Паника! Рынки, кризисы и толпа в американской литературе"[1]. Синклер уверял, что получил инсайдерскую информацию о том, что паника была срежиссирована, от своего друга — уолл-стритского юриста, который встречался с президентом Knickerbocker Trust в самом начале паники, буквально за несколько часов до самоубийства последнего.

■ ■ ■

"Дельцы" — вторая часть трилогии, связанной одним главным героем. Это состоятельный адвокат Аллан Монтегю, внук богатого плантатора, сын генерала армии северян. В первой части трилогии, романе "Столица" (1908), он приезжает в Нью-Йорк, где и начинает карьеру. В "Дельцах" он уже уважаемый

1 Zimmerman D. *Panic! Markets, Crises and Crowds in American Fiction.* Chappell Hill: The University of North Carolina Press, 2006.

член нью-йоркского профессионального сообщества, обросший связями в деловых кругах. К нему обращается группа предпринимателей, которые хотят приобрести контроль над "Северной миссисипской железной дорогой", и предлагает Аллану помочь им в осуществлении этой затеи. Аллан родом из Миссисипи, знает всю местную бизнес-элиту, обладает безупречной репутацией, ему там доверяют. Он идеально подходит на роль "проводника идей" "стальной шайки". Аллан покупается легко, ибо идея кажется ему правильной, а жареным еще не пахнет. Прежде всего новые акционеры собираются построить новую железную дорогу до завода "Миссисипской стальной компании" — последнего крупного независимого производителя стали в США. Проект затратный и неподъемный для нынешнего руководства компании. От его реализации должны выиграть все: затраты на транспортировку продукции упадут, сталелитейный завод повысит конкурентоспособность, сохранит независимость и поддержит низкие цены на сталь, в том числе и для самой железной дороги, которая является его крупным потребителем. Железная дорога увеличит выручку и заработает прибыль, ее акции вырастут в цене. Штат получит налоги и новые рабочие места. Плюс к этому, поскольку объявят выкуп акций у текущих акционеров, у местных инвесторов, нуждающихся в деньгах, появится прекрасная возможность сбыть с рук неликвидные бумаги.

Уговаривая Аллана взяться за дело, один из инициаторов проекта рассказывает ему, какими методами "Стальной трест" (моргановский, в книге, соответственно, уотермановский) дискриминирует мелких производителей. Цены искусственно вздуты, и конкуренты также имеют возможность получать большие прибыли. Однако те, кто вступает в игру, как правило, сталкиваются с неожиданными препятствиями. Они не могут получить кредита, Уолл-стрит не дает им денег, хотя они и тонут в заказах. Их бумаги, обращающиеся на бирже, атакуют иг-

роки на понижение, пуская слухи. Против них заводят тяжбы, чтобы подорвать их репутацию заемщиков. Иногда пропадают важные бумаги. Случается, что лучших сотрудников переманивают, бухгалтеров и конторских мальчиков подкупают, и все деловые секреты становятся достоянием конкурентов. Железнодорожные компании их не жалуют: даже их поезда идут медленно.

Часть акций уже консолидирована, увеличить свой пакет "стальная шайка" планирует через дополнительную эмиссию, проект которой будет предложен на общем собрании. Он предусматривает преимущественное право выкупа акций новой эмиссии текущими акционерами, но с тем, чтобы нераспроданные остались за "шайкой". Поскольку мало кто планирует довносить деньги в компанию, то текущих акционеров размоют, а "шайка" получит контроль. Этим ходом убьют и "второго зайца": в компанию, таким образом, придут деньги, которые будут направлены на строительство новой линии.

В задачи Аллана входит поездка на юг, встречи с акционерами, которых он должен убедить в том, что нужно голосовать за допэмиссию и список членов совета директоров, выдвинутый новыми акционерами. Его миссия оказывается успешной. На собрании проходят все предложения инвесторов-активистов[1]. Президент компании, старый друг семьи Аллана Монтегю, вынужден подать в отставку, а Аллан избран новым президентом. Акции "Северной миссисипской дороги" впервые замечает Уолл-стрит, и там начинается шевеление.

Несмотря на громкий титул, Монтегю практически без прав — этакий министр без портфеля. Он сталкивается с тем,

1 Современный термин. Инвесторы-активисты — физические или юридические лица, которые покупают большое количество акций публичной компании, чтобы получить места в совете директоров для инициирования масштабных изменений в компании.

что секретарем и казначеем дороги назначают родственников одного из новых акционеров, а вознаграждение их слишком щедрое. Ему указывают, кого брать в подрядчики при строительстве новой ветки, при этом цены "карманных" исполнителей резко завышены. Искать более выгодные контракты нельзя, ибо подряды специально предназначены для "Компании железнодорожных насыпей", принадлежащей одному из новых акционеров и возглавляемой его племянником. Она организована специально для целей сотрудничества с "Северной миссисипской дорогой".

С 1930-х юристы, а затем и финансисты-теоретики заговорили о том, что контроль над компанией имеет цену. Аргументы приводились примерно такие, как у Синклера: в первую очередь это возможность выбирать поставщиков и трансфертное ценообразование. Формально оно до сих пор не запрещено, однако чревато серьезными последствиями: миноритарные акционеры могут попытаться доказать в суде убытки, причиненные компании.

Монтегю в смятении, он ищет совета у своего знакомого — майора Винейбла из делового клуба. Спрашивает, насколько это общепринято. "Старший товарищ" учит его уму-разуму: если дорогу возглавляет человек, располагающий большой властью, то "почему бы ему этого не сделать". И приводит пример злоупотреблений на другой железной дороге, которой руководил некто Хиггинс. Ежегодно дорога давала объявление о закупках почтовой бумаги на миллион долларов. Перечень спецификаций был весьма длинным, но неизменно указывалось, что бумага должна непременно иметь определенный водяной знак. А патентом на этот знак владела только одна из компаний Хиггинса! При этом у него не было собственного производства — все подряды он передавал во вторые руки. Хиггинс умер, оставив после себя примерно восемьдесят миллионов долларов. Это пара миллиардов в сегодняшних ценах.

Думаю, Синклер, пылкий борец за экономическую справедливость, все же преувеличивал.

Монтегю надеется на то, что дорога еще не построена, а новые контролирующие акционеры сами вкладываются в ее строительство. Майор не спешит его обнадежить. По его мнению, в результате подобных махинаций акционеры вернут себе все вложения, а потом еще и продадут акции, и это составит их прибыль. Завышенные расходы отнесут на себестоимость, которая, в свою очередь, ляжет в основу регулируемого тарифа на железнодорожные перевозки.

Узнав, что за железнодорожной компанией стоит трест, майор предсказывает ее судьбу: "…ваши хозяева вскоре найдут, что первый выпуск облигаций не покрывает стоимости предполагаемой реконструкции. Смету, составленную инженерами, сочтут заниженной, выпустят новую партию облигаций, и компания вашего президента получит новый подряд. Затем вы узнаете, что ваш президент организует промышленное предприятие неподалеку от дороги, а дорога предоставит ему негласную скидку и будет перевозить его грузы практически бесплатно. Он может также закупить вагоны и заставить дорогу заплатить ему за привилегию эксплуатировать вагоны в его частной собственности". Картина столь точна, что Аллан восклицает: "Боже правый! А разве вы знаете, о какой дороге я говорю?" В ответ Винейбл только хохочет.

■ ■ ■

В какой-то момент дискуссия двух героев переходит в плоскость философствования о судьбах мелких акционеров в принципе. Через рассказ своих героев Синклер раскрывает схемы обмана миноритариев. Один из героев уверен, что ничто не задевает крупных дельцов больше, чем тот факт, что мелкий акционер получает свою долю прибыли. Они пуска-

ются на разные махинации, лишь бы лишить их этой возможности. На примере мыловаренной компании это выглядит так. Фабрикантов много, рынок конкурентен и затоварен. Вы скупаете конкурентов и монополизируете рынок. Ставите купленные активы на баланс по двойной цене. И размещаете новую эмиссию по цене, втрое превышающей эту завышенную оценку. "Вы пускаете слухи о чудесах, которые произойдут благодаря объединению мыловаров, о преимуществах, которые дает монополизация рынка, и сбываете свои акции публике..." При этом вы сохраняете контроль над компанией. "Затем на Уолл-стрит начинают ходить тревожные слухи о делах мыльного треста. Его совет директоров собирается на заседание и заявляет, что трест не в состоянии выплачивать дивиденды". Среди акционеров растет недовольство, но избираете первым лицом себя, пока другие акционеры еще не подошли на собрание. "Возможно даже, что паника вызовет такое падение цен на акции корпорации, что вы скупите контрольный пакет. Тогда акционеры узнают, что трест по производству мыла перешел в другие руки, и решено избрать новое, честное руководство, и снова есть надежда. Вы покупаете еще несколько фабрик и опять выпускаете акции и облигации, цена на акции снова повышается, и вы опять продаете свои бумаги. Подобные махинации можно проделывать систематически каждые два или три года. И каждый раз вы находите новый выводок инвесторов..."

Синклер верно подметил, что у рынков короткая память. Если работать на репутацию и задействовать грамотный пиар, то можно превратиться в "белого и пушистого" довольно скоро, не думаю, что за два-три года, но за пять-семь точно.

Эта схема скупки и продажи акций базируется на манипулировании рынком. Она была запрещена в 1934 году, когда после обвала рынка в 1929–1932 годах почти в десять раз вышел Закон о торговле ценными бумагами. При этом запрет

касался лишь продажи бумаг. Совершенно законным для инсайдеров оставалось одно: покупать ценные бумаги компании, предоставляя сторонним инвесторам недостоверную информацию о ней, например, занижая финансовые показатели. Такую практику запретили только в 1942 году.

Обратили ли вы внимание на цену, по которой размещались бумаги? В три раза выше, чем балансовая стоимость активов. Это крайне высокая цена. В XIX и в начале XX века акции редко котировались выше номинала. Например, во время железнодорожной лихорадки в Англии в 1840-х они достигли двух номиналов, и это было признаком серьезного пузыря.

Сегодня превышения номинала во много раз — не редкость. Есть множество причин, почему ситуация поменялась. Во-первых, в те времена у компаний практически не существовало нематериальных активов типа высококвалифицированного персонала, и почти все активы были материальными[1]. Во-вторых, еще не дошло до вывода производства за рубеж и аутсорсинга производства. В этом случае у компании выручка и прибыль есть, а основных фондов может вообще не быть. То, что компании продавали, они сами же и производили.

■ ■ ■

Вторая экономическая сюжетная линия романа — банковская паника, по мнению автора, созданная искусственно, чтобы поставить под контроль независимые банки (трасты). В то время регулирование запрещало традиционным банкам рабо-

1 У современных компаний часть нематериальных активов типа квалифицированного персонала не стоит на балансе, соответственно, не повышает балансовую стоимость активов, но влияет на способность зарабатывать прибыль, отсюда отрыв рыночной цены акций от балансовой.

тать с трастовыми счетами, например, семейными фондами. Их дела должны были вести специализированные трасты.

В романе так объясняются мотивы крупных дельцов с Уолл-стрит: "купные банки обязаны отчислять в резервный фонд двадцать пять процентов своего капитала, в то время как независимые трасты — только пять, благодаря этому оборот средств у последних быстрее, они выплачивают четыре процента по вкладам, широко себя рекламируют и вытесняют монополистов. Их около пятидесяти в одном Нью-Йорке, а на депозитах у них около миллиарда долларов". Около миллиарда — это примерно 27 млрд в сегодняшнем выражении. Инфляции в те годы не было, и 4 % — это в реальном выражении весьма неплохо.

Атака начинается так: "генерал Прентис, как член правления Готтамского треста[1], голосовал за то, чтобы не закрывать банк, но как президент Федерального банка он забрал из Готтамского треста миллион долларов. Ни одна газета ничего не сообщила об этом, но слухи передавались из уст в уста, и вскоре это обсуждал весь город. Рассказывали, что эта измена Прентиса так подействовала на членов правления Готтамского треста, что привела к его закрытию. Так началась паника..." Фондовая биржа отреагировала резким падением.

А дальше — дело техники. Заправилы Нефтяного и Стального трестов играли на понижение. В этом время уполномоченные Уотермана в Вашингтоне беседовали с президентом об "отчаянном" положении "Миссисипской стальной компании". "Финансовое состояние страны и так было шатким, а тут замаячила угроза еще одного крупного банкротства. Учитывая сложившуюся критическую ситуацию, Стальной трест соглашался сделать все от него зависящее для спасения экономики страны. Он решил присоединить к себе "Миссисипскую сталь-

1 Скорее всего, это вымышленный трест.

ную компанию", если только правительство не станет этому препятствовать. Разрешение на присоединение было получено.

Уотерман достиг своей цели, но просчитался в другом. Оказалось, что панику легко инициировать, но трудно остановить. Она разрастается как снежный ком и перестает быть управляемой. Ведь на рынке играют не только крупные воротилы, но и простой народ — "мелкие собственники, нуждавшиеся в долларах для уплаты своим служащим по субботам; рабочие, которым деньги были необходимы для уплаты за квартиру, за хлеб насущный; беззащитные вдовы и сироты[1], для которых они означали спасение от голодной смерти". "Услышав о пошатнувшемся положении банков и начавшейся панике, эти люди поняли, как велика опасность. Стало ясно, давно предсказываемый крах угрожает именно им. Толпами бросились они на Уолл-стрит. Весь финансовый район заполнили перепуганные массы людей. Сюда были брошены конные отряды полисменов для наведения порядка".

Интриганы поняли, что спустили с цепи такое чудовище, с которым можно не справиться: "Крах грозил и тем банкам, в которых они сами были заинтересованы. При подобной безумной панике национальным банкам не могло хватить даже двадцати пяти процентов резервных средств, чтобы удовлетворить требования потерявших голову вкладчиков". "Теперь не было никакой возможности где бы то ни было добыть средства для выплаты вкладов. Куда ни обращались дельцы, всюду они сталкивались с недостатком денег: ничего нельзя было продать, нигде нельзя было получить займа".

Пришлось разворачивать процесс в обратном направлении — "укрощать выпущенного на волю зверя". В Вашингтон

1 Вдовы и сироты — термин, обозначающий самых незащищенных инвесторов. По всей видимости, его происхождение связано с тем, что вплоть до 1920-х годов женщины в США не работали, а пенсий не было, и при потере кормильца женщина могла остаться без средств к существованию.

пошли тревожные телеграммы. Правительство предоставляет банкам шесть миллионов (162 млн в сегодняшнем выражении). Обращаются к Дану Уотерману, и он гениально оборачивает дело в свою пользу, внезапно обращаясь в "самодержца с неограниченной властью над всеми банками в городе". "Министр финансов превратился в одного из его подручных, а управляющие банками и финансисты, подобно перепуганным детям, бросились в его контору". Уотерман сам вызвал панику, но теперь превратился в "испытанного в боях ветерана, вступившего в последнюю отчаянную битву за спасение чести и финансов".

Шла борьба за спасение Федерального банка. Было понимание, что если лопнет он, то рухнет вся банковская система. А очереди ожидающих выплат становились все длиннее. Методы спасения используются традиционные: "Кассиры стремились выплачивать деньги как можно медленнее. Полчаса требовалось только для проверки одного чека". Затягивали время в ожидании поступления новых денег. Городские ссудные кассы приняли решение закрыть свои двери, опираясь на законное право возвращать депозиты в течение 60 дней после истребования их клиентами. Национальные банки выплачивали свои долги векселями". Мальчикам, выкрикивающим новости, приказано было молчать, чтобы их крики не приводили к еще большей панике. Отряд конных полисменов патрулировал улицы, не давая людям собираться в толпу.

Вторая "линия фронта" — биржа. Правительство отказывало ей в финансовой поддержке, потому что считалось, что оно не должно помогать биржевым игрокам. Если бы Нью-Йоркская биржа закрылась, разорились бы тысячи игроков, и бизнес в стране был бы парализован. Закрылась питтсбургская биржа (в то время в США действовали десятки бирж). Перепуганные магнаты вновь собрались у Уотермана. В самый острый момент кризиса стало известно, что Уотерман дает

ссуду в 25 млн долларов под 10 %. По версии Синклера, Уотерман-Морган зарабатывает политические дивиденды, распоряжаясь чужими деньгами: он направил на биржу не свои деньги, а взятые из банков, которым в свою очередь беспроцентную ссуду дало правительство. Это, безусловно, художественное преувеличение: большая часть денег, вложенным Морганом в стабилизацию, все же была его собственными и деньгами партнеров в спасательной спецоперации.

■ ■ ■

Прочитав Синклера, задаешься вопросом, был ли крах действительно срежиссирован или случился спонтанно? Ответ я попыталась найти в обстоятельной истории дома Морганов американского журналиста Рона Черноу "Дом Морганов: американская банковская династия и рождение современных финансов"[1]. В нем нет ни одного подтверждения теории заговора. Наоборот, приводятся аргументы в пользу того, что крах независимых трастов был ожидаем.

К 1907 году трасты стали высокоспекулятивными. Они охотно кредитовали под залог ценных бумаг, а это рисковые кредиты. Трасты активно спекулировали акциями медных, нефтяных и железнодорожных компаний, цены на которые достигли слишком высоких уровней, и обвалились, когда кредиты под залог акций стали слишком дорогими. Knickerbocker Trust пытался загнать в угол акции[2] компании United Copper и имел много этих акций в портфеле. Когда же цена на бирже на акции United Copper упала, это вызвало тревогу у 18 тыс.

1 Chernow R. *The House of Morgan: An American Banking Dynasty and the Rise of Modern Finance.* N. Y.; Grove Perss, 2010.

2 Загнать в угол (to corner) — скупать на рынке акции (или любые финансовые контракты) в расчете на то, что игроки, подавшие данные акции в короткую (или без покрытия), будут вынуждены их откупить по очень высоким ценам, чтобы выполнить свои обязательства по поставке акций.

вкладчиков траста. На следующий после падения день они попытались снять деньги со счетов. Так что дело вовсе не во вдовах и сиротах, которые сеяли панику необдуманно. Их действия были как раз рациональными. Если даже Knickerbocker Trust и подталкивали, это, очевидно, был колосс на глиняных ногах, которому для падения было достаточно было лишь небольшого толчка.

Есть и логичное объяснение того, почему сначала кризис перекинулся с биржи на банки, а потом с банков снова на биржу. Независимые трасты, кредитовавшие инвесторов под залог акций, вынуждены были закрывать кредиты, так как сами нуждались в деньгах. Процентная ставка по таким кредитам подскочила до 150%. В такой ситуации инвесторы вынуждены были продавать акции. Более чем убедительная объективна причина для биржевой паники.

По мнению Черноу, кризис 1907 года опровергает известное выражение, бытующее на Уолл-стрит: если кризис ожидаем, то он не случится. Кризис 1907 года был ожидаемым кризисом, который случился.

“Умную гориллу можно было бы натренировать…”

Глава семнадцатая

Автоматизация производства и внедрение конвейера в начале XX века

Американский инженер Фредерик Уинслоу Тейлор в книге “Принципы научного менеджмента” (1911) предложил внедрить на американских заводах научную организацию труда: “в прошлом главным был человек, а в будущем главной должна стать система”. По мнению Тейлора, рабочий не заинтересован работать максимально быстро, если он получает почасовую зарплату, — и из-за того, что он больше устанет, и из-за того, что сделает работу быстрее и получит меньше, и из солидарности с безработными собратьями. А он не имеет “права на лень”, как выразился бы французский экономист и политический деятель Поль Лафарг (это право Лафарг отстаивал в одноименном памфлете 1880 года).

Знаменитый эксперимент Тейлора, работавшего независимым консультантом на сталелитейную компанию Bethlehem, состоялся в 1899 году и был связан с погрузкой 40-килограммовых чугунных чушек в вагоны. Дневная выработка составляла 12,5 тонны на человека. Тейлор сначала хронометрировал движения грузчиков и немного оптимизировал их, а затем замерил максимальную скорость погрузки на коротком интервале времени, экстраполировал ее на день — и получил “на-

учно обоснованную норму" почти в четыре раза выше. За погрузку 47,5 тонны в день он предложил зарплату на 60 % больше. По Тейлору, каждый человек должен быть на своем месте, в частности, грузчик должен быть "похож на быка" не только физически, но и умственно, ведь умного человека монотонная работа утомит. В "Принципах научного менеджмента" Тейлор описывает, как он манипулировал "умственно отсталым" рабочим, чтобы тот радовался выгодности новых условий.

От эксперимента Тейлора — прямой путь к рекордам советского героя Алексея Стаханова, который в 1935 году выдал на-гора из забоя в 14,5 раза больше угля, чем предписывалось по норме. Показатели были искусственно завышены. Лев Троцкий отмечал в своей книге "Преданная революция" (1936), что стахановское движение не сводилось к интенсификации труда, а вело "к удлинению рабочего дня: в так называемое «нерабочее» время стахановцы приводят в порядок станки и инструменты, подбирают сырой материал, бригадиры инструктируют свои бригады и пр. От семичасового рабочего дня остается при этом нередко только имя".

Согласно Троцкому, рабочие встретили новшество с прямой враждебностью, излюбленным средством борьбы со стахановцами стали "аварии и поломки механизмов", рабочие обвинялись не только в саботаже, но и даже в убийствах стахановцев. 1937-й еще не наступил, так что не исключено, что обвинения имели под собой почву.

В США никакое стахановское движение не зародилось: пропаганда работала не столь эффективно, да и неэкономических методов принуждения, как в СССР, не существовало. Мэттью Стюарт в книге "Миф о менеджменте: Разоблачение современной философии бизнеса" (2009) развенчивает созданный Тейлором миф об успехе его эксперимента: после первого дня люди разбежались — вкалывать на износ за относительно небольшую надбавку никто не захотел.

А затем был конвейер Генри Форда. Его предшественником стал конвейер на знаменитых чикагских бойнях. Сам Форд в книге “Моя жизнь. Мои достижения” (1922) признается, что его первый конвейер “был похож на передвижные пути, которыми пользуются чикагские укладчики мяса при дроблении туш”.

■ ■ ■

Эптон Синклер живописал этот конвейер в романе “Джунгли”, опубликованном еще в 1906 году. На бойни ежедневно прибывало по железной дороге “около десяти тысяч голов крупного рогатого скота, столько же свиней и около пяти тысяч овец”. По бесконечным пологим наружным мосткам бесчисленные ряды свиней “терпеливо взбирались” наверх шестиэтажного здания. Наверху животным давали остыть, а затем их впускали в помещение, “откуда для свиней нет возврата”. “Здесь они проходили через все стадии обработки, необходимой для превращения их в свинину, спускаясь вниз под действием собственного веса”.

В цехе было установлено огромное железное колесо с крюками по краям обода. Свиньи входили в узкие проходы с двух сторон колеса, “перед колесом стоял огромный, дюжий негр с голыми руками и голой грудью”. В руках у него были цепи. Одним концом цепи он захватывал ногу ближайшей свиньи, другой конец закидывал на кольцо колеса. Продолжая вращаться, колесо рывком поднимало животное на воздух. В тот же миг раздавался оглушительный визг. “С вершины колеса свинью подхватывала двигавшаяся по канату тележка. Тем временем колесо вздергивало другую свинью, за нею третью и четвертую, пока не получался двойной ряд подвешенных за ногу свиней, отчаянно бьющихся и визжащих. Пронзительный визг смешивался с глухими воплями, хрюканье — с пред-

смертными стонами". Рабочие быстрым ударом перерезали им глотки. "Свинья за свиньей, истекая кровью, испускала предсмертный визг, затем, продолжая свой путь, исчезала в чане с кипящей водой".

"Тушу свиньи особым механизмом извлекали из чана, а затем она проваливалась в следующий этаж, пройдя по дороге через удивительную машину с бесчисленными скребками, которые автоматически приспособлялись к размерам и форме животного, так что по выходе туша была почти совершенно очищена от щетины. Затем кран ее снова подхватывал и подавал на подвесную тележку, которая катилась между двумя рядами рабочих... Каждый рабочий, когда туша скользила мимо него, проделывал над ней всего лишь одну операцию. Один скоблил ногу с наружной стороны, другой — с внутренней. Один быстрым ударом ножа перерезал горло, другой двумя быстрыми ударами отделял голову, и она падала на пол, исчезая затем в люке. Один вспарывал брюхо, другой обнажал кишки, третий перепиливал грудную кость, четвертый отрезал внутренности, пятый вынимал их, и они тоже проваливались сквозь люк в полу. Одни рабочие скоблили бока, другие спину, третьи скребли, чистили и мыли тушу внутри". Вереница раскачивающихся свиных туш растянулась ярдов на сто в длину. "Под конец этого путешествия на туше не оставалось такого места, по которому не прошлись бы несколько раз; затем ее увозили и в течение суток выдерживали в холодильнике". Одной свиньей занимались несколько сотен человек, "работавшие так, словно за ними гнались черти".

В других цехах рабочие разделывали туши, поступающие из холодильника. Сперва туши поступали к "развальщикам". За "развальщиками" шли "рубщики", "богатыри со стальными мускулами; у каждого из них было по двое подручных, которые подтаскивали половинки туши и держали их, пока руб-

щик рубил, а потом поворачивали каждый кусок так, чтобы его снова можно было разрубить". Рубщик наносил лишь один удар, очень точный. "И через зиявшие в полу люки вниз летели: в одно помещение — окорока, в другое — грудинка, в третье — боковины".

Поначалу главному герою романа, литовскому эмигранту Юргису, "широкоплечему гиганту", удается устроиться на самую тяжелую и высокооплачиваемую работу в убойный цех. Поначалу он способен задавать непосильный темп для работающих рядом. Но, к сожалению для семьи Юргиса, владельцам чикагских боен не было дела до сохранения физической формы своих работников — выдохнутся одни, наймут других. Юргис понемногу сдает и начинает спиваться. Неурядицы преследуют и других членов семьи, они один за другим теряют работу, ибо новички не соблюдают неписаных правил "джунглей", среди которых, например, такое: женщина не должна отказывать в сексуальных услугах боссу. Сначала нечем платить за уголь, затем неподъемными оказываются и выплаты по ипотеке. Семья гибнет.

■ ■ ■

Заводы Форда — это большой прогресс по сравнению с чикагскими бойнями. И в отношении к рабочей силе — тоже. Рабочие не бедствовали. Генри Форд на своем предприятии еще в 1914 году увеличил зарплату рабочих с 2,34 доллара за восьмичасовую смену до 5, в год выходило примерно 1250 долларов (около 25 тыс. в современных ценах). Знаменитая "Модель Т" стоила 360 долларов, что позволяло простому рабочему Форда менять машину ежегодно.

С другой стороны, конвейер и система рациональной организации рабочего процесса Тейлора увеличивали производительность на заводах Форда раз в пять-шесть, делая труд го-

раздо более тяжелым. Джон Дос Пассос в романе "Большие деньги" (1936) описывает "скоростную, потогонную" систему Тейлора так: "Меньше непроизводственных потерь, больше надсмотрщиков, соглядатаев, провокаторов и осведомителей (пятнадцать минут на ланч, три минуты на туалет)... поднимай, заверни гайку, завинти болт, вгони шпонку, поднимай, заверни гайку, завинти болт, вгони шпонку, поднимайзавернигайкузавинтиболтвгонишпонку, и повторяй эти монотонные быстрые операции до тех пор, покуда не отдашь все свои жизненные соки до последней унции".

Форд в "Моей жизни..." проводит политэкономический анализ "научной организации труда" и страстно агитирует за нее. По его мнению, плюсом конвейера является возможность использовать неквалифицированных рабочих: "большая часть занятых у нас рабочих не посещала школ; они изучают свою работу в течение нескольких часов или дней". Обученных рабочих в необходимых количествах "не удалось бы собрать в течение ста лет", ведь без конвейера их потребовалось бы "два миллиона" вместо 50 тыс. И представьте себе помещение, необходимое для них! А ведь "каждый лишний квадратный фут пространства означает повышение издержек производства". Кроме того, себестоимость производимой ими машины была бы крайне высока, и она не продавалась бы по цене, "соответствующей покупательной способности". Наконец, не удавалось бы платить рабочим более 10–20 центов в день. Здесь Форд преувеличивает: если бы рабочим платили в 25–50 раз меньше, чем платил он, то машина стоила бы дешевле.

Первым делом в 1913–1914 годах на заводах Форда была оптимизирована сборка магнето (генератора). Одному рабочему требовалось на это 20 минут. Сначала работа была разложена на 29 различных операций. (Эдгар Доктороу в "Регтайме" так объясняет, что такое конвейер: это когда "чело-

век, который всовывает винт, не накидывает на него гайку... человек, который накидывает гайку, не закручивает ее".) Затем провели эксперименты с темпом сборки: скорость конвейера в 60 дюймов в минуту оказалась слишком высокой, 18 дюймов — слишком низкой, в результате остановились на 44 дюймах. (Чарли Чаплин в фильме "Новые времена" 1936 года гениально изобразил работу на конвейере, скорость которого все время растет — вдруг рабочий выдержит и это?) Как пишет Форд, важно, "чтобы ни один рабочий не спешил — ему предоставлены необходимые секунды, но ни одной больше". В результате магнето стали собирать за пять минут. Затем 29 операций разложили на 48 отдельных движений...

Другой пример — сборка поршня. По старой процедуре 28 человек за день собирали 175 поршней. Когда все движения рабочих были проанализированы с хронометром, выяснилось, что "при девятичасовом рабочем дне — четыре часа уходило на хождение взад и вперед". И каждый рабочий делал восемь различных движений рукой. Весь процесс разложили на три действия — так, чтобы можно было их производить, не двигаясь с места. И семь человек стали собирать 2600 поршней в день.

При сборке шасси выполняют 45 различных движений. Первая рабочая группа укрепляет четыре предохранительных кожуха к остову шасси; двигатель появляется на десятой остановке... "Рабочий, на чьей обязанности лежит постановка какой-нибудь части, не закрепляет ее... Человек, который вгоняет болт, не завинчивает одновременно гайку; кто ставит гайку, не завинчивает ее накрепко. При движении 34 новый двигатель, предварительно будучи смазан маслом, получает бензин; при движении 44 радиатор наполняется водой, а при движении 45 — готовый автомобиль выезжает на Джон Р. стрит".

■ ■ ■

Конечным результатом "научной организации труда" "является сокращение требований, предъявляемых к мыслительной способности рабочего". Генри Форд либо искренне верит, либо делает вид, что рабочим это по нраву. По его мнению, для большинства людей наказанием является не однообразная работа, а "необходимость мыслить", и идеальной им представляется работа, "не предъявляющая никаких требований к творческому инстинкту".

"Работы, требующие мышления в соединении с физической силой, редко находят охотников, — писал Форд. — Средний работник ищет… работы, при которой он не должен напрягаться ни физически, ни особенно духовно". Люди творчески одаренные, для которых всякая монотонность представляется ужасной, "совершенно напрасно питают сострадание к рабочему, который изо дня в день выполняет почти одну и ту же работу".

Камня на камне не оставил от этой позиции итальянский философ и теоретик марксизма Антонио Грамши, который размышляет в "Тюремных тетрадях" (1926–1928) об организации труда на заводах Форда (глава "Американизм и фордизм"): Тейлор, употребив выражение "дрессированная горилла", "выразил с жесточайшим цинизмом цель американского общества: развить в трудящемся до максимальной степени машинные и автоматические навыки, разбить старый психофизический комплекс квалифицированного, профессионального труда, требовавшего известного активного участия ума, фантазии, инициативы трудящегося, и свести все производственные операции только к их физическому машинному аспекту".

Развенчивает концепцию Форда о том, что люди о его конвейере просто мечтали, и Луи Фердинан Селин в "Путешествии на край ночи" (1932). Селин отправил своего героя Фер-

динана Бардамю, прошедшего Первую мировую, из тех, кого принято причислять к “потерянному поколению”, на завод Форда в Детройте. Кстати, осматривающий его при приеме на работу врач подчеркивает, что “на заводе нужны шимпанзе”. Несмотря на то что Фердинан “фантазер” и не слишком силен, его принимают: требования к физическим кондициям не слишком жесткие, а интеллектуальные способности по совету врача герой начинает скрывать и вести себя как послушный работник, а еще и улыбаться, как будто все происходящее ему очень нравится.

А между тем Фердинан попал в цех, в котором вибрирует все — стекла, пол, металл, и рабочие дрожат тоже, “сотрясаемые от пяток до ушей мелкими толчками”. От этого он сам превращается в машину, “потому что неистовый грохот вгрызается внутрь тебя, стискивает тебе голову, вывертывает кишки...” Сверх этого — вонь машинного масла, “с паром, изнутри, через горло, выжигающим барабанные перепонки”. Рабочие склоняются над машинами — они “покоряются шуму, как покоряются войне, и плетутся к машинам с теми двумя-тремя мыслишками, которые еще трепыхаются у них под черепной коробкой”. В шесть вечера, когда все останавливается, герой уносит этот грохот с собой, и его и запаха смазки ему хватает на целую ночь. Фердинана тянет к людям, но только не к тем, кто работает в цехе, — их он называет “вибрирующим мясом”. В итоге он вскоре сбегает, возвращается во Францию, где выучивается на врача.

■ ■ ■

Американский промышленник заботится о поддержании постоянной физической эффективности работника, его мускульно-нервной действенности, потому что в его интересах иметь устойчивый коллектив, ибо “это тоже машина, которую

нельзя слишком часто разбирать с целью обновления отдельных деталей, не причиняя больших убытков". Так называемая высокая заработная плата есть необходимость: она является орудием отбора коллектива и поддержания его устойчивости. "Но высокая заработная плата — это палка о двух концах: нужно, чтобы работник тратил больше средств для поддержания, обновления, а по возможности и усиления своей мускульно-нервной работоспособности…"

Кроме того, американские промышленники поняли, что, "к сожалению", "дрессированная горилла", совершающая движения без размышления, остается человеком, и во время работы рабочий думает или имеет возможность думать, чувствует, что труд не дает ему непосредственного удовлетворения, и он понимает, что его хотят довести до состояния дрессированной гориллы, а это может натолкнуть его на размышления, мало способствующие сохранению его покорности. "Приспособление к новым методам труда и производства не может идти только лишь через социальное принуждение…", оно должно комбинироваться с добровольным согласием, что может быть достигнуто при помощи большего вознаграждения.

Даже в СССР стахановцем приходилось очень много платить — они получали до 2 тыс. руб., тогда как простой рабочий — примерно 100. Полагалось и неденежное вознаграждение. Как пишет Троцкий, "стахановцев буквально осыпают привилегиями: им отводят новые квартиры или ремонтируют старые; их отправляют вне очереди в дома отдыха и санатории; им посылают на дом бесплатных учителей и врачей; им выдают даровые билеты в кино; кое-где их даже стригут и бреют бесплатно и вне очереди".

Высокие заработки, по Антонио Грамши, являются временными. "Фордовская промышленность требует от своих рабочих такого разделения труда, такой квалификации, каких еще не требует остальная промышленность; она требует та-

кого нового типа квалификации, такой формы расходования рабочей силы, такого количества расходуемой силы в то же время, которые являются более тягостными и изнуряющими, чем где бы то ни было". Но как только новые методы труда и производства распространятся и сделаются всеобщими, как только новый тип рабочего будет создан повсеместно, текучесть будет ограничена безработицей, и высокая зарплата исчезнет. "Американская промышленность с высокой заработной платой пока пользуется монополией на внедрение новых методов; монопольным прибылям соответствует монопольная заработная плата. Но эта монополия с необходимостью будет сначала ограничена, а затем уничтожена распространением новых методов как в самих Соединенных Штатах, так и за границей... а с выравниванием прибылей исчезнет и высокая заработная плата".

Грамши как в воду глядел: заработки американских рабочих в реальном выражении достигли пика в 1960-е, и вот уже 50 лет понемногу падают из-за переноса производства в Китай.

■ ■ ■

По мнению Грамши, "сухой закон" был введен в США в 1920 году с целью сохранения мускульной силы рабочих. Трезвости рабочего придавалось большое значение. Еще Тейлор заявил, что у пьяниц движения замедленные, поэтому они не могут поддерживать быстрый рабочий ритм. Американский экономист Ирвин Фишер в 1920-е годы высказал мысль о том, что трезвый рабочий будет лучше работать — настолько лучше, что с введением "сухого закона" экономика будет быстрее развиваться. По мнению Грамши, "бешеная" работа вызывает алкоголизм. И поэтому "борьба с алкоголем, самой опасной причиной разрушения трудовых сил, становится функцией

государства". Грамши считает, что "сухой закон" был введен не для того, чтобы тотально искоренить потребление алкоголя, а чтобы сделать его "предметом большой роскоши", недоступным для рабочих, и чтобы широкие массы трудящихся, включая тех, у кого заработки самые высокие, не могли себе его позволить ни из-за цены, ни из-за нехватки времени разыскивать контрабанду.

Грамши не верит в искренность пуританства Форда. Как свидетельствует сам Форд в "Моей жизни…", он платил премию женатым мужчинам, которые "жили со своей семьей и хорошо содержали ее", холостым мужчинам старше 22 лет, но "с явно выраженными хозяйственными привычками", и молодым мужчинам и женщинам, "которые служили единственной опорой" для семьи. "Предписано было, что женатые люди, которые получают премию, должны жить со своими семьями и заботиться о них". Это проверялось. По домам ходили 50 инспекторов. В момент внедрения плана право на премию "было признано за 60 % мужчин; этот процент повысился через шесть месяцев до 78 %, а через год до 87 %; через полтора года не получал премии всего-навсего один процент". В эти 87 % герой Селина Фердинан не попал: он посещал проститутку Молли, которая не только стала помогать ему финансово, но и очень хорошо его понимала, зная, что такое "индустриальное отупление", она "привыкла к рабочим".

Форд объявляет джихад распространенной среди рабочих-иммигрантов традиции "брать в дом жильцов и нахлебников" — они "смотрели на свой дом как на своего рода заведение, с которого можно получать доход". Представляется, что Форда это не устраивало, потому что в этом случае конвейер не был единственным источником дохода.

Антонио Грамши полагает, что надзор промышленников за интимной жизнью рабочих не связан с заботой "о «человечности», о духовных запросах трудящегося, подвергающегося

ломке. Эти «человечность» и «духовные запросы»... были максимально развиты в ремесленнике, «демиурге», когда личность работника целиком отражалась в созданном предмете, когда была еще очень крепка связь между трудом и искусством”. Новые методы организации труда требуют подчинения половых инстинктов суровой дисциплине, укрепления “семьи” в широком смысле, усиления регламентации и постоянства половых отношений. “Пуританские” мероприятия преследуют одну лишь цель — сохранить вне сферы трудовой деятельности некое психофизическое равновесие, которое не допустит сильного физиологического истощения работника, выжатого новым методом производства”. “Злоупотребление и нерегулярное отправление половых функций — это, после алкоголизма, самый опасный враг нервной энергии”. Рабочий, “идущий на работу после ночного «разгула», не может быть хорошим работником: чувственная экзальтация идет вразрез с хронометрированными производственными движениями, связанными с самыми совершенными автоматическими механизмами”.

■ ■ ■

Мало что изменилось на конвейере и ближе к нашему времени. Сюжет “производственного романа” Артура Хейли “Колеса” (1971) связан с жизнью автомобильного концерна, и конвейер — один из главных его героев. Его жестокость неизменна. Вице-президент компании по производству, наблюдая на автогонках, как стремительно работают ремонтные группы — “пять механиков умели за минуту, а то и быстрее, поменять четыре колеса, долить в бак бензин, посовещаться с водителем” — мечтает: “Такие нам очень пригодились бы на конвейере”.

Ни высокие заработки, ни довольно значительные дополнительные льготы не способны компенсировать “безрадост-

ный, бездуховный, физически тяжкий и убийственно монотонный труд" на конвейере — одно и то же час за часом, изо дня в день. "Сам характер работы лишает человека гордости за то, что он делает. Рабочий на конвейере никогда ничего не завершает, не ставит точки: он ни разу не собирает автомобиль целиком... Вечно та же пластина, та же шайба, те же болты. Снова, и снова, и снова, и снова, и снова; при этом условия работы — учитывая грохот и шум — таковы, что исключается какая-либо возможность общения... По мере того как идут годы, многие хоть и ненавидят свою работу, но смиряются. Есть, правда, такие, которые не выдерживают и сходят с ума. Но любить свою работу никто не любит". Новичок на конвейере Ролли, сидевший до этого в тюрьме, думает: "В кутузке было так же". Ведь к концу смены у него жутко болело все тело, руки были в ссадинах, а кожа во многих местах содрана до крови.

Конвейерная лента ползет безостановочно и непреклонно, "не считаясь с человеческими слабостями и мольбами". "Рабочий на конвейере, будто узник, только и думает о том, как бы вырваться из этого ада". Остановить неудержимое движение может лишь звонок на получасовой обеденный перерыв, сигнал об окончании смены или саботаж. Ролли идет на саботаж и бросает болт в цепной привод. Конвейер останавливается, но дежурная ремонтная бригада реагирует моментально — конвейер запускают "уже через четыре минуты и пять секунд". Передышка небольшая, а риск высок. Виновного находят тут же, и в следующий раз его ждет увольнение, поскольку потери от таких простоев высоки: "...завод недовыпустил пять с половиной автомобилей, или понес убытки более чем в шесть тысяч долларов". Другие варианты — прогул или забастовка. "И то и другое вносит разнообразие, нарушает монотонность". Они тоже чреваты осложнениями, и Ролли находит другой "выход": он стал "потягивать марихуану за кон-

вейером: после затяжки время летело быстрее и монотонность работы уже не казалась такой невыносимой”.

Герой романа Хейли, менеджер автомобильного завода Мэттью Залески, размышляет о том, что думают посторонние, совершая экскурсию по заводу. А думают они так: “Рабочие со временем привыкают к шуму, духоте, жаре, к напряженному темпу и бесконечному однообразию работы”. Ведь он не раз слышал, как взрослые посетители говорили своим детям: “Они же привыкли. И обычно довольны своей работой. Они не променяли бы ее ни на что другое”. И Залески “всякий раз хочется крикнуть: «Не верьте этому, дети! Это ложь!»”

Конечно, это ложь, ведь, как свидетельствует современный французский писатель Патрик Рамбо в книге 2008 года “Хроника царствования Николя I” (под этим именем выведен Саркози), рабочие на конвейере компании “Ситроен”, изнуренные невыносимым ритмом, даже “вешались в раздевалках ситроеновских цехов”.

“Радио вместо фисгармонии”

Глава восемнадцатая

“Ревущие двадцатые” в английской и американской литературе

Эдгар Доктороу в романе “Регтайм” (1975) пишет, что Америка на заре XX века — “нация паровых экскаваторов, локомотивов, воздушных кораблей [то есть дирижаблей], двигателей внутреннего сгорания, телефонов и двадцатипятиэтажных зданий”. США 1920-х — это уже нация самолетов, автомобилей, холодильников и стоэтажных небоскребов.

Ускорение американской экономике придала Первая мировая война, США — единственное государство в мире, которое от нее только выиграло. 1920-е годы в США называют эрой процветания, или периодом процветания Кулиджа — по имени тогдашнего президента страны. В те годы Штаты обладали самой быстроразвивающейся экономикой в мире. В 1925–1929 годах ВВП рос средними темпами 8,9 % в год. Повышались производительность труда и зарплата.

В романе “Большие деньги” (1936), действие которого охватывает “тучные” послевоенные годы, Джон Дос Пассос отмечает, что теперь “люди делают куда больше денег, чем когда-либо прежде в своей жизни, покупают акции, стиральные машины, шелковые чулки своим женам и еще посылают деньги престарелым родителям”; в Нью-Йорке все строят

карьеру; интеллектуалы зачитываются "Теорией праздного класса" (1899) Торстейна Веблена; движение на улицах города плотное.

Растет и оптимизм американцев, крепнет вера в будущее. Люди начинают понемножку залезать в долги. Это резкое изменение менталитета, ведь до 1920-х брали лишь ипотеку, причем только на небольшую часть стоимости недвижимости, и старались рассчитаться как можно скорее. Вот отношение к кредитам Оливии, героини романа Джона Стейнбека "К востоку от Эдема" (1952), действие которого в основном происходит до и во время Первой мировой войны: "Долги" — само это слово и то, что за ним стоит, вызывало у Оливии отвращение. Счет, не оплаченный до пятнадцатого числа, превращался в долг. Слово "долги" ассоциировалось с чем-то грязным, с распущенностью, с бесчестием, Оливия искренне считала, что ее семья лучшая в мире, и из чувства снобизма не могла допустить, чтобы такую семью пятнали долги. <…> Оливия была решительно против покупок в кредит, даже когда система кредитов стала очень популярной. Купленное в кредит еще не твоя собственность, а раз так, то это те же долги. Оливия сначала копила деньги, а уж потом покупала то, что хотела, оттого-то новые вещи появлялись у нас года на два позже, чем у наших соседей".

Наступили другие времена, и теперь на потребительские кредиты покупают товары длительного пользования, которые еще недавно были доступны лишь немногим. Американцы могут позволить себе гораздо больше предметов роскоши, чем раньше. Маркетинговый лозунг 1920-х — "Купи сейчас!" К 1925 году в стране действуют полторы тысячи финансовых корпораций, выдающих потребительские кредиты.

Особым спросом пользуются легковые машины. В 1900 году в США их было зарегистрировано всего 8 тыс., в 1912-м — 944 тыс., а в 1917 году насчитывалось уже 5,1 млн, выпуск лег-

ковушек достиг 1,7 млн штук. В 1925 году производство легковых автомобилей достигло 3,6 млн, парк составил 20 млн машин (при населении 120 млн человек). Ничего удивительного: Ford становится массово доступным. В 1920 году автомобиль приходился на три семьи, к концу десятилетия он был практически у каждой. Пионером кредитования под покупку автомобиля стала компания General Motors. В 1925 году две трети реализованных машин было продано в кредит, хотя он был очень дорог: процентная ставка достигала 30 % годовых.

С другой стороны, конвейер и система рациональной организации рабочего процесса Тейлора увеличивали производительность на заводах Форда раз в пять-шесть, делая труд гораздо более тяжелым. Об этом, впрочем, мы подробно говорили в предыдущей главе.

■ ■ ■

Двадцатые годы прошлого века были временем интенсивного научно-технического прогресса. Появились радио и телефонная связь, была практически завершена "электрификация всей страны" и созданы энергосбытовые компании. Их появление улучшало ситуацию в экономике радикально: передача энергии на дальние расстояния позволяла теперь размещать производство где угодно — например, вблизи источников сырья, в местах с дешевой рабочей силой или рядом с рынком сбыта, — а не как раньше — только по соседству с угольной шахтой или рекой.

В 1907 году к электрической сети было подключено 8 % строений, в 1921-м — 37,8 %, в 1929 году — 67,9 %, в том числе жилые дома. В 1929 году США вырабатывали больше электроэнергии, чем весь остальной мир.

В "Деле Артамоновых" (1925) Максим Горький рассказывает, как брат и племянник Петра Артамонова "против его

желания" построили на семейной льнопрядильной фабрике электрическую станцию, что в результате оказалось "выгоднее и безопаснее". Дело было до революции 1905 года. Это неприятие инноваций главой рода, думаю, призвано показать, что он теряет хватку: первые электростанции в России были построены в 1886-м (крупнейшая в Европе) и 1897-м.

В США в результате электрификации резко вырос спрос на электроприборы. В эту категорию входили фонографы, стиральные, посудомоечные и швейные машины, пылесосы, кофеварки, а также изобретенный в 1919 году холодильник, считавшийся умопомрачительной роскошью. С 1921 по 1929 год продажи электроприборов почти удвоились. Продажи радио, правда, почти с нулевой базы, подскочили в 30 раз: в 1920-е годы начинается регулярное радиовещание. В отличие от автомобиля радио было очень дорогим, на него копили годами всей семьей.

В романе "Регтайм", действие которого происходит в 1900–1910-е годы, горничная чистит ковер "новомодным электрическим всасывающим очистителем", то есть пылесосом. Электрическими розетками нашпигован дом Джорджа Бэббита, героя романа известного американского писателя первой трети XX века Синклера Льюиса "Бэббит" (1922). Бэббит — торговец недвижимостью в провинциальном городке, спешащий воплотить американскую мечту. В его доме "везде электричество заменяло свечи и грязные камины. В спальне было три штепселя для ламп, скрытые крошечными медными дверцами. В коридоре были специальные штепсели для пылесосов, а в гостиной — для торшера и для вентилятора. В нарядной столовой… тоже были специальные штепсели для электрического кофейника и электротостера".

Героини "Бэббита" — в основном домохозяйки. Дамы не работают: мужья против, иначе пойдут разговоры, будто они их плохо обеспечивают. Хотя прислуги держат мало, забот

по дому часа на два, экономия усилий достигается за счет газового отопления, электрических плит, пылесосов. В остальное время жены объедаются шоколадом, ходят в кино, разглядывают витрины, сплетничают и играют в карты.

В иронической повести Синклера Льюиса "Человек, который знал Кулиджа" (1927) содержится сентенция о том, что дала "современная американская наука" домохозяйке, и еще одна ода пылесосу: "Только подумай об электромойке для посуды — работа хозяйки сводится, можно сказать, к минимуму — и о пылесосе. Что за изобретение! Не надо больше подметать и выколачивать ковры — пусть проповедники толкуют обо всяких таинствах; изобретя пылесос, Америка дала миру собственное таинство, и оно останется, когда колонны Акрополя рассыплются в прах". Вот она, новая Америка: "радио вместо фисгармонии, электролампа с художественным абажуром вместо старинной керосиновой и журнал с двухмиллионным тиражом вместо старой пыльной книги, переплетенной в телячью кожу".

■ ■ ■

В 1920-е на фондовом рынке был бум, там играло около миллиона американцев. Массово возникали взаимные фонды. В 1921 году индекс Доу — Джонса, индекс цен акций крупнейших промышленных компаний, колебался ниже отметки 80 пунктов, к концу 1928-го он достиг 300 пунктов, а на пике, 3 сентября 1929 года, составил 381 пункт.

Массовое инвестирование американцев в фондовый рынок было подготовлено их знакомством с ценными бумагами: во время Первой мировой повсеместно продавались военные облигации, так называемые облигации свободы. Чарли Чаплин даже снял за свой счет короткий рекламный фильм про эти облигации. Распространением облигаций занимается героиня "К востоку от Эдема" Оливия.

В 1920-х годах у инвесторов в фаворе акции не только производителей электрооборудования и бытовой техники, радиовещательной Radio Corporation of America, но и химических концернов, компаний, связанных с кинематографом (в 1927-м был создан первый звуковой фильм), а также авиационные акции.

Всплеск интереса к авиационной отрасли связан с полетом в Париж пилота Чарлза Линдберга в мае 1927 года. Это был первый беспосадочный одиночный перелет через Атлантику. Предыдущие 12 попыток закончились неудачно, из них шесть — смертью. Слава Линдберга была примерно такой же, как у Юрия Гагарина после первого полета в космос.

Один из главных героев "Больших денег" Дос Пассоса — Чарли, талантливый инженер и соучредитель крупной компании, разрабатывающей авиационные двигатели. Раньше он мыкался в поисках работы, был вечно на мели, и девушки рядом с ним не задерживались. Но вот инвесторы найдены, и дела начинают налаживаться. "Авиация — это отрасль, за которой будущее… Лет через десять…" — такими словами уговаривает Чарли свою новую пассию остаться с ним. Финансовый раздел газеты "Ивнинг Ньюс" предсказывает бум акций авиастроительных компаний. То, что Чарли связан с этой отраслью, теперь начинает привлекать женщин. На одной из вечеринок он сообщает, что занимается авиадвигателями, и слышит в ответ: "Значит, вы летчик. Ах, как здорово, с ума можно сойти". Один из героев романа верит, что на самолетах можно заработать столько денег, сколько никогда не заработаешь, "торгуя дешевыми «фордами»".

Кстати, судя по тексту романа "К востоку от Эдема" интерес к авиации возник много раньше 1927 года. Ведь Оливия, которая продала очень много военных облигаций, удостоена "небывалой награды" — короткого полета на военном самолете. Или это придумка автора, который родился в 1902-м и писал роман о 1910-х в конце 1940-х — начале 1950-х?

В 1920-е выходят из моды семейные корпорации, все увлечены акционерными обществами. Джо, партнер Чарли, хотел бы "сам управлять заводом в провинциальном городке и потом передать его по наследству своим внукам", но это было приемлемо лишь в далеком прошлом. "Теперь же, если бизнес топчется на одном месте, не расширяется, можешь забыть о нем". Партнеры приходят к выводу, что для развертывания производства одного из типов самолетов им нужна корпорация, то есть публичная компания. Чарли становится ее вице-президентом с зарплатой в 25 тыс. долларов в год (полмиллиона в пересчете на нынешние цены). Инженеру Чарли приходится вникать в финансовые вопросы: "...на листках бумаги появлялись такие мудреные слова, как «капитализация», «амортизация», «износ», а за ними следовали крупные цифры с кучей нулей". "Скоро все мы будем с большими деньгами", — уверены предприниматели. Мечта сбывается: концерн провел первоначальное размещение акций (IPO), взлетел — и Чарли стал сказочно богат.

На свободные деньги он скупает акции других компаний. Системы у него нет: в один день "Чарли решил бросить монетку, чтобы попытать судьбу. Выпал орел. Он позвонил в офис и распорядился скупать завтра акции по цене открытия". Подзуживают и брокеры, которым активный клиент выгоден: Чарли нравится разговаривать с брокером по междугородному телефону, а тот убеждает инженера, что у него "крепнет чутье рынка ценных бумаг". Чарли играет на инсайдерской информации, что в те годы не было запрещено. Он получает телеграмму от некоего сенатора и спешит поговорить с брокером. На следующую ночь телеграфные агентства передают сообщение о внесении в конгресс законопроекта о субсидировании пассажирских аэролиний, и акции авиационных заводов мгновенно взлетают. Чарли продает все по самой высокой цене, а вечерние газеты не подтверждают сообщений агентств.

Чарли вдруг обнаруживает, что может пользоваться банковским кредитом, и пользуется этой возможностью с упоением. Новый автомобиль, изысканные костюмы от “Брукс Бразерс”[1], застолья в ресторанах, спортивный “паккард-фаэтон”, длинный, низенький, сделанный на заказ, с кожаной обивкой.

К Чарли пытается вернуться девушка, бросившая его когда-то по причине его бедности. Она пишет: “Чарли — ты мой лучший друг (подчеркнуто двумя линиями), тот человек, который живет в реальном мире бизнеса, производства и труда, и все такое, к которому мне так сильно хотелось бы принадлежать”.

Вот как Дос Пассос изображает новостной фон, относящийся к фондовому рынку (текст с пропущенными запятыми — его фирменный стиль): “Широкая реклама умение вздувать цены на бирже расширение услуг телеграфных аппаратов, передающих сообщения с биржи оборудование такими аппаратами всех брокерских контор, ясные увеличенные светящиеся строчки биржевых сообщений привели к вполне естественному результату — возникновению по всей стране повышенного интереса к фондовой бирже”.

Заголовки в прессе такие: “На рынках царит оптимизм” или “Займы брокеров опять сильно возросли”. Второй — признак надвигающегося краха. Чем больше рычаг (отношение заемных средств к собственным), с которым ведется торговля, тем рискованней операции. Перед кризисом 1929 года был зафиксирован не только резкий рост займов брокеров, но и процентов по ним, устанавливаемых банками, что современные экономисты трактуют как понимание рынком неизбежности краха.

1 Премиальный бренд мужской одежды.

■ ■ ■

Еще один роман о процветании 1920-х годов в США — "Острие бритвы" (1944) написан англичанином Сомерсетом Моэмом. Повествование охватывает великое процветание и Великую депрессию, описывая жизнь состоятельных американцев. Моэм точно уловил и передал изменения в психологии инвесторов, вызванные длинным рынком быков.

В инвестировании он кое-что понимал. Гонорары за свои ранние книги Моэм вложил в государственные облигации США. В 1921 году фирма, где был открыт его брокерский счет, обанкротилась, и Моэм считал, что банкротство было мошенническим. Он смог вернуть две трети своего капитала и эти деньги опять вложил в облигации — на этот раз через более надежного брокера. В облигациях Моэм "пересидел" Великую депрессию.

Героям "Острия бритвы" кажется, что в Америке наступает "золотой век", блаженное состояние, и американских "королей коммерции вполне можно приравнять к тем меценатам времени итальянского Возрождения, которые наживали свои богатства торговлей. Например, Медичи. Два французских короля не погнушались взять в жены девиц из этого прославленного рода, и… недалек тот час, когда европейские монархи будут домогаться руки той или иной принцессы долларов".

Один из главных героев романа Грей — компаньон в брокерской конторе. В 1920-е дела фирмы идут блестяще, Грей гребет деньги лопатой. По поводу рождения первого ребенка дарит жене кольцо с огромным бриллиантом, второго — соболье манто. Старший компаньон в конторе, его отец Генри Мэтюрин, может позволить себе еще больше. Он обожает сына, ни в чем не отказывает и однажды к Рождеству дарит ему усадьбу в Южной Каролине, чтобы было куда съездить на две недели пострелять уток.

Генри занимается, в частности, управлением деньгами тещи своего сына миссис Брэдли и ее брата Эллиота Темплтона. Сначала он очень консервативен, не поощряет спекуляций и помещает их деньги в самые солидные ценные бумаги. Его рекомендациям верят безоговорочно. Возможно, потому, что капитал все равно прирастает. Это признак растущего рынка — тебя выносит наверх волна: "…с ростом курса акций их сравнительно скромные состояния тоже росли, что и поражало их, и радовало". Эллиот, не ударив пальцем о палец, оказывается в 1926 году почти вдвое богаче, чем был в 1918-м. Генри отговаривает и других своих клиентов от сомнительных инвестиций. Гонит из офиса старушку, которая пришла вложить деньги в нефтяную схему, рекомендованную ей приходским священником. Известная примета перегрева рынка — это когда рекомендации, куда вкладываться, начинают давать чистильщик сапог или дантист.

Однако постепенно осторожность уступает другим чувствам. Генри "не в силах больше смотреть со стороны, как его знакомые биржевики за одни сутки наживают состояния". Он перестает, наконец, противиться силе событий и, отбросив свою всегдашнюю предусмотрительность, поддается общему ажиотажу. Пишет Эллиоту Темплтону, что "к рискованным спекуляциям относится, как и раньше, отрицательно, но сейчас это не риск, это подтверждение его веры в неисчерпаемые возможности родной страны. Его оптимизм зиждется на здравом смысле. Ничто не может приостановить бурное развитие Америки". Заодно Генри информирует Темплтона, что новая тактика инвестиций в интересах миссис Брэдли принесла ей 20 тыс. долларов, и просит "свободы действий", о которой Эллиот "не пожалеет". Эллиот далек от биржевых спекуляций, но даже он не может устоять против такого искушения и теперь, получая вместе с утренним завтраком газету, первым делом просматривает не светскую хронику, а биржевые сводки.

К счастью, Эллиоту Темплтону хватает здравомыслия вовремя выйти из инвестиций. "Операции, которые Генри Мэтюрин провел для него, оказались такими удачными, что у Эллиота очистилась кругленькая сумма в пятьдесят тысяч долларов, доставшаяся ему как бы в подарок". Он решает купить дом на Ривьере. Бежать от суетного света постаревший Темплтон собирается в Антиб, который в скором времени становится средоточием фешенебельной жизни. Всемогущее ли провидение или собственный безошибочный инстинкт подтолкнул его к такому выбору, не суть важно. Дом в Антибе станет прибежищем для друзей и родных, которые потеряют состояния во время Великой депрессии — она не за горами.

В Европу переберется и Чарли, герой рассказа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда "Опять Вавилон" (1931), действие которого происходит во время Великой депрессии. Крах на американской бирже пустил его по миру, но Чарли нашел работу по найму в Праге. Очутившись в Париже, он спрашивает в баре старого знакомого — старшего бармена Поля, "который в те дни, когда на бирже еще играли на повышение, приезжал на работу в собственном несерийной модели автомобиле — хоть, правда, из понятной щепетильности оставлял его за углом". Да, в 1920-е годы экономический бум был глобальным, "ревущие двадцатые" (roaring twenties) по-французски назывались "сумасшедшими годами" (années folles). Глобальной будет и депрессия, правда, Европа вползет в нее на год-два позже.

Другому Чарли, из "Больших денег", тоже не повезло, ему не удается сохранить богатство. Азарт приводит к все более абсурдным решениям. Но это будет потом, а пока все признаки бума налицо. "Над головой в голубом небе гудит самолет. <…> Трансконтинентальные пассажиры уютно устроились в мягких креслах, большие люди с банковскими счетами, у них

хорошо оплачиваемая работа, их встречают у подъезда привратники, миловидные телефонистки приветствуют их, говорят «доброе утро». <…> Трансконтинентальный пассажир думает о контрактах, прибылях, путешествиях во время отпусков, об этом могучем континенте, протянувшемся от Атлантического до Тихого океана, о власти, о шелесте долларовых бумажек; перенаселенные города… асфальтированное платное шоссе, авиатрасса; поезда, самолеты: история ускорения ценой в миллиарды долларов…”

“Счастье всегда нас ждет только завтра…”

Глава девятнадцатая

Великая экономическая депрессия в творчестве Хораса Маккоя, Эрскина Колдуэлла и Джона Стейнбека

29 октября 1929 года — в день, который окрестили “черным вторником”, — начался обвал на рынке акций США. Это стало началом Великой депрессии. Рынок и экономика катились и катились вниз целых три года, а потом еще лет семь находились в состоянии стагнации, которая была преодолена, да и то не до конца, лишь с началом Второй мировой войны.

Нижним пиком депрессии считается 1932 год. Фондовый рынок (а точнее, индекс Доу — Джонса) упал с пикового значения в 381 пункт, достигнутого 3 сентября 1929 года, до 41 пункта в июле 1932-го, то есть почти в десять раз! Вызван такой коллапс был в том числе и тем, что инвесторы, покупая акции, использовали заемные средства, и когда бумаги падали в цене ниже стоимости кредита, возникал так называемый margin call — требование довнести капитал. Если его не было, приходилось продавать бумаги, что вызывало дальнейшее падение. И так далее по цепочке.

Экономика тоже упала очень сильно, но все же меньше. Промышленное производство потеряло 47 %, ВВП в реальном выражении — 30 %, доходы населения, налоги, прибыли, цены

и международная торговля сократились на 5–75 %. Строительство остановилось вовсе. Цены на сельхозпродукцию стали ниже на 60 %.

В 1933 году к власти приходит демократ Рузвельт. Он сменяет крайне непопулярного республиканца Гувера, сторонника невмешательства в экономику, политику которого считают причиной того, что кризис стал затяжным. Рузвельт придерживается прямо противоположного плана. Он начинает регулировать зарплаты, вводит социальное страхование, приказывает организовать общественные работы, нацеленные в основном на создание инфраструктуры. Они, по задумке, должны дать толчок развитию других отраслей экономики через так называемый мультипликатор: если строить дорогу, то возникнет спрос на асфальт, он породит спрос на битум и песок… Рабочие на зарплату купят еду, сходят в парикмахерскую и кино, парикмахер купит еду и одежду… Современные экономисты к мерам Рузвельта по стимулированию экономики относятся неоднозначно. Некоторые полагают, что активное вмешательство государства только консервировало стагнацию.

На пике кризиса безработица достигает 20–25 %, а общее количество безработных — 10 млн. Напомню, что в стране проживало 120 млн человек, из них экономически активное население составляло 40 млн[1].

Особенно бедственное положение у фермеров. Как упоминалось выше, цены на сельхозпродукцию падают, а с ними и доходы фермеров. Падение цен экономисты объясняют несколькими причинами. Утверждают, что во время Первой мировой, когда США экспортировали львиную доля произведенных зерна и мяса, чтобы помочь союзникам, структура потреб-

1 Его так мало, потому что женщины экономически активными не считаются, общественное мнение (и государственная статистика) видит в них лишь домохозяек. Если бы учитывалась безработица среди тех женщин, которые хотели работать, то цифры были бы больше.

ления в стране сместилась в сторону фруктов и овощей. Когда же война завершилась, предложение на внутренний рынок вернулось, причем фермеры стали производить даже больше, а вот спрос отставал, и существенно. "Сухой закон", введенный еще в 1920 году, резко сократил спрос на зерно. Повлияла и международная конкуренция, поскольку запретительных тарифов на импорт сельхозпродукции не существовало. Все эти факторы сложились еще до Великой депрессии, ну а кризис довершил дело.

С 1933 года администрация Рузвельта даже стала принимать меры по поддержанию цен на сельхозпродукцию, в частности, хлопководам платили за уничтожение урожая, а свиноводам — за сокращение поголовья молодых поросят. Хлопок и мясо уничтожались, в то время как многим было нечего надеть и нечего есть.

Против фермеров играет, как ни странно, и технический прогресс. С появлением трактора собственнику нет нужды делить крупный участок на лоты и сдавать в аренду нескольким фермерским семьям — один тракторист вспашет все за раз.

У многих участки взяты в аренду, а те, что остались в собственности, заложены банкам. Кредиторы вынуждают продавать заложенную у них землю в погашение просроченных платежей. Должники выкручиваются как могут. В одних местах угрожают юристам, ведущим аукцион по продаже, в других в складчину выкупают продаваемые с аукциона участки и бесплатно возвращают их прежнему владельцу. Но таких счастливчиков меньшинство.

Типичные приметы времени находим у Стейнбека, Эрскина Колдуэлла и Хораса Маккоя. Произведения двух последних стали широко известны благодаря экранизациям, а сами книги прошли почти незамеченными. "Табачная дорога" Колдуэлла была опубликована в 1932 году, а экранизирована в 1941-м режиссером Джоном Фордом. Повесть "Загнанных

лошадей пристреливают, не правда ли?" Маккоя увидела свет в 1935 году, а фильм по ней был снят в 1969-м Сидни Поллаком, в главной роли снялась Джейн Фонда.

Если уж речь зашла о фильмах, то можно вспомнить и "Похитителей велосипедов" Витторио де Сики, одного из лидеров итальянского неореализма. Фильм рассказывает совсем о других городах и временах — действие в нем происходит в послевоенном Риме, но атмосфера абсолютно такая же. Нищета, безработица, вещи дороги настолько, что застиранное постельное белье можно заложить в ломбард, и его спокойно принимают.

■ ■ ■

Сюжет "Загнанных лошадей пристреливают..." довольно прост. Множество пар участвуют в изнуряющем многодневном танцевальном марафоне только ради того, чтобы получить контракт на выступление и прокормить семью, причем для некоторых участие в этом соревновании заканчивается смертью — сердце не выдерживает. Большинство пар понимают, что не выиграют. Они регистрируются на марафон из-за бесплатного ночлега и кормежки: "...гарантировано трехразовое питание — три главных блюда и четыре легкие закуски. Некоторые за время состязаний даже прибавляют в весе". Среди участников есть даже беременные: "...круглый живот Руби сильно выдавался вперед. Казалось, что под свитер она затолкала подушку". Руби на пятом месяце, она рассчитывает выиграть, если не родит раньше.

Организаторы оказываются хитрее участников. Зрителей мало, а пары слишком медленно сходят с арены — их корми да корми. Тогда устроители придумывают дерби-марафон в конце дня. Дерби — это престижные лошадиные скачки, отсюда и выражение "загнанные лошади" в названии книги.

По условиям дерби пара, пришедшая последней, выбывает. Это придает остроту и динамизм зрелищу, собирает публику и сокращает затраты организаторов. На это участники не подписывались, но у них нет выхода, и никто не протестует.

Помимо главного приза можно подзаработать еще кое-какие крошки. Иногда зрители с возгласами: "Пусть прольется серебряный дождь!" бросают на пол серебряные монеты, но когда их собирают, оказывается всего 75 центов. Для сравнения: килограмм хорошего мяса стоил тогда примерно 70–80 центов[1].

Изредка находятся спонсоры, которые могут выдать одежду с фирменными логотипами и обувь, ведь своя быстро изнашивается. Одна пара согласилась подзаработать на фиктивной свадьбе, устроенной для развлечения зрителей. Победитель дерби каждого дня может получить случайный "приз зрительских симпатий", если найдутся желающие выступить спонсорами. В один день десятидолларовую банкноту пожертвовала "очаровательная звезда киноэкрана мисс Руби Килер". Но главный приз, тысяча долларов, не достается никому. Зрители устраивают в баре перестрелку, есть раненые и погибшие, шоу закрывает полиция. К этому моменту осталось 40 пар, они делят между собой призовую тысячу, и еще столько же организаторы накидывают "от себя". Получается по 50 долларов на пару или по 25 на человека.

Главная героиня — Глория — со своим партнером выходит на пляж в калифорнийском местечке Малибу, где проводилось шоу и где "живут все кинозвезды". Там она и произносит фразу, которую мы вынесли в название главы: "Счастье всегда нас ждет только завтра..." Глория просит партнера застрелить ее, чтобы "больше не мучиться", тот помогает из милосердия

1 Это из "Гроздьев гнева" Стейнбека, там фермеры из Оклахомы, заядлые мясоеды, все время пытаются купить мяса и обсуждают цены на разные части туши.

и оказывается в тюрьме за убийство. Голливуд не удержался-таки от хеппи-энда в фильме: марафон благополучно завершается, победительницей становится, конечно же, Глория — героиня Джейн Фонды. Ее ждут не только деньги, но и шанс получить роль в кино.

■ ■ ■

Полной безысходностью заканчивается и "Табачная дорога" Колдуэлла. Сам автор происходит из семьи "бедных белых" с плантаторского юга США, точнее из штата Джорджия, он сын пресвитерианского священника. Колдуэлл описывает жизнь своей социальной прослойки — мытарства белых "плантаторов". Это усиливает впечатление от книги, ибо если бы бедствующими героями были черные, то мало кто удивился бы: списали бы на притеснения. Здесь же на грани жизни и смерти оказываются сами "угнетатели".

В центре повествования семья Лестеров: глава семьи Джитер, его жена Анна, старуха и младшие дети — сын Дьюд и дочь Элли-Мэй. Всего детей было семнадцать, пятеро умерли, а десять выросли и ушли из дому. Семья бедствует, как и другие жители их поселения, где все специализируются на выращивании хлопка. Экономическая история семьи вкратце такова. Когда умер отец Джитера, к сыну перешли остатки земель Лестеров. Однако ему было отказано в праве выкупа заложенной земли у банка из-за просрочки закладной. Чтобы удовлетворить кредиторов, срубили весь лес и продали еще один большой кусок земли. Через два года Джитер оказался запутавшимся в долгах настолько, что потерял не только всю землю, но и дом. Капитан Джон Хармон, который купил ферму с торгов, разрешил Джитеру и его семейству жить в одном из домов и работать на него издольщиком. "Начиная с этого времени Джитер из года в год погружался во все более горькую

нужду". Он продал мулов и другой скот, лишившись при этом своей доли в две трети с годовых доходов, для него навсегда закрылся кредит на табак, съестные и другие необходимые припасы в местных лавках.

Каждый год в начале февраля Джитер начинал хлопотать о полевой работе и пытался добиться в кредит у местных торговцев семян хлопка и гуано[1]. "Его просьбы дать ему в кредит хотя бы десять центов встречали отказ везде. Тем не менее он каждую весну опаливал то тут, то там поле на ферме и освобождал землю к пахоте на случай, если кто-нибудь одолжит ему мула или даст немного хлопковых семян и гуано. Так оно шло все последние шесть или семь лет".

Наконец настал год, когда Джитер не смог найти никакой работы. "Ближе чем за двадцать миль не было фермеров, которые держали бы работников, потому что все они были в положении Джитера, некоторые даже в худшем". Но он не оставляет надежды засеять поле. Только вот где взять денег? Получить ссуду в банке он пробовал три или четыре раза, но неудачно, потому что у него не было залога и ему не удавалось найти поручителей. В итоге ему приходится обратиться в ссудную компанию. На каких условиях она предоставила деньги и с чем остался Джитер, мы уже рассказали в главе "Ростовщики". Для тех, кто пропустил эту главу, сообщим только, что после возврата всех долгов он "ушел в минус".

Семье нечего есть. "Сегодня в доме опять было очень мало еды. Ада сварила в котелке какой-то соленый суп из кусков кожи от шпика да испекла кукурузный хлеб, — вот и все, что было, когда они сели за стол. Но даже и этого на всех не хватило, и старую бабушку выставили из кухни, когда она сунулась было в дверь". Бабушку не допускают и к остаткам табака. Ее банка вот уже неделю пуста, а полная где-то спрятана. "Ба-

1 Естественное удобрение из помета морских птиц и летучих мышей.

бушка только тогда и имела табак, если случайно находила где-нибудь спрятанную банку и брала себе немного, пока никто не видел. Джитер несколько раз давал ей за это пинка…"

Между тем сосед, зять Лов, добыл где-то мешок репы. Сын выговаривает отцу, главе семьи Джитеру: "Почему ты не пойдешь и не украдешь мешок репы? Ни на что другое ты не годен". Но Джитер считает, что причина бедности семьи не в его лени: он всю жизнь работал на капитана Джона на его полях и пахал "за четырех негров". Но теперь нет ни работы, ни возможности взять взаймы хлопковых семян, удобрения и мулов. Продуктов и табака перепадает, только если удается отвезти дрова в ближайший город.

Джитер решается-таки на кражу репы. Семейка пробирается во двор, задача стащить мешок ложится на главу семьи, Ада и бабушка помогают Джитеру "двумя большими тяжелыми палками", Элли-Мэй удерживает Лова. Джитер хватает мешок и бросается через табачную дорогу[1] к лесу позади хлопкового поля. Дьюд пытается найти папеньку, "прежде чем будет съедена вся репа", и находит. Джитер отсыпает ему пять штук маленьких. Сынуля выпрашивает еще, но Джитер бьет его локтями, чтобы тот не лез в карманы, где репа припрятана. Когда Джитер приходит домой, Ада и Элли-Мэй набрасываются на карманы его штанов, "с отчаянной поспешностью извлекая оставшуюся репу".

Джитер швыряет три самые маленькие на крыльцо бабушке, которая падает на колени, прижимает их к животу, а потом принимается жевать беззубым ртом. "Объяснение" его поведения таково: "Джитер сердился на нее за то, что она так зажилась, он не желал ее кормить и всячески старался не под-

1 Вот почему дорога табачная: семьдесят пять лет назад "по ней катили табачные бочонки и громадные бочки, в которые укладывался лист после того, как он был высушен и выдержан в глинобитных сушильнях; тысячи таких бочек катились по вершине кряжа, соединявшей цепь холмов, и они проложили гладкую, твердую дорогу протяженностью 15 миль".

пускать к пище". Но бабушка не промах: "Однако она научилась находить какие-то свои особые средства для поддержания сил. <... > Иногда она варила листья и корешки, другой раз ела дикие травы и цветы на полях". Чем не наш голодомор?

Репой голод утолен лишь на полдня. Снова нечего есть. Джитер решает отвезти дрова в соседний городишко Аугусту. Он смог бы выручить 50–75 центов, максимум — доллар, а за вычетом расходов на бензин и масло — центов 25. Для этого нужно починить все шины старого автомобиля, но не на что. Тут вдруг подворачивается удача. Соседке Бесси после смерти бывшего мужа достается его страховка по случаю смерти — 800 долларов, а ей ужасно хочется иметь автомобиль.

Автомобиль наконец приобретен, и Бесси соглашается отвести Джитера и Дьюда в город, чтобы продать дрова. Тогда можно будет купить две-три банки табака и рисовой муки на неделю. Однако разучившийся водитель портит машину: врезается в грузовик и мнет бок — и забывает залить масло и портит двигатель. Дрова в первый день продать не удается, теплится надежда, что, может быть, удастся во второй. Решают заночевать в городе, в гостинице. Троица отправилась почти без денег, поэтому решают продать запасное колесо — за три доллара, "хорошеньких и новеньких". "Там, в Фуллере [поселок, где жил Джитер], все деньги... готовы были развалиться на кусочки, до того они были истрепаны. А здесь, в Аугусте... добротные". Компания явно ценит новые купюры выше старых. Покупают еды — "большой мешок содовых бисквитов и два фунта желтого сыра", по пятьдесят центов за человека платят на гостиницу. Три доллара — как корова языком слизнула.

Дрова не удается продать и на следующий день. Раньше всегда покупали, а теперь — нет. Депрессия! Возвращаются домой унылые. На подъезде к Фуллеру дубняк решают сжечь, иначе соседи засмеют. А он еще и плохо горит! Итак, потери

от этой затеи: новая машина разбита, запаска продана задарма и деньги потрачены, несколько дней работы по заготовке дубняка псу под хвост. По-прежнему нечего есть, и денег нет совсем.

Последняя надежда на одного из сыновей, Тома, по слухам, разбогатевшего на подрядах на производство шпал. У него, говорят, 100 мулов. Но Том непреклонен: если родителям нечего есть, то пусть отправляются "в дом призрения бедных".

Время весенней пахоты миновало, а поле так и не засеяно. Вплоть до этого года Джитер "жил в надежде, что в последнюю минуту что-то случится и он получит мула и кредит, но теперь ему казалось, что надеяться уже бесполезно… Теперь его вера в Бога и землю пошатнулась настолько, что дальнейшие неудачи легко могли сломить его дух… Он по-прежнему недоумевал, почему у него нет ничего и никогда ничего не будет, и этого не знал никто и никто не мог объяснить. Это была неразрешимая загадка его жизни".

Дождя не было давно, и ночью к дому Джитера подступает лесной пожар. Джитер и его жена Ада сгорают в огне, даже не проснувшись. Последнее желание Джитера исполнилось. Ведь он мечтал, чтобы, когда он умрет, его труп не сожрали голодные крысы, пока он будет лежать в открытом гробу…

■ ■ ■

Массовой становится миграция разорившихся фермеров в Калифорнию, где лучше климат и более активный, как они надеются, рынок труда. В 1931 году границу штата пересекают 800 тыс. автомобилей. Что означает эта статистика, не до конца понятно. В романе Джона Стейнбека "Гроздья гнева" (1939), лучшей книге о Великой депрессии, где описывается переезд в Калифорнию в поисках птицы счастья фермерской семьи из Оклахомы, изгнанной индустриализацией со своей

земли, в грузовике едут аж 13 человек — и в кабине, и в кузове, и на крыше. Когда машина ломается, их на буксир берет легковушка: "Пятеро ехали в машине, а семеро в прицепе, и собака тоже в прицепе". Их обгоняет "рыдван с отпиленным верхом. Набит посудой, матрацами, ребятишками, курами".

Общая картина такая: "На дороге двести пятьдесят тысяч человек. Пятьдесят тысяч старых машин — израненных, с клубами пара над радиатором. Развалины, брошенные хозяевами. А что случилось с ними? Что случилось с людьми, которые ехали вот в этой машине?" За бензин отдают последнее. Владелец заправки выменял за бензин и масло кровати, детские коляски, кастрюли, сковороду и куклу. "Один за галлон бензина башмаки с себя снимал". А самые бедные едут железной дорогой. Сколько их — не сосчитать. Существует отрывочная статистика: например, известно, что всего за один месяц 1932 года одних только "зайцев" на железной дороге было поймано 80 тыс.[1]

"Гроздья гнева" формально привязаны к чуть более позднему времени, нежели депрессия: действие происходит в 1937-м. Роман тоже был экранизирован, и тем же самым режиссером, который снял фильм по "Табачной дороге", но здесь история совсем другая. Книга и проповедуемые в ней идеи — а автор явно сочувствовал "красным" — стали популярны еще до экранизации, причем настолько, что вызвали бурю эмоций в стране. От гонений автора спасло лишь заступничество Элеоноры Рузвельт. Жена президента прочитала книгу и публично заявила, что та ей понравилась. Затем и муж, то есть действующий президент, выступил с призывом исправить ситуацию, описываемую в романе. О том, что это за ситуация, — чуть ниже.

Фильм по мотивам книги был выпущен уже в 1940 году. Его создатели были раздражены коммунистическим уклоном

1 Rauchway E. *The Great Depression and the New Deal. A Very Short Introduction*. N. Y.: Oxford University Press, 2008.

романа. Они послали собственных корреспондентов в Оклахому и Калифорнию, чтобы перепроверить положение дел на месте. Экранизация как будто бы сделана специально, чтобы смягчить обличительную силу книги. Недаром Голливуд находится в Калифорнии! В фильме сцены того, как сгоняют фермеров с их земель в Оклахоме, были сняты в соответствии с текстом, может быть, страдания фермеров были даже преувеличены, а вот ужасы жизни гастарбайтеров в Калифорнии серьезно смягчены. Эпизоды о жизни на фруктовых плантациях солнечного штата были выдержаны в духе сталинского соцреализма — счастливые и довольные “поселяне и поселянки” пышут счастьем и здоровьем, живут в комфортабельных лагерях, где созданы все условия для труда и отдыха. Фильм прошел по стране с оглушительным успехом и сгладил шокирующее впечатление от книги. После успеха фильма лавры посыпались и на голову Стейнбека: в 1941 году он получил Пулицеровскую премию, а в 1962-м стал Нобелевским лауреатом, и именно за “Гроздья гнева”.

■ ■ ■

Что бы ни пропагандировал фильм, в книге дело было вот как. Если у Колдуэлла в “Табачной дороге”, где действие происходит, может быть, лет на пять раньше, чем в “Гроздьях гнева”, поля пока обрабатываются без техники — на мулах, то у Стейнбека разорение мелких фермеров довершает появление трактора. Кроме того, массовые банкротства оклахомских фермеров-хлопководов вызваны и серьезнейшей засухой, поразившей средний запад США в тот год.

Герои Стейнбека мечтают о войне, и побыстрее, потому что из хлопка делают взрывчатые вещества и обмундирование, и в случае войны цены на хлопок подскочат. Но очень скоро крестьян с арендованной ими земли, где они выращивают хло-

пок, сгоняют. Аренда больше не оправдывает себя. Один тракторист может заменить 12–14 фермерских семей. "Плати ему жалованье и забирай себе весь урожай".

Дома приказано сравнивать с землей — ведь они стоят на участках, которые живущим там не принадлежат. Тракторист бахвалится: "Если арендатор еще не выехал, у меня на этот счет особое распоряжение... Мало ли что случается... подъехал к дому слишком близко, задел его трактором самую малость... Получу за это лишние два-три доллара". Тракторист, который выполняет эту грязную работу, зарабатывает неплохо: "Три доллара в день, и работа постоянная". Это 66 долларов в месяц при 22-дневной рабочей неделе, то есть около 1300 долларов в месяц в сегодняшнем выражении. Плюс прибавка за "снос" домов. На жалость тракториста рассчитывать не приходится. Колодец уже запахали.

Чтобы согнать людей с насиженных мест менее болезненно, — а поначалу некоторые собирались от трактористов отстреливаться, — агенты пропагандируют идею переезда в Калифорнию: там всегда есть работа, там не бывает холодов, там собирают урожаи круглый год и "стоит только протянуть руку — и рви апельсины".

Мечта о сладкой жизни в Калифорнии "овладевает массами". Старый чудаковатый дед размечтался: "Вот подождите, приеду в Калифорнию, буду там есть апельсины. И виноград. Никогда винограду всласть не ел. Сорву с куста целую кисть, вопьюсь в нее, только сок брызнет". Через некоторое время: "А виноград там растет прямо у дороги! Знаете, что я сделаю? Нарву полный таз и плюхнусь туда прямо задом, да еще поерзаю, пусть штаны соком пропитаются". И снова: "Вот приедем в Калифорнию, я там с виноградом не расстанусь, так и буду ходить с кистью: чуть что — и в рот". Грезит наяву и мать: "Может, в Калифорнии будет хорошо. Холодов там нет. Повсюду фрукты. Люди живут привольно, в беленьких домиках, среди

апельсиновых деревьев. Может, и мы… устроимся жить в белом домике. Малыши будут рвать апельсины прямо с дерева". Отец сыну тоже напевает сладкие песни: "Здесь нам трудно жилось. Там все будет по-другому — работы вдоволь, места красивые, везде зелень, дома беленькие, куда ни глянь — апельсиновые деревья. <…> Фрукты будем собирать в тени, под деревьями, нет-нет и съешь что-нибудь повкуснее. Да там столько этого добра, что хоть объедайся, никто тебе ничего не скажет. А если будут хорошо платить, может, купим небольшой участок, сами станем хозяевами, а подрабатывать — на стороне".

Только что вернувший из тюрьмы Том знал из рассказов одного парня, подавшегося в Калифорнию, что туда приехало очень много народу, все ищут работу, сборщики фруктов живут в грязных лагерях, с едой плохо, платят мало, работу найти трудно. Но ему не верят. Распродают имущество за гроши — со скупщиками, приехавшими специально, чтобы поживиться на отъезде фермеров, не поспоришь, они тут же понижают цену. Режут двух свиней, солят мясо и отправляются в путь на старом грузовике. По дороге реальное положение дел начинает понемногу проясняться, но герои все еще опьянены мечтами. Начинают попадаться и те, кто едет оттуда. По их рассказам, сборщикам фруктов платят очень мало — 12 центов в час, потому что туда, где нужны 200 человек, приходит тысяча, и многие так наголодались, что готовы работать за корку хлеба.

Так оно все и происходит, только еще хуже. Местные жители не жалуют приезжих. На Запад потянулся разоренный люд из Канзаса, Оклахомы, Техаса, Нью-Мексико, из Невады и Арканзаса. "Потянулись семьями, кланами, согнанные с мест пылью, трактором. <…> …спешили скорее дорваться до работы… все что угодно, любое ярмо, лишь бы заработать на хлеб". У них голодают дети, им негде жить. Они не считают себя чужаками. У них родилось и выросло в Америке семь по-

колений. Их предки сражались за революцию и участвовали в гражданской войне. Они американцы.

"Они надеялись найти здесь дом, а нашли только ненависть. Хозяева ненавидели их, ибо хозяева знали, что оки [уничижительное прозвище жителей Оклахомы в Калифорнии] народ крепкий, а они сами слабосильные, что оки изголодались, а они сами сыты по горло, и, может быть, хозяева слышали еще от своих прадедов, как легко захватить землю у слабосильного человека, если ты сам голоден, зол и у тебя оружие в руках. Хозяева ненавидели их. А в городах этих оки ненавидели лавочники, ибо они знали, что оки народ безденежный. <...> Горожане, мелкие банкиры ненавидели оки, потому что на них не наживешься. У этих оки ничего нет. Рабочие на фермах тоже ненавидели оки, потому что голодный человек должен работать... значит, наниматель автоматически снижает плату, и тогда на более высокую уже никто не сможет рассчитывать".

"Калифорнийцы много чего требовали от жизни — накопления капитала, успеха в обществе, удовольствий, роскоши, надежного помещения денег; а новые варвары требовали от нее только две вещи — землю и хлеб; и для них эти две вещи сливались в одну".

Гастарбайтеры живут в "ветошных поселках", представляющих из себя скопление рухляди, которые обычно возникают у воды. Вместо домов здесь "палатки, шалаши, лачуги из картонных коробок". Называются они гувервилями[1]. Разбивают палатку поближе к воде, а если палатки нет, идут на городскую свалку, приносят оттуда гофрированный картон и строят из него жилье. Когда лил дождь, это жилье размокало, и его уносило водой. Обосновываются в Гувервиле и рыщут

1 Городок из лачуг бездомных, названный по имени Герберта Гувера, президента США в 1929–1933 годах, которого считали виновным в том, что страна вползла в Великую депрессию.

по окрестностям в поисках работы, и те немногие деньги, которые оставались, уходят на бензин для разъездов. Обратите внимание на эту бедность по-американски: нет жилья, но есть собственный автомобиль.

Приезжих удивляет, что на фермах ни овощей не сажают, ни свиней не держат, ни кур. Выращивают всегда что-нибудь одно — хлопок, персики или салат. "А в другом месте — одни куры. Все остальное покупают, а ведь могли бы тут же, у себя на огороде, вырастить". Одна культура — это как раз признак интенсивного сельского хозяйства, а всего понемногу — это хозяйство полунатуральное и малоэффективное.

Кое-кто пытается обустроить свой огородик на бросовой земле, но это жестко пресекается шерифом: "Чтоб вас черт побрал, переселенцев. Вы скоро хозяевами себя здесь почувствуете". "И бледно-зеленые побеги моркови сбиты ногой, ботва брюквы затоптана. И бурьян снова захватывал свои прежние владения. Но шерифу нельзя было отказать в правоте. Урожай — это уже собственность. Земля вскопана, морковь съедена — да, человек, пожалуй, станет драться за землю, которая дала ему пропитание. Гнать его отсюда! А то возомнит себя хозяином. Пожалуй, пойдет на смерть, отстаивая этот клочок земли среди бурьяна". И они действительно — люди второго сорта в глазах местных: "Пришлые. Чужаки. Говорят они, правда, по-нашему, но это совсем другой народ. Посмотри, как они живут. Разве из наших кто-нибудь стал бы так жить? Да никогда!"

Семья, с описания жизни которой начиналось повествование, распадается, люди разбредаются кто куда. Бабка с дедом умирают еще по дороге. Один попутчик, бывший проповедник, который становится агитатором, получает пулю в лоб. Том — тот, что вернулся из заключения, ставший свидетелем убийства, вынужден скрываться, иначе его убьют или посадят. Жених дочери сбегает от нее, беременной. Она разрешается

мертвым ребенком. Наступает зима, все урожаи собраны, временной работы ждать до следующей весны, барак размыло дождями, машину залило, и она не заводится, да и бензина нет, деньги и продукты вышли. И это ведь не война. И даже не разгар Великой депрессии! Как сказал, помыкавшись, Том, "этой страны вовсе нет. Она только на картинках".

■ ■ ■

Но, как говорится, кому суп жидок, а кому бисер мелок. Совсем не так переносят тяготы Великой депрессии другие слои общества — привилегированные, в частности, разорившиеся брокеры. Об этом мы узнаем из романа Сомерсета Моэма "Острие бритвы", который цитировался в предыдущей главе. Как мы помним, дела у главных героев шли замечательно. Один, Эллиот, "вышел в кэш" и купил дом на Ривьере. Другие застали крах биржи в бумагах. Мэтюрин и Грей обанкротились.

Мэтюрин поплатился не только за самоуверенность, но и за порядочность. Он, видимо, возомнив себя новым Дж. Пи Морганом, "пригоршнями швыряет деньги", чтобы поддержать курс акций, и из собственного кармана восполняет убытки мелких клиентов, передавших ему деньги в управление. "Он говорил, что готов обанкротиться, что новое состояние он всегда сумеет нажить, но, если маленькие люди, доверившиеся ему, потеряют все, что имели, он будет навеки опозорен".

Мэтюрин умирает от удара, и Грею приходится справляться с положением одному. Банки отказывают ему в ссудах. Грей не может рассчитаться по своим обязательствам и его объявляют банкротом; заложенный дом уходит кредиторам; два отцовских дома продаются за бесценок. Изабелла, жена Грея, вынуждена продать свои драгоценности. "У семьи оста-

лась только усадьба в Новой Каролине, в свое время приобретенная на имя Изабеллы — и только потому, что на нее не нашлось покупателей".

Грей пытался искать работу, "хотя бы место клерка у одного из маклеров, сумевших удержаться на поверхности, но в делах наступил застой, работники не требовались. Он просил старых знакомых пристроить его на любую, пусть самую скромную и низкооплачиваемую должность, но безуспешно". В конце концов семья уезжает в Южную Каролину. "Тамошняя земля, когда-то приносившая сто тысяч долларов в год как рисовая плантация, уже давно захирела, превратившись в болота и заросли, способные привлечь только утиной охотой, и покупать ее никто не желал. Там они и жили с тех пор, как Грей разорился, и туда собирались вернуться и ждать, когда положение улучшится и Грей сможет найти работу".

На помощь приходит Эллиот, который, как мы помним, поселился на Ривьере. Кризис достигает французского побережья лишь два года спустя: "На Ривьере кризис поначалу отразился слабо. Правда… кое-кто понес большие потери, многие виллы остались на зиму закрыты, для нескольких других искали покупателя. В отелях множество номеров пустовало, владельцы казино в Монте-Карло сетовали, что сезон выдался не из лучших. Но по-настоящему гром грянул лишь два года спустя". На побережье от Тулона до итальянской границы было выставлено 48 тыс. земельных участков разных размеров. "Акции казино резко упали. Крупные отели снизили цены в тщетной надежде привлечь публику. Из иностранцев остались только потомственные бедняки, которым дальше беднеть было некуда, а они денег не тратили… Владельцы магазинов рвали на себе волосы".

Эллиота депрессия не коснулась. Он "не сократил свой штат прислуги и, в отличие от многих, не уменьшил ей жалованья; как и раньше, для титулованных гостей у него находи-

лись отборные яства и вина. Он купил себе роскошный новый автомобиль — выписал его из Америки, заплатив большую пошлину. Он щедро жертвовал на организованное епископом бесплатное питание для семей безработных. Словом, он жил так, будто кризиса и не было, будто половина населения земного шара не ощущала его последствий”.

Эллиот считает, что Грей и Изабелла живут в Новой Каролине “как свиньи”. Ведь “Изабелла без горничной, у детей нет гувернантки, две чернокожие няньки, и больше никакой прислуги”. У Изабеллы на пальцах ни одного кольца! Эллиот предлагает им свою парижскую квартиру с прислугой, обещает оплачивать их счета, чтобы Изабелла могла тратить свой небольшой доход на туалеты и мелкие удовольствия.

Доход Изабеллы — часть наследства ее родственницы миссис Брэдли, которая завещала Изабелле треть. Миссис Брэдли тоже понесла большие убытки во время Великой депрессии, потому что играла на акциях и не вышла из них вовремя, как советовал ей Эллиот. После ее смерти был продан большой чикагский дом, принадлежавший Брэдли. “Городские власти уже давно намечали снести ряд особняков, один из которых принадлежал ей, и построить на их месте громадный квартирный дом; привести этот план в исполнение мешала только упорная решимость миссис Брэдли умереть там, где жила. Стоило ей испустить дух, как явились подрядчики с предложением, которое наследники и поспешили принять”. К счастью, вскоре находится и покупатель на ферму, которую Эллиот в письме назвал “поместьем нашей бедной Луизы”.

“Около двух с половиной кило бумажных денег”

Глава двадцатая

Гиперинфляция в Германии и Австрии глазами Ремарка, Цвейга и Канетти

В конце рабочего дня Людвиг просит у своего босса Георга прибавки к окладу — сегодня ему повышали зарплату только в девять часов утра и только на восемь тысяч марок. В девять "это было еще кое-что", но потом объявили новый курс доллара, и Людвиг не может купить на них "даже галстук", "только бутылку дешевого вина", а ему "необходим именно галстук". Утром доллар стоил 30 тыс. марок, а в полдень уже 36…

Так начинается роман Эриха Марии Ремарка "Черный обелиск" (1956), запечатлевший жизнь в условиях гиперинфляции. Его действие происходит в 1923 году — в самый ее разгар — в вымышленном провинциальном городке, в котором без труда угадывается Оснабрюк — родной город автора. Главный герой Людвиг Бодмер, прошедший Первую мировую, работает в фирме своего однополчанина, торгующей надгробиями. Будущий писатель, биография которого легла с основу книги, родился в 1898-м и успел стать солдатом Первой мировой. После демобилизации в 1921-м вернулся в родной город, где пару лет, пока не стал журналистом в ганноверской газете, работал коммивояжером в гранильной мастерской, продавая надгробные памятники, и играл на органе в часовне при городской больнице за бесплатный обед.

■ ■ ■

Гиперинфляция — не просто очень высокая инфляция, это жизнь в другом экономическом измерении. Когда цены начинают очень быстро расти — порогом гиперинфляции считается их рост на 50 % в месяц три месяца подряд, меняется экономическое поведение. Стараются как можно быстрее избавиться от бумажных денег, что увеличивает скорость их оборота и приводит к скачку цен даже при стабильном предложении денег. Поэтому гиперинфляция — это самосбывающийся прогноз: стоит в нее поверить, и она случится непременно.

Экономические издержки гиперинфляции очень велики: это затраты на переписывание ценников и печать новых денег, рост затрат потребителей на отоваривание денег, трудности в заключении даже краткосрочных договоров, сложности с долгосрочным планированием, проблемы сохранения сбережений и невозможность денежных накоплений, снижение инвестиционной активности, умирание целых отраслей, ухудшение собираемости налогов и сокращение доходов бюджета из неэмиссионных источников… В результате — сокращение валового национального продукта и уровня жизни.

Обычно гиперинфляция — следствие войны, революции или территориальных изменений. Вторая мировая война вызвала ее в Греции и Венгрии, а Первая мировая — в Венгрии, Австрии, Германии, Чехословакии и Польше, то есть почти во всех странах проигравшей коалиции.

Американки Лорели Ли и Дороти Шоу, героини романа Аниты Лус "Джентельмены предпочитают блондинок" (1925, по нему снят одноименный фильм с Мэрилин Монро) путешествуют по Европе, видимо, в 1923-м. 17 мая они садятся в Париже в "Восточный экспресс", чтобы поехать в Центральную Европу. Какие страны проезжают, в тексте не указано, но маршрут поезда известен: он шел через Страсбург, Мюнхен,

Вену, Будапешт и Бухарест. В поезде девушки расплачиваются кронами, значит, это либо Австрия, либо Венгрия, где в 1923-м обращались быстро обесценивающиеся кроны, на смену которым в Австрии в 1925 году пришли шиллинги, а в Венгрии 1926-м — форинты. Маленькая пачка сигарет стоит 50 тыс. крон, при этом табака в сигаретах нет. Героини никак не могут решить, сколько дать на чай проводнику, который должен принести шампанское. Решают дать миллион, а если проводник будет недоволен, то еще один. Проводник безмерно рад и первому миллиону: встает на колени и целует руку. Еще бы, ведь это двадцать пачек сигарет. Можно было бы догадаться, что это слишком много. Но автор выводит своих героинь глупышками, и расчет чаевых, когда денег “довольно много”, вводит их в ступор.

В России инфляция, начавшаяся в Первую мировую, раскочегарилась до гиперинфляции из-за Октябрьской революции и Гражданской войны. (Ее описанию в художественной литературе мы посвятим следующую главу.) Случается она и в мирное время. Например, в Боливии в 1985 году одновременно имели место ухудшение условий внешней торговли, рост мировых процентных ставок, сокращение объема внешнего кредитования, что привело к потере около 10 % ВНП. Правительство выбрало эмиссию в качестве решения проблем бюджета, и это привело к росту цен на 60 000 % за год. В Зимбабве в 2008 году максимальный месячный рост цен составил 42 000 000 000 000 000 %, дневной — 207 %, а минимальное время удвоения цен — 15 часов.

■ ■ ■

В Германии дело обстояло так. Спустя три дня после начала Первой мировой, 31 июля 1914 года, Рейхсбанк, центральный банк страны, отменил обмен банкнот на золото, что означало

снятие ограничений на их печать. К концу войны, к ноябрю 1918-го, количество денег в обращении увеличилось в четыре раза, но цены выросли всего на 140%. Окончание войны не привело к ценовой стабилизации. К власти пришло правительство социалистов, которое, заигрывая с рабочими, обещало им коврижки в виде сокращенного рабочего дня и повышенных зарплат, что требовало финансирования и подрывало доверие к денежной единице страны. Кроме того, Германия как проигравшая сторона была вынуждена выплачивать огромные репарации.

К февралю 1920 года цены выросли еще в пять раз, а количество денег в обращении — в два, то есть рост цен догнал рост денежной массы. Это должно было произойти — рано или поздно. Центробанк продолжал эмитировать деньги, и новый скачок инфляции не заставил себя ждать. С мая 1921 года по июль 1922-го цены выросли в восемь раз, доверие к деньгам окончательно исчезло, началось бегство от банкнот, что еще больше подтолкнуло рост цен.

В январе 1923 года французы оккупировали Рур — важнейший промышленный район страны, но немецкое правительство поддерживало бизнес в оккупированной области, выплачивало зарплаты рабочим, финансируя это за счет печати новых денег. Экономический парадокс состоял в том, что, хотя социалисты пеклись о благе рабочих, финансируя свои программы за счет печатного станка, они способствовали обнищанию рабочего люда, чьи зарплаты в реальном выражении падали, и обогащению крупных промышленников — во время сильной инфляции выигрывает тот, чьи авуары находятся в реальных производственных активах.

Если принять за единицу ценовой индекс июля 1914 года, то в июле 1922-го он составил 100, в январе 1923-го — 2785, в июле — 194 тыс., а в ноябре 1923–726 млрд. Курс доллара достиг 4,2 трлн марок. На пике инфляции в Берлине килограмм хлеба стоил около полутриллиона марок, масла — 5,6 трлн,

трамвайный билет — 150 млрд. Максимальный месячный рост цен составил 29 500 %, дневной — 20,9 %, минимальное время удвоения цен — 3,7 дня. В последние месяцы цены росли гораздо быстрее количества денег в обращении: от “фантиков” старались избавиться как можно быстрее.

Американский экономист Томас Сарджент в статье “Чем закончились четыре большие инфляции” (1982) рассказывает, что посетители пивной сразу заказывали несколько кружек пива и расплачивались вперед — к концу посиделок цены были выше.

■ ■ ■

Героиня фильма Ингмара Бергмана “Змеиное яйцо” (1977), действие которого происходит во время гиперинфляции в Берлине, утром сняла комнату, отдала деньги за сутки вперед, пришла поселяться вечером, а квартирная хозяйка “передумала” и “честно” вернула аванс. Героиня напоролась на мошенницу, которая “сдачей” комнаты зарабатывала на жизнь: утром меняла полученные авансом марки на доллары, а вечером обратно, оставляя разницу себе. Впрочем, она тоже жертва: арендная плата была фиксирована в марках и обесценивалась настолько, что владельцы недвижимости стали ее массово продавать, так как аренда не окупала затрат даже на содержание помещений.

Стефан Цвейг в своих мемуарах “Вчерашний мир. Воспоминания европейца” (1943), описывая гиперинфляцию в Австрии, где арендная плата была фиксированной, сочувствует скорее владельцам недвижимости (и вообще тем, у кого был сколочен капитал): “...правительство для защиты съемщиков, составлявших огромную массу, и в ущерб домовладельцам запретило любое повышение цен. Вскоре в Австрии квартира средней величины стоила ее съемщикам за целый год меньше одного обеда; пять или десять лет вся Австрия, по сути дела

(ибо и в эти годы расторжение договоров было запрещено), прожила чуть ли не даром. Из-за такого безумного хаоса положение с каждой неделей становилось все более абсурдным и безнравственным. Кто сорок лет копил, а потом патриотически вложил свои деньги в военный заем, превращался в нищего. У кого были долги, тот от них избавлялся".

В "Черном обелиске" из-за быстрого обесценивания денег в кассе мастерской наличных не держат, "только маленький чемоданчик с запасом на сегодня и завтра. Тысячные и стотысячные билеты и даже несколько пачек с милыми старыми сотенными. Около двух с половиной кило бумажных денег". Новые банкноты в сто тысяч выпущены всего две недели назад, а уже ждут бумажек в миллион. (Понятно, что это ранняя стадия гиперинфляции, в финальной в обращение будут пущены купюры достоинством 100 трлн.) Если так пойдет, то всего через несколько месяцев будем считать на миллиарды, полагают герои, вздыхая по "по прекрасным спокойным дням 1922 года", когда доллар скакнул "с двухсот пятидесяти марок всего до десяти тысяч".

Георг решает удовлетворить просьбу Людвига насчет повышения зарплаты, приносит свой чемодан и бросает на стол две пачки денег. В них главным образом сотни и самое большее пять тысяч, Людвиг просит добавить "еще полкило этих обоев" и получает третью пачку. Ему нужно спешить, чтобы купить галстук: Георг предупредил, что "сегодня никакого повышения оклада больше не будет". Слава богу, завтра воскресенье — "единственный день недели, когда инфляция приостанавливается".

Когда цены меняются каждый день, бесполезно экономить и копить в бумажных деньгах на что-нибудь дорогостоящее — сбережения быстро обесцениваются. Герой может себе позволить мелочи, как галстук (это дневное жалованье) и иной раз "в виде утешения" бутылку водки, но не может обновить костюм — "просто никак не удается скопить нужную сумму".

■ ■ ■

Скорость печати новых денег увеличивалась так быстро, что в октябре 1923 года 99% находившихся в обороте купюр было напечатано в последние 30 дней. К этому времени налоги давали всего 1% доходов бюджета, остальное — эмиссия. Существовали и серьезные технические проблемы — не было возможности напечатать необходимое количество новых денег, чтобы поддержать торговый оборот. Например, 25 октября 1923 года было напечатано 120 тыс. триллионов марок, то есть 120 квадриллионов, тогда как дневная потребность составляла миллион триллионов. Правительство объявило, что производственные мощности для печати денег расширяются и вскоре достигнут 500 квадриллионов в день.

Экономика оказалась на грани коллапса: фермеры перестали продавать свою продукцию, розничная торговля не могла раздобыть товар, а если получала его, то не могла продать с прибылью. Существенно сократились реальные зарплаты и доходы рабочих, мелких предпринимателей, вообще представителей среднего класса. Чтобы добыть средства на пропитание, одни подались в спекулянты — торговали тканями, обувью, мылом, другие начали распродавать свою мебель, украшения, одежду.

На доходы продавца памятников не прожить, и герой “Обелиска” Людвиг крутится, как может. Подрабатывает репетитором. Играет на органе в больничной часовне за еду: сестры милосердия кормят его “завтраком, состоящим из яиц, холодной закуски, бульона, хлеба и меда”, благодаря чему Людвиг легко обходится без обеда. Кроме того, он получает тысячу марок, на которую может проехать в больницу и обратно в трамвае.

Цены все время поднимаются. В начале романа Людвиг “за какие-нибудь скромные пять тысяч марок” ест бутерброды и простоквашу в ресторане, а Георг столько же платит за сигару.

Спустя несколько дней герои собираются в бордель и прихватывают с собой водку, которая обходится им уже "в десять тысяч марок за стаканчик", в заведении она дороже — сорок тысяч. Там их пытаются развести на коньяк за шестьдесят тысяч, но герои торгуются, они готовы дать только сорок. Сорок тысяч коньяк стоил вчера, сообщает официантка. Да нет же, еще сегодня утром, парируют герои. Но до объявления курса, утверждает официанта. Нет, после того, в одиннадцать объявили курс, уверены Людвиг и Георг. В итоге друзья соглашаются на шестьдесят, но "уже по тому курсу доллара, который будет послезавтра". По завтрашнему, идет на компромисс хозяйка. Это только начало. Еще несколько дней, и герои заказывают в "Красной мельнице" бутылку шампанского, которая стоит два миллиона.

Людвиг сотоварищи экономят на том, что накупают впрок талонов на обед в ресторане "Валгалла" некоего Эдуарда, который ввел обеды по абонементу, чтобы поднять популярность заведения. "Но за последние недели лавина инфляции перечеркнула все его расчеты". Стоимость первого обеда по талону еще в какой-то мере соответствовала уровню рыночных цен, но деньги обесценивались так быстро, что Эдуарду пришлось отказаться от системы абонементов, он слишком много при этом терял.

Однако герои предусмотрительны, они всадили "все деньги, полученные за один из памятников павшим воинам, в покупку этих обеденных книжечек «Валгаллы» оптом". Чтобы маневр не слишком бросился в глаза, для покупки использовали подставных людей, и у каждого из честной компании оказалось свыше тридцати книжечек. Через месяц обедали за полцены, через полтора — за стоимость десятка папирос. Наконец Эдуард спросил, сколько талонов еще осталось, а получив уклончивый ответ, попытался наложить запрет на абонементы, но их обладатели "привели с собой юриста, пригласив его на венский шницель".

Владелец заведения все надеялся, что резервы махинаторов наконец иссякнут, не зная, что талонов хватит на семь месяцев. За это время доллар подскочил почти до триллиона, а друзья все еще обедали “на прошлогодние талоны по шесть тысяч гнусных марок за обед”. Прекрасное вложение денег, жаль было одного — Эдуард больше не беспокоился о качестве еды. Сохранить сбережения можно, только вложив их в реальные ценности. Другие, не такие изобретательные, как эта компания, приобретают “массивные посеребренные ножи и вилки”.

Те же, кто копит в банкнотах, вынужденно или нет, остаются ни с чем. Заказать памятник приходит вдова, муж которой покончил с собой, потеряв сбережения. Деньги — приданое ее дочери от первого брака — были положены в сберкассу на пять лет, до ее совершеннолетия, их нельзя было снять, а когда срок депозита истек, деньги потеряли всякую цену, и жених отказался от свадьбы. Дочка все плакала, отец этого не вынес, считал, что виноват. В утренней газете — сообщение о трех самоубийствах, все покончившие с собой — бывшие мелкие рантье. Один из самоубийц “держал в руке четыре совершенно обесцененных тысячных банкноты с красной печатью, словно входные билеты на небо”, рядом с другой “валялась ее порванная сберегательная книжка, где на текущем счету у нее было пятьдесят тысяч марок”.

■ ■ ■

У бизнеса схожие проблемы. Дело не в том, за сколько продан товар, а в том, когда за него отдадут деньги. Один из коммивояжеров страшно горд, что сбыл за три четверти миллиона, причем “без надписи, без доставки и без ограды, это все — дополнительно”, “большой крест из шведского гранита с двойным цоколем и бронзовыми цепями”. Думает, что уж точно не продешевил, но не взял деньги вперед (“мы креста еще не доста-

вили"). Да, раньше предоплаты не требовали, но теперь "благородные принципы приводят только к банкротству". Деньги может заработать почти каждый, а вот сохранить — почти никто. "Важно не продавать, а покупать и как можно быстрее получать деньги за проданное". Те три четверти миллиона, за которые сегодня был продан крест, "если их уплатят только через два месяца, будут стоить не больше, чем сегодня пятьдесят тысяч марок". В следующий раз, когда удается продать дорогие мемориальные доски из черного гранита, сотрудники мастерской требуют денег в тот же день, отсрочку дают, но лишь на несколько часов.

Искусство выживание во время гиперинфляции состоит и в том, чтобы самим платить по счетам с максимальной задержкой. Одной семье повезло в том, что жена заказала траурные платья, а ее муж, бывший на грани смерти, отчего-то выздоровел, и теперь можно продать наряды, заработать на этом несколько миллиардов, тем более что за материал жена еще не платила и отдаст за него обесценившимися деньгами.

Гранильная мастерская чуть не обанкротилась, когда как-то распродали почти весь свой запас надгробий, но "ничего взамен не приобрели, кроме обесцененных счетов в банке да нескольких чемоданов с денежными знаками, которые даже не годились на то, чтобы оклеить стены конторы". Решили на вырученные деньги тут же приобретать новые материалы, однако инфляция всякий раз обгоняла.

Наконец придумали схему, которая позволит держаться. За партию гранита друзья планируют рассчитаться векселем сроком на три месяца, то есть "приобрести гранит почти даром" — под тем предлогом, что крупной суммы сразу не собрать, а держать деньги в банке — безумие. Продавец товара не должен терпеть убыток, поэтому он учтет полученный вексель в банке, учетный процент покупатели ему компенсируют, и продавец полностью получит деньги за свой гранит.

Но и банк ничего на этом не потеряет, он тут же передаст вексель государственному банку, который тоже выплатит ему деньги. В госбанке вексель будет лежать, пока не истечет срок и он, обесценившийся, не будет представлен к оплате.

Подобным же образом в Германии финансируются все предприятия, и госбанк вынужден печатать все больше бумажных денег, вследствие чего курс падает все стремительнее. Почему же государство идет на такие схемы? Ему это тоже на руку — “таким образом оно освобождается от всех своих долгов”.

В мемуарах немецкого магната Фрица Тиссена “Я заплатил Гитлеру” (1941) высказывается предположение насчет того, почему с гиперинфляцией не боролись: тогдашний глава Рейхсбанка Германии Рудольф Хавенштайн считал ее “наилучшим способом доказать миру неспособность Германии выплачивать военные репарации”. При этом “немецкая промышленность работала бесперебойно, поскольку — из-за девальвации германской валюты — могла выбрасывать свою продукцию на мировой рынок по низким ценам”. Да и промышленники, по его мнению, были не сильно против. Оплачивая свои векселя в центральном банке обесценивающимися деньгами, они получали колоссальные прибыли и “не только покупали сырье и платили зарплату рабочим, но приобретали новые предприятия, либо расширяя собственные заводы, либо скупая акции; после чего они объединяли свои предприятия в более крупные концерны”. Некоторые владельцы предприятий даже вводили собственную твердую валюту, чтобы уменьшить бремя инфляции для своих рабочих.

■ ■ ■

Еще одна категория выигравших — это иностранцы из стран с твердой валютой. Иностранные деньги — единственная стабильная ценность. В криминальном триллере великого Фрица

Ланга "Доктор Мабузе, игрок" (1922), вышедшем на экраны до пика инфляции, есть сцена, где фальшивомонетчики считают вновь отпечатанные банкноты. Главарь банды говорит им: "Пока европейская валюта падает, будете печатать только доллары".

Как пишет Цвейг в "Воспоминаниях европейца", Австрия "переживала роковой «сезон иностранцев». Все гостиницы в Вене были переполнены этими стервятниками; они скупали все, от зубной щетки до поместий, они опустошали частные коллекции и антикварные магазины… Мелкие гостиничные портье из Швейцарии, стенографистки из Голландии жили в княжеских апартаментах отеля на Рингштрассе[1]… знаменитый отель люкс «Европа» в Зальцбурге долгое время полностью занимали английские безработные, которые благодаря достаточному английскому пособию по безработице имели здесь более дешевое жилье, чем в своих трущобах… на центральных улицах Вены чаще говорили на итальянском, французском, турецком и румынском, чем на немецком".

Поначалу цены в Германии росли медленнее, чем в Австрии, и Зальцбург, как приграничный город, испытывал нашествие баварцев. "Они здесь заказывали себе костюмы, чинили машины, они шли в аптеки и к врачам, крупные фирмы из Мюнхена отправляли письма и телеграммы за границу из Австрии, чтобы извлечь выгоду из разницы в почтовом сборе". Когда Германия начала конфисковывать более дешевые австрийские товары на границе для стимулирования внутреннего спроса, немцы продолжали ездить в Австрию, чтобы попить пива — оно было в пять-десять раз дешевле.

"И вот с женами и детьми сюда из соседнего Фрейлассинга и Рейхенхгалля потянулись толпы, чтобы доставить себе удовольствие влить в себя столько пива, сколько позволит вме-

1 Одна из самых престижных улиц города.

стить желудок. Каждый вечер вокзал являл собой настоящее скопище пьяных, орущих, рыгающих, плюющих человеческих орд; иных, нагрузившихся чересчур, к вагонам доставляли прямо на тележках для багажа, прежде чем поезд, из которого раздавались крики и громкое пение, отбывал в свою страну. Разумеется, они не предвидели, эти веселые баварцы, что скоро их ждет ужасный реванш”.

Когда крона стабилизировалась, а марка очень сильно упала упала, “с этого же вокзала австрийцы отправлялись в Германию, чтобы, в свою очередь, дешево напиться, и то же представление началось во второй раз, только теперь в обратном направлении”.

■ ■ ■

В этой игре должны быть проигравшие. На ком же инфляционное бремя? В “Черном обелиске” об этом говорится так: “Разоряются при этом люди, оказавшиеся не в состоянии оплачивать свои покупки векселями, люди, имеющие какую-то собственность и вынужденные продавать ее, мелкие торговцы, рабочие, рантье, чьи сбережения и банковские кредиты тают на глазах, чиновники и служащие, существующие на заработную плату, на которую уже нельзя купить даже пары новых башмаков”. Все больше погружаются в безысходную нужду живущие на зарплату, потому что цены растут быстрее, чем она индексируется.

“Рабочие получают теперь заработную плату два раза в день — утром и под вечер, — и каждый раз им дают получасовой перерыв, чтобы они успели сбегать в магазины и поскорее сделать покупки — ведь если они подождут до вечера, то потеряют столько, что их дети останутся полуголодными”. “Служащие после долгих пререканий наконец добились некоторого повышения ставок, но тем временем деньги настолько

упали, что люди теперь на эту прибавку едва могут купить раз в неделю литр молока. А на следующей неделе — вероятно, только коробок спичек". Инвалиды — самые тяжелые жертвы инфляции, они вынуждены заниматься попрошайничеством, сидя с плакатами, на которых выведено: "Моя ежемесячная пенсия составляет одну марку золотом".

Итальянский экономист Константино Брешиани-Турони, написавший книгу о немецкой гиперинфляции под названием "Экономика инфляции" (1931), констатирует, что в 1922–1923 годах резко возрос спрос на "некачественное" мясо, к которым он относит конину и собачатину. Даже статистику приводит: в третьем квартале 1921 года на мясо было забито 1090 собак, в третьем квартале 1922-го — 3678, а за тот же период 1923-го — 6430. В третьем квартале 1924 года, после стабилизации, съели всего 841 собаку.

Стефан Цвейг в своих мемуарах косвенно подтверждает эту статистику рассказом об охоте за мясом в Австрии, тоже затронутой гиперинфляцией: "многие, чтобы не забыть вкус мяса, разводили кроликов; в нашем саду какой-то парень пристрелил белочку для воскресной трапезы, а ухоженные собаки и кошки довольно редко возвращались с дальних прогулок".

В Германии карточки не вводились, но возникло некое подобие рационирования по инициативе самих лавочников. Томас Манн в новелле "Непорядок и раннее горе" (1925) рассказывает, как вынуждена "вертеться" весьма состоятельная семья профессора Корнелиуса: "Хозяйка дома… утомлена и вконец замучена убийственными трудностями ведения хозяйства. Ей следовало бы побывать на курорте, но теперь, когда все пошло кувырком и почва под ногами так неустойчива, это неосуществимо. Она думает только о яйцах, которые необходимо купить сегодня, и все возвращается мыслью к этим яйцам, ценою в шесть тысяч марок; их отпускают только один раз в неделю в определенном количестве и в определенной лавке, здесь, не-

подалеку, так что дети сразу же после обеда, оставив все другие дела, должны снарядиться в поход за ними. Дани, соседский мальчик, тоже пойдет вместе с «большими», и Ксавер, скинув подобие ливреи, отправится вслед за молодыми господами. Дело в том, что лавка еженедельно отпускает всего пяток яиц на семью, а значит, молодым людям придется заходить туда врозь, поодиночке, да еще под разными вымышленными именами, чтобы обогатить дом Корнелиусов двумя десятками яиц”. Когда Корнелиусы собирают гостей, их кормят только салатом и селедочным паштетом на черном хлебе, а ведь, судя по тому, что цены еще в тысячах марок, до пика гиперинфляции пока далеко.

Растет число безработных. Правительство теряет доверие. Усиливаются волнения, начинаются демонстрации, на авансцену приходят новые силы, и Людвиг из “Черного обелиска” наблюдает, как у церкви Девы Марии “стоят два национал-социалиста в мундирах и держат большой плакат: «Приходите к нам, камрады! Адольф Гитлер вам поможет!»”

■ ■ ■

Элиас Канетти, австрийский писатель XX века, родившийся в Болгарии в еврейской семье, усматривает в немецкой гиперинфляции истоки геноцида евреев. В очерке “Инфляция и масса” (из книги “Масса и власть”) он описывает последствия инфляции философски: “В наших современных цивилизациях, кроме войн и революций, нет ничего, что можно было бы сравнить с инфляцией по ее далеко идущим последствиям. <...> Денежная единица внезапно теряет свой личностный характер. Она превращается в растущую массу единиц, ценность которых тем ниже, чем больше масса. Миллионы, к которым раньше так стремились, теперь вот они — в руках, но они уже не миллионы... <...> Если валюта включилась в это движение, на-

поминающее бегство, то остановки не видать. Как бесконечно может расти счет денег, так бесконечно может падать их стоимость. <…> Из-за инфляции не только все вокруг начинает колебаться, становится ненадежным, ускользающим — сам человек делается меньше. Он сам, чем бы там он ни был, уже ничто — так же как миллион, к которому он всегда стремился, уже ничто. У каждого есть миллион. Но каждый — ничто. Надежность денег исчезла как мыльный пузырь. Их не прибавляется, а, наоборот, убавляется, все сокровища исчезают. Инфляцию можно назвать ведьмовским шабашем обесценивания… человек чувствует себя так же плохо, как и деньги, которым становится все хуже; и все вместе люди… чувствуют собственную неполноценность <…> Человек чувствует себя обесцененным, так как стала недееспособной единица, на которую он полагался и с которой себя отождествлял. <…> Этот процесс соединяет людей… Наемный рабочий страдает так же, как рантье. Последний за одну ночь может потерять все или почти все, что имеет, столь надежно, казалось бы, сохраняемое в банковских сейфах. Инфляция снимает различия, существующие от века, и сплачивает в единую инфляционную массу людей, которые в другие времена даже руки бы друг другу не подали”.

А дальше, как говорится, по Фрейду: “Это ощущение внезапного обесценивания собственной личности не забудется никогда — настолько оно болезненно. Его носят в себе всю жизнь, если, конечно, не удается перенести его на кого-то другого… люди, подвергшиеся обесцениванию, начинают искать кого-то, кто еще менее значим, чем они сами, кем они могли бы пренебречь, как пренебрегли ими самими. <…> Объектом для удовлетворения этой потребности во время инфляции в Германии Гитлер выбрал евреев. Они для этого словно были созданы: имеют дело с деньгами, хорошо разбираются в перемещениях денежных масс и колебаниях курсов, удачливые спекулянты, толпятся на биржах, где все их поведе-

ние и облик так резко контрастируют с армейским идеалом немцев... именно эти черты евреев выглядели особенно сомнительными и враждебными. <... > Если бы во время инфляции речь шла о процессах обесценивания в немцах по отдельности, достаточно было бы возбудить ненависть по отношению к конкретным евреям. Но в действительности немцы как масса чувствовали себя униженными крушением своих миллионов, и Гитлер, который это ясно понимал, стал действовать против евреев как таковых”.

■ ■ ■

Резкий рост цен удалось остановить в конце ноября 1923 года. В октябре была выпущена новая валюта — рентная марка. Она обменивалась на 1 трлн старых марок, и ее курс к другим валютам примерно соответствовал довоенному. Доверие к новому платежному средству поддерживалось тем, что правительство обещало по первому требованию обменивать марку на номинированные в золоте облигации, что для рынка являлось сигналом о том, что деньги не будут печататься с прежней скоростью. Указ, вводивший новую марку, ограничивал общее количество денег, которое могло быть выпущено. В условиях бюджетного дефицита соблазн финансировать его за счет эмиссии был очень велик, но параллельно были уменьшены бюджетные расходы (в частности, согласован более щадящий график выплат репараций и сокращены “бюджетники” — работники почты и железных дорог) и увеличены налоги, что привело к устранению бюджетного дефицита. Центробанк получил независимость от правительства и мог отказать правительству в бесконтрольной эмиссии.

Герой “Черного обелиска” уезжает в Берлин работать журналистом на зарплату в 200 марок — новых, разумеется. Он собирает друзей и хочет “грандиозно отпраздновать проща-

ние… с инфляцией”. Напоследок Людвиг заходит к своему другу Вилли, который слишком активно спекулировал маркой и теперь “сидит в маленькой комнатке”, стены которой он оклеил “денежными знаками и обесцененными акциями” — “это стоило дешевле, чем обои, и интереснее”. На эту комнату Вилли обменял “свою элегантную квартиру”, ему пришлось продать и свою красную машину, но Вилли “удалось спасти свои костюмы, кое-какие драгоценности, и поэтому он еще долго будет считаться шикарным кавалером”.

Экономике не удается сразу приспособиться к новым деньгам и ценам. Все останавливается. Даже публичный дом остался без клиентов — “ни у одного черта нет денег”. Действительно, “инфляция тут же перешла в дефляцию. Там, где раньше считали на миллиарды, теперь опять считают на пфенниги. Везде нехватка денег. Отвратительный карнавал кончился. Начался чисто спартанский великий пост”. Пост продлился недолго: 1924 год был в экономическом отношении гораздо успешнее 1923-го, а 1925-й тем более. Идеи Гитлера, однако, набрать популярность успели.

■ ■ ■

Основным автором стабилизационной программы считается немецкий экономист и банкир Ялмар Шахт, назначенный в 1923 году главой Рейхсбанка. Программа базировалась на идеях Джона Мейнарда Кейнса, консультировавшего немецкий центробанк до Шахта, но Шахт этого так и не признал, записав все очки на свой счет. В 1923-м, когда Шахт боролся с галопирующими ценами, Гитлер сидел в тюрьме и диктовал “Майн кампф”. С приходом его к власти начинается возвышение Шахта, который в 1935 году совмещал посты главы Рейсхбанка и министра экономики и состоял негласным советником Гитлера по экономическим вопросам. Сделав на него ставку,

Гитлер не прогадал. Ему он обязан сокращением безработицы с шести миллионов в 1932 году до одного — в 1936-м и удвоением промышленного производства с 1932-го по 1937-й (зарплаты при этом были заморожены, а забастовки запрещены). Так быстро из Великой депрессии не вышла ни одна страна. Шахт лично руководил строительством автобанов и другими общественными работами. Именно Шахт выторговал у стран-победительниц в Первой мировой списание репараций. Шахт был сильным и влиятельным экономистом, одним из немногих в окружении Гитлера, кто позволял себе такие вольности с ним, которые другим могли стоить жизни: часто перечил, а однажды даже вернул подаренную ему Гитлером картину, сообщив, что это подделка. Сталин же тех экономистов, кто стабилизировал гиперинфляцию начала 1920-х у нас, расстрелял.

“И по Москве вскоре загудел слух, что Чичиков — триллионщик”

Глава двадцать первая

Натуральный обмен и гиперинфляция в РСФСР в советской литературе

Герой повести Александра Неверова “Ташкент — город хлебный” (1923) малец Мишка в 1921 году, когда страну охватывает массовый голод, отправляется в Ташкент за хлебом, прихватив с собой для обмена кое-какие старые вещи. В Ташкенте, и особенно в Самарканде, по слухам, дешевый хлеб. Там “на старые сапоги дают четыре пуда зерном, на новые — шесть”, даже за “юбку бабью” — полтора-два пуда, а на них “сразу можно все хозяйство поправить”: если их высеять, то соберешь тридцать пудов, “и себе хватит, и на лошадь останется”. Поношенный пиджак умершего отца Мишка рассчитывает обменять на два пуда, картуз с ножом — на полпуда.

Для сравнения: в “Хождении по мукам” Алексея Толстого в 1918 году на Украине за иголку просят двух живых поросят, а в Москве за пуд хлеба — “штаны без заплат”, что примерно сопоставимо с пудом хлеба за “юбку бабью”. Обмен столь выгоден, рассуждает Мишка, потому что “Азия там, фабриков нет, а народ избалованный на разные вещи”. Да еще многоженство, и если у мужика четыре жены, то ему нужны четыре юбки. А “чай пьют из котлов. Увидят самовар хороший — двенадцать пудов…”

Главное для Мишки — продержаться в пути. По дороге на старую бабушкину юбку можно выменять всего пять фунтов печеного хлеба, но этого ему хватило бы на несколько дней. Мишкины попутчики побогаче, у них водятся деньги, и они затариваются разными товарами, рассчитывая на приличный куш. Один за 12 тыс. руб. покупает наручные часы, рассчитывая загнать их за три пуда хлеба, другой — мешок табаку, за который, распродав плошками по 500 руб. киргизам, охочим до курева, можно выручить тысяч сорок. Обноски, которые везет с собой Мишка, до Ташкента не доезжают: мешок с юбкой крадут, пиджак приходится проесть. Он уходит за 3 тыс. руб., на это куплен большой каравай, и еще тысяча остается. Но план все же срабатывает. В Ташкенте Мишка "молотил пшеницу, резал камыш, джугару, заработал два мешка пуда по четыре, два пуда отдал за провоз, проел дорогой, не желая милостыньку клянчить", остальное привез, только опоздал — братья уже умерли от голода. Но "тужить теперь нечего", нужно "заново заводиться", покупать курицу и лошадь. Эх, Мишка, осталось тебе хозяйничать лет семь — до коллективизации…

Разгар гиперинфляции еще впереди. В 1920 году цены выросли примерно в 10 раз, в 1921-м, когда Мишка отправился в Ташкент, — в 25, в 1922-м цены скакнут в 50 раз, а в 1923-м — более чем в 500. Герои повести Михаила Булгакова "Похождения Чичикова" (1922) живут совсем при другом масштабе цен. Приснившийся рассказчику Чичиков, заработав на разных махинациях, обедает и ужинает в "Ампире" и снимает "квартиру в пять комнат" за 5 млрд. По Москве начинает "гудеть слух", что он триллионщик. На самом деле его капитал составляет только "500 апельсинов", то есть полтриллиона. В те годы миллион называли "лимоном", и это слово дожило до наших дней, а миллиард — апельсином, но это почему-то забылось.

■ ■ ■

Накануне Первой мировой войны у России были здоровые финансы. В обращении находились золото, разменные на него кредитные билеты и "неполноценные деньги" (серебряная и медная монета). Эмиссия кредитных билетов до 600 млн руб. должна была обеспечиваться золотом на 50 %, свыше — на все 100 % (в 1905–1915 годах в экономике обращалось не более 840 млн руб.). Госбанк не полностью использовал эмиссионное право, его остаток рос, кредитные билеты обеспечивались золотом во все большей мере, резервы банка приближались к сумме выпущенных билетов. В действительности выпуск не достигал и половины лимита.

С началом войны начали накапливаться негативные изменения в государственных финансах и денежном обращении. В 1914 году Россия, как Германия и многие другие страны, приостановила размен кредиток на золото с целью предотвращения его утечки за границу. До Февральской революции Госбанк получил разрешение на выпуск непокрытых золотом кредиток на сумму 6600 млн руб. С 1916 года денежное обращение стало сплошь бумажным. Между тем в 1914 году цены практически не поднялись, в 1915-м и 1916-м выросли на 15 и 62 % при росте денежной массы на 388 и 100 % соответственно, то есть во время войны рост денежного агрегата обгонял рост цен. То, что курс рубля был выше его покупательной силы, — признак доверия к царским деньгам. При Временном правительстве бумажный рубль обесценился в четыре раза при удвоении денег в обращении.

Ситуация начинает катастрофически ухудшаться после октябрьского переворота. В период военного коммунизма резко падает спрос на деньги. Главная причина — государственный курс на их отмирание. В марте 1918 Ленин ставит задачу борьбы "с сопротивлением богатых... принимающим форму

хранения свидетельств на взимание дани с трудящихся", требуя "обдумать переходные мероприятия по сосредоточению всех денежных запасов в Государственном Банке". Обсуждается денежная реформа с конфискацией. В феврале 1919 года в проекте программы ВКП (б) Ленин снова настаивает на постепенном уничтожении денег, "этих свидетельств на право получения эксплуататорами общественного богатства в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся", на "возможно более быстром проведении самых радикальных мер", подготовляющих их уничтожение, признавая, правда, что сразу уничтожить деньги невозможно.

В 1921 году в работе "О значении золота теперь и после полной победы коммунизма" Ленин еще раз заявляет о никчемности денег — на этот раз в случае "победы коммунизма в мировом масштабе".

В мае 1918 года II Всероссийский съезд советов народного хозяйства принял резолюцию, в которой говорилось, что государственные промышленные предприятия и организации должны поставлять свою продукцию друг другу и получать сырье и материалы без платежей. С весны 1919 года, когда национализация была в основном завершена, госпредприятия стали полностью финансироваться из бюджета, куда были обязаны сдавать всю выручку. Постепенно реальные расчеты были заменены записями на счетах. Была отменена практика оформления поддержки государством убыточных предприятий как кредита. Частная торговля была запрещена. Перестали существовать понятия издержек и прибыли. С рабочих, служащих и некоторых других категорий населения перестали взимать квартплату и плату за коммунальные услуги, за продовольствие и потребительские товары. Стал бесплатным транспорт.

Налоги в денежной форме тоже были отменены — марксистская теория считала их атрибутом капиталистического об-

щества. Основной налог, продразверстка, был натуральным, и это привело к сужению денежного обращения до минимума. Продразверстка, возникшая из-за обесценивания денег, стала не только его следствием, но и причиной.

Второй причиной падения спроса на деньги в период военного коммунизма стал резкий спад производства. Сельскохозяйственного — из-за того что произошло дробление землевладения, ликвидировались крупные товарные хозяйства, так называемые излишки с использованием военных "аргументов" экспроприировались. Промышленного — в результате Гражданской войны, управленческих ошибок, отстранения "буржуазных" специалистов, отсутствия денежных стимулов. В 1921 году сельскохозяйственное производство составляло 60 % от уровня 1913-го, промышленное — 31 %.

Кроме того, в результате Гражданской войны и захватов части территории белыми войсками сфера хождения советских денег ограничивалась географически, особенно в 1918–1919 годах. Из-за страшного голода сильно сократилось городское население, которое более активно пользовалось деньгами, чем деревенское.

■ ■ ■

Для периодов гиперинфляций, вызванных войной и разрухой, характерно возникновение натурального обмена, дефицита и карточной системы. В 1918 году в Москве было очень голодно, почти ничего нельзя купить за деньги, разве что харьковские ириски, которыми торгует старенький действительный статский советник прямо в подъезде своего дома — об этом пишет Анатолий Мариенгоф в повести "Циники" (1928). Можно получить продукты по карточкам, но самый мизер. Даже большевик Сергей, управляющий водным транспортом, живущий в "Метрополе" и разъезжающий в шести-

местном автомобиле, "обедает двумя картофелинами, поджаренными на воображении повара". По купону №2 рабочей продовольственной карточки выдают сухую воблу, по полфунта на человека. "Граждане четвертой категории" получают одну десятую фунта (45 граммов) хлеба в день и фунт (454 грамма) картошки в неделю. Сергей приходит к своей любимой Ольге с подарочком — "сахарным отколочком", "обгрызком темного пайкового сахара", завернутым в линованную бумагу. Можно выпить сладкого чаю. Другой герой, съездивший в Тамбов за продуктами и раздобывший там муки, картошки и сливочного масла, приносит масло в коробке из-под монпасье. В нее впиваются "ястребиным взглядом" и "почти не дышат".

В рассказе Михаила Зощенко "Попугай", написанном в 1923 году, когда новой экономической политике было всего пару лет, герой вспоминает время, когда в городе голодали, "хлеб был в диковинку", и его ездили менять в деревню — крестьяне "неплохо жили". Им из города везли "инструмент и драгоценные изделия и ценности всякие". Одна "баба" повезла в деревню "небольшое зеркальце", рассчитывая выменять на него пуд муки, а там "часишки, зеркала, рояли — в каждой избе", и за ее зеркало лишь шесть куриных яиц дают. Чтобы выменять муку или крупу, нужно привезти такое зеркало, "чтоб и ноги видать было". Герой рассказа решился везти экзотическую птицу — попугая, которого сам купил за восемь-десять фунтов хлеба. В первой деревне дают полпуда ядрицы, а когда он добирается до деревни, где находит любителя попугаев, готового купить птицу по щедрой цене, та от мытарств уже издохла. Здесь дело не только в недостатке продовольствия в городе, но и в гиперинфляции — никто не хочет ничего менять на быстро обесценивавшиеся бумажные деньги.

■ ■ ■

В первые годы советской власти практически отсутствовало регулирование эмиссии, выпуск новых денег производился без ограничений. Декретом СНК от 5 мая 1919 года эта практика была узаконена: эмиссию было разрешено осуществлять “в пределах действительной потребности народного хозяйства в денежных знаках”. Печатание денег было необходимо власти для получения доходов, то есть сеньоража (дохода сеньора) или инфляционного налога. Роль этого источника в 1918–1921 годах была велика: прочие доходные статьи бюджета сводились к минимуму. Как выразился Кейнс, “Советское правительство совершенно открыто усматривало в инфляции средство обложения”. Сеньораж не может решить бюджетные проблемы полностью: гипотетически при бесконечной скорости печатания денег можно собрать в виде дохода лишь небольшую долю ВНП — известный американский экономист Филипп Кейган оценивал ее в 10 %.

Дефицит бюджета вырос с 67 % в 1918 году до 84 % в 1921-м. В 1918–1919 годах доход от эмиссии покрывал его, в 1920–1921-м — уже нет. Так как бюджет сокращался из-за натурализации расчетов, реальный дефицит бюджета падал, но реальный эмиссионный доход сокращался еще быстрее. С момента, когда рост цен стал обгонять рост выпуска бумажных денег, для получения стабильных доходов от эмиссии требовалось ее увеличение, что еще больше повышало скорость обращения денег и темпы их обесценивания, снижая реальную ценность вновь выпущенных. С ноября 1917 года по июль 1921-го номинальная денежная масса выросла в 119 раз, цены — в 7912 раз. При этом реальная стоимость денежной массы упала с 1919 млн до 29 млн дореволюционных рублей, то есть в 66 раз.

У эмиссии новых денег имелась и идеологическая подоплека. Руководители диктатуры пролетариата верили, что уве-

личением их предложения можно вызвать смерть финансовой системы — пережитка капитализма, который мог существовать только во время переходного периода к коммунизму. Полагали, что при высокой скорости роста предложения денег новые выпуски в пределе приведут к нулевой покупательной способности денежной массы. Но пока существуют денежные платежи (те же налоги), деньги будут иметь некоторую стоимость, и устранить денежное обращение путем эмиссии новых денег невозможно. В отмирание денег верили, полагая, что из-за быстро снижающейся покупательной способности рынок начнет их бойкотировать и перейдет к бартерному обмену. Ставился логический знак равенства между деньгами вообще и бумажными деньгами. Устранение бумажных денег означало не устранение денег вообще, а замещение их товарами, например, подсолнечным маслом или даже фальшивыми деньгами.

Константин Паустовский описал этот процесс в автобиографической "Повести о жизни" (1945–1963). На Украине Гражданская война, и постоянно меняется власть. Киев сначала заняли немцы, назначили марионеточного гетмана, потом в город вошел Петлюра, затем его взяли советские войска, их выбил Петлюра, Деникин тем временем стоял на подступах. При немцах обращались марки, Петлюра печатал свои купюры "жовто-блакитных" цветов, и сдачу в магазинах давали "серыми бумажками", на которых "едва-едва проступали тусклые пятна желтой и голубой краски", их с недоумением рассматривали "и соображали — деньги это или нарочно".

Фальшивые деньги ходили свободно и по тому же курсу, что и настоящие: их "было так много, а настоящих так мало, что население молчаливо согласилось не делать между ними никакой разницы". Мало того что не было ни одной типографии, где бы не выпускали поддельные петлюровские ассигнации, "многие предприимчивые граждане делали фальшивые

деньги у себя на дому при помощи туши и дешевых акварельных красок”.

Некий пан Куренда изготавливал сторублевки, на которых были изображены “две волоокие дивчины в шитых рубахах, с крепкими голыми ногами. Дивчины эти почему-то стояли в грациозных позах балерин на затейливых фестонах и завитках”. Пан Куренда считал, что “фестон есть альфа и омега петлюровских ассигнаций” и вместо этих двух украинских паненок можно “без всякого риска нарисовать телеса двух полных женщин, таких как мадам Гомоляка. Это не важно. Важно, чтобы этот фестон был похож на правительственный. Тогда никто даже не подмигнет этим пышным пикантным дамам и охотно разменяет вам ваши сто карбованцев”.

■ ■ ■

Политика в сфере денежного обращения изменилась с середины 1921 года, с переходом к нэпу, когда были реабилитированы денежные расчеты. В 1921 году зарплата стала вновь выдаваться деньгами, а не карточками, была восстановлена плата за услуги, отменено рационирование потребительских товаров. Государственные промышленность и торговля должны были работать на основе хозрасчета, материалы и сырье — покупаться, труд — оплачиваться, а необходимые средства нужно было получать за счет продажи продукции. Опять вошло в обиход слово “деньги”, стыдливо замененное во время военного коммунизма “совзнаками”.

Переход к нэпу увеличил спрос на деньги, но цены не стабилизировались, что связано со значительной эмиссией того периода. Советская власть попыталась сбалансировать бюджет путем введения ряда налогов: сельскохозяйственного (50% отмененной продразверстки), налогов на частные и государственные предприятия, подоходного и других, напри-

мер, военного налога (на не имевших права служить в Красной армии). Ставки были не очень высоки, например, ставка подоходного составляла от 2 до 30%. По подсчетам Григория Сокольникова, налоги в России в 1924–1925 годах были ниже, чем в дореволюционной России, где налог составлял в среднем эквивалент 11 червонных рублей на душу в год, а в Советской России — семь.

Введение денежных налогов не могло сразу привести к равновесию в государственных финансах. Госаппарат был громоздким. В результате резкого перехода на денежные расчеты у предприятий возникла потребность в ликвидности, и они были вынуждены продавать свою продукцию очень быстро, дешево, иногда в убыток. Тресты конкурировали друг с другом, пытаясь продать даже материалы и оборудование. Свою лепту внес и неурожай 1921 года. Госбюджеты 1921–1922 годов были сведены с огромными дефицитами, покрытыми за счет эмиссии. С 1 июля 1921 года по 1 января 1923-го денежная масса возросла в 850 раз. Однако новые выпуски денег усваивались оборотом менее болезненно, и кривая цен с переходом к нэпу замедлила подъем. За этот срок цены возросли "всего" в 263 раза, реальная денежная масса увеличилась более чем в три раза, что привело к увеличению доходов от эмиссии. Начинает падать ее значение как источника дохода бюджета: в первом квартале 1922 года она составила 87% доходов, в четвертом — 43%.

Постановлением СНК от 5 ноября 1921 года было решено составлять бюджет в довоенных рублях, а на совзнаки пересчитывать через коэффициент, определявшийся индексом товарных цен — курс Наркомфина, НКФ (для первого раза взяли 60 тыс.). Курс НКФ фиксировался на месяц и к концу срока был далек от экономических реалий. Госбанк начал объявлять цену скупки золота, которая по закону должна была устанавливаться в зависимости от мировой цены. Этот курс чаще менялся, был гибче и с 1 апреля 1922 года заменил курс НКФ.

Воспитанники "Республики ШКИД" — школы имени Достоевского в одноименном романе Григория Белых и Леонида Пантелеева (1927) — сочиняют злободневные частушки:

Курсы золота поднялись
По причине нэпа.
В Петрограде на Сенной
Три лимона репа.

■ ■ ■

На основании декрета СНК от 11 октября 1922 года были выпущены билеты Госбанка достоинством 1, 3, 5, 10, 25 и 50 червонцев. Они должны были обеспечиваться драгоценными металлами и твердой валютой не менее чем на 25 % и легко реализуемыми товарами на 75 %. Госбанку разрешалось эмитировать их для выдачи ссуд казначейству только при покрытии драгоценными металлами на 50 % или выше. Госбанк мог требовать погашения обязательств в банковых билетах ими же, обязывался менять их на совзнаки. Чтобы устранить иностранную валюту как конкурента червонца, запрещались расчеты ею внутри страны, она должна была храниться на счетах кредитных учреждений, экспортер был обязан предложить Госбанку купить ее, а импортер мог приобрести лишь по особому разрешению.

Червонцы не получили права платежного средства и принимались в уплату только за сборы, выраженные в золоте. Из-за высокого номинала деревня сначала их не знала. Население не задерживало у себя билеты и обменивало их на совзнаки. К лету 1923 года оборот привыкает к ним, и билеты Госбанка начинают исполнять все функции денег. С июня 1923 года, когда было разрешено кредитование промышленности, увеличились размеры эмиссии банкнот, и первоклас-

ное обеспечение, составлявшее сначала почти 100 %, опустилось до 50 %.

Денежная реформа была проведена лишь в марте 1924 года, а до того параллельно обращались билеты и продолжавшие выпускаться совзнаки. Официальный курс обмена устанавливался фондовым отделом Московской товарной биржи, в провинции рыночный мог отличаться от официального на 10–15 %. 7 июня 1923 года ВЦИК издал декрет, ограничивавший размеры эмиссии и дефицита госбюджета, который мог быть покрыт за ее счет. Если в октябре — декабре 1922 года ею было покрыто 96 % дефицита, то в июле — сентябре 1923-го — 54 %.

Несмотря на ограничение, процесс отмирания совзнака продолжался: он эмитировался для ликвидации разменного кризиса летом 1923 года, а осенью — для финансирования хлебной кампании. Постепенно совзнаками стали осуществляться лишь мелкие платежи, где червонец не мог использоваться из-за высокой купюрности. На 1 января 1923 года обращение на 97 % состояло из совзнаков, на 1 апреля 1924-го — на 4 %. Расширялись расчеты и сделки в "золотом или червонном исчислении", на него были переведены налоговые ставки. Это способствовало бюджетной стабилизации.

К тому времени стабилизировалась и экономика. Шел подъем сельского хозяйства, хлеб начал экспортироваться. Продукция промышленности росла. Аппарат сбора налогов был улучшен. Сальдо торгового и платежного балансов с июля 1923 года стали положительными. Все это сказалось на доходах бюджета. Расходы сократились, в том числе и из-за окончания войны. С 1924 года государство прекратило прямое инвестирование в тяжелую промышленность и стало давать предприятиям кредиты. Число госслужащих было сокращено. Местные бюджеты были отделены от центрального.

Если в октябре — декабре 1922 года эмиссия составляла 46 % доходов бюджета, то в июле — сентябре 1923-го — 15 %.

В феврале 1924 года правительство остановило эмиссию, начало выкуп совзнаков и выпуск новых твердых казначейских билетов. Первоначальный курс для обмена совзнаков на новые деньги был установлен на уровне 50 тыс. совзнаков 1923 года (или 50 млрд старых рублей) за 1 руб. золотом. Из-за острого разменного кризиса курс для мелкокупюрных денег в отдельных районах страны был на 20–30 % выше. В апреле совзнаки прекратили хождение, взамен в обращение была выпущена серебряная монета. Формально казначейские рубли не связывались с червонцем, но фактически реформа установила единую валюту, так как они обменивались друг на друга без ограничений по курсу 10 билетов за червонец.

Основная причина успеха реформы — оздоровление государственных финансов. В 1924–1925 годах дефицит составлял не более 6 % расходов бюджета и был покрыт путем займов и выпуска разменной монеты. Большую роль сыграла денатурализация экономики, повысившая спрос на деньги. Положительным явлением было и резкое обесценивание совзнаков: они стали крайне неудобным платежным средством, и червонцы не только заменили их как средство накопления, но и вытеснили из оборота. За полтора года параллельного обращения новая валюта доказала свою устойчивость и завоевала доверие экономических субъектов, и после реформы, когда стали обращаться только выпускавшиеся очень ограниченно и вызывавшие доверие деньги, рост цен был не выше темпа эмиссии. Вводя новую денежную единицу на рынке, где оно имеет контроль над ее ценностью, государство может убедить экономических агентов в серьезности намерений стабилизировать денежное обращение. Замещение быстро инфлирующей валюты стабильной по мере роста спроса на нее обеспечило правительству необходимый сеньораж на период реформы и дало средство для стабилизации.

Уникальность реформы, состоявшая в наличии периода параллельного обращения, связана и с идеологией государства диктатуры пролетариата. Червонцы не были легальным средством обращения и, как правило, не могли использоваться в частных контрактах. Частные кредиторы не были обязаны их принимать, да и опасались. Высокие номиналы исключали их попадание в розничную торговлю. Червонцы использовались в кредитовании Госбанком и в сделках между государством и госпредприятиями. Пролетарское государство хотело иметь стабильную денежную единицу для своего пользования, которую не мог использовать частный сектор. Оно хотело собирать сеньораж, не облагая инфляционным налогом собственные предприятия, и параллельное обращение было попыткой перенести основную тяжесть налогообложения на частников. Преднамеренно поддерживаемая инфляция совзнаков стала инструментом так называемого первоначального социалистического накопления (по аналогии с первоначальным капиталистическим накоплением у Маркса).

Григорий Сокольников, в 1922–1926 годах занимавший посты замнаркома финансов, наркома финансов РСФСР и СССР, писал, что экспроприация денежного капитала была одной из величайших экспроприаций в ходе революции, так как путем эмиссии в денежном капитале было экспроприировано не меньше, “чем в фабриках, заводах, землях”.

“Жил на свете частник бедный…”

Глава двадцать вторая

Атмосфера нэпа в советской литературе

Герой рассказа “Прелести культуры” (1927) Михаила Зощенко вышел проветриться. По дороге он встречает знакомых девушек, и те зазывают его в театр. Герой соглашается. В театре пальто нужно сдать в гардероб, и здесь случается конфуз. У героя под пальто только исподнее. Он об этом не подумал, потому что когда в прошлый раз был в театре, никто не раздевался. Но сейчас настаивают: “ — Это… не девятнадцатый год — в пальто сидеть”. Спасибо нэпу — затопили. Недалекий герой комментирует события так: “Даже вот когда в эпоху военного коммунизма нэп вводили, я не протестовал. Нэп так нэп. Вам видней. Но, между прочим, при введении нэпа сердце у меня отчаянно сжималось. Я как бы предчувствовал некоторые резкие перемены. И действительно, при военном коммунизме куда как было свободно в отношении культуры и цивилизации… сиди, в чем пришел. Это было достижение”.

Борис Пастернак в “Докторе Живаго” (1957), описывая начало нэпа, а точнее, события весны 1922 года, говорит о снятии запретов с частной предприимчивости, разрешении свободной торговли “в строгих границах”: “Совершались сделки в пределах товарооборота старьевщиков на толкучем рынке. Карликовые размеры, в которых они производились, разви-

вали спекуляцию и вели к злоупотреблениям. Мелкая возня дельцов не производила ничего нового, ничего вещественного не прибавляла к городскому запустению. На бесцельной перепродаже десятикратно проданного наживали состояния. Владельцы нескольких очень скромных домашних библиотек стаскивали книги из своих шкафов куда-нибудь в одно место. Делали заявку в горсовет о желании открыть кооперативную книжную торговлю. Испрашивали под таковую помещение. Получали в пользование пустовавший с первых месяцев революции обувной склад или оранжерею тогда же закрывшегося цветоводства и под их обширными сводами распродавали свои тощие и случайные книжные собрания”.

Почти по Ленину, который в конце 1921 года сказал про нэп: “Вместо товарооборота получилась обыкновенная купля-продажа”. Но Пастернак пишет об интеллигенции и о самом начале нэпа, когда голодали почти все. Дальше рыночная экономика начнет очень быстро развиваться.

■ ■ ■

Городскому жителю, герою “Попугая” Зощенко, которого мы упоминали в предыдущей главе, крестьянская жизнь, возможно, казалась сносной, но сами крестьяне так не думали. Они протестовали против продразверстки, которая отнимала процентов семьдесят выращенного хлеба. Нэп заменил ее продналогом, составлявшим примерно 30 % выращенного. Государство надеялось, что остальное крестьяне станут продавать по рыночным ценам из-за необходимости покупать промышленные товары — ткани, инструменты и прочее. В 1924 году удается обуздать гиперинфляцию и ввести в оборот твердые деньги — золотой червонец.

Несмотря на эти изменения, деревне по-прежнему живется плохо. Государство обирает крестьян разными полуэко-

номическими методами, считая сельское хозяйство источником средств для индустриализации. Так, в 1923 году возникают "ножницы цен" — дисбаланс между ценами на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Товары, выпускаемые контролируемой государством промышленностью, — худшего качества, чем до революции, но стоят гораздо дороже, примерно раза в три при переводе цен на пуды пшеницы.

Ножницы цен и обнищание деревни по сравнению с городом с блеском зафиксировал Валентин Катаев в повести "Растратчики" (1926), когда нэп был в самом разгаре. Филипп Степанович Прохоров и Ванечка, главный бухгалтер и курьер одного неназванного в повести московского учреждения, пускаются в бега с месячной зарплатой всего трудового коллектива. Сначала герои едут в Ленинград, где кутят несколько дней. Посещают Владимирский клуб, где "безо всякого аппетита" едят свиные отбивные и пьют портвейн, херес, пиво. Заходят в кафе "Олимп", "где посредине, в стеклянном ящике, всегда выставлен громадный поросенок с фиалками во рту". Ванечка "танцует" даму сердца в "Европейской", где посетители ресторана едят "паровую осетрину под грибным соусом". Он требует "шампанского и ликеров по карточкам" и заказывает себе из буфета сигару за пять рублей (для сравнения: месячная зарплата уборщицы в учреждении, где работали герои, составляла 25 руб.).

Потом герои решают податься на юг, "в замечательный городишко" Укрмутск, но выходят из поезда в городе Калинове — в деревне Верхняя Березовка Успенской волости Калиновского уезда живет родная мать Ванечки. В калиновском трактире находится только яичница с колбасой, а когда герои добираются до дома матери, то старуха, не видевшая сына много лет, может собрать на стол только хлеб и грузди. Даже нормальные папи-

росы в деревне не достать. По дороге обратно герои два раза заворачивают в “Деревенковские потребительские товарищества”, но там нет других товаров, кроме веревок и ведер. Наконец покупают папиросы в Калинове. Стоило только Филиппу Степановичу закурить “незнакомую марку” “Нимфа” Курской табачной фабрики, как “половина едкого табака высыпалась из мундштука на язык, гильза сморщилась, пожухла, скрючилась, из папиросы с треском повалил дым и запахло паленым козлом”.

■ ■ ■

Промышленная политика времен нэпа вводила регистрацию торговых предприятий в заявительном, а не разрешительном порядке, и дозволяла наем до 20 работников, что было серьезным отходом от принципов коммунизма, ведь Карл Маркс считал, что критическая численность персонала — семь человек: при таком количестве владелец предприятия не может сильно разбогатеть, и эту цифру помнили. Разрешается создание акционерных обществ. С 1923 года иностранным компаниям начинают предоставлять концессии. Проводится денационализация мелких предприятий, крупные остаются в собственности государства, но получают полную хозяйственную и финансовую независимость вплоть до права привлекать долговое финансирование, в том числе через облигации. Предприятия объединяются в тресты. В 1922 году в стране действовал 421 трест. Предприятия, входившие в трест, снимались с государственного снабжения и переходили к закупкам ресурсов на рынке. Тресты сами решали, что производить и где реализовывать продукцию.

Действие “Двенадцати стульев” (1928) Ильи Ильфа и Евгения Петрова разворачивается в 1926–1927 годах. На это в тексте имеется множество указаний. В Старгороде, куда прибы-

вает Ипполит (он же Киса) Воробьянинов в поисках семейных бриллиантов, собираются пустить трамвай к "девятой годовщине Октября". Когда Остапа Бендера с Кисой ссаживают с агитационного корабля, великий комбинатор подводит итог приобретениям, и в активе у него "путеводитель по Волге издания тысяча девятьсот двадцать шестого года". В Васюках он увлекает шахматистов идеей "Международного васюкинского турнира 1927 года".

В моде новые слова. Авторы "Двенадцати стульев" называют Кису и Бендера "концессионерами": концессия — это их предприятие по поиску семейных драгоценностей Воробьянинова. В Старгороде для прокладки трамвайных путей собираются создавать акционерное общество, "в которое учредители — Пищетрест, Маслоцентр, канатчики, НКПС (Народный комиссариат путей сообщения) — внесут деньги, и еще оно возьмет ссуду у Госбанка и Комбанка".

В "Золотом теленке" (1931) Остап Бендер рассматривает такие честные способы отъема денег у населения, как "организация акционерного общества по поднятию затонувшего в крымскую войну корабля с грузом золота" или концессия "на снятие магазинных вывесок".

Многие герои "Двенадцати стульев" — мелкие предприниматели. Отец Федор разводит кроликов, а когда обнаруживает, что никто не покупает кроличьего мяса, начинает устраивать домашние обеды, которые имеют большой успех. Он мечтает о том, что после нахождения бриллиантов обзаведется собственным свечным заводиком под Самарой. Когда Остап приходит в дом бывшего сотрудника Старкомхоза, владеющего архивом, по которому можно проследить историю заветных стульев, он представляется человеком "свободной профессии" — владельцем "собственной мясохладобойни на артельных началах в Самаре". Мадам Грицацуева — лавочница, занимается бакалейным делом: она "была оштрафована на пят-

надцать рублей за то, что не вывесила на видном месте прейскурант цен на мыло, перец, синьку и прочие мелочные товары".

В "Золотом теленке" миллионер Александр Иванович Корейко сначала заработал капитал на перепродаже химической продукции трестов госзаводам "по удесятеренной цене", а затем создал "открыточное предприятие" при большой стройке электростанции в Средней Азии, "заручившись договором, по которому он получал четвертую часть всех барышей".

■ ■ ■

При переходе к нэпу были ликвидированы трудовые армии, отменены обязательная трудовая повинность и основные ограничения на смену работы. В промышленности и других отраслях экономики была восстановлена денежная оплата труда, введены тарифы, уменьшающие уравниловку, сняты ограничения для увеличения заработков при росте выработки.

Введение нэпа дает эффект очень быстро: за период 1921–1928 годов среднегодовой темп прироста ВВП составил 18 %, правда, нужно учитывать, что это был подъем с очень низкой базы. Рост экономики позволяет быстро поднять уровень жизни, особенно в городе. Пока не начали крупные стройки (строительство Днепрогэса шло с 1927 года), почти весь прирост ВВП шел на то, чтобы "накормить страну".

В рассказе Зощенко "Мадонна" (1923) герой, "товарищ Груша", получает прибавку зарплаты в 50 %, у него заводятся лишние деньги. Когда деньги оказываются на руках, он сначала идет в Петроградское единое потребительское общество, где съедает две порции гуся, а потом позволяет себе пойти и "к Палкину" — в ресторан, посещаемый знаменитостями, где снова заказывает гуся и съедает аж три порции. Если герои Катаева кутят на украденные деньги, то герой Зощенко гуляет на свои.

Кстати, расцвет потребкооперации — тоже феномен нэпа. Прогуливаясь по Невскому, Груша начинает обращать внимание на то, что “кругом магазины, кругом блеск огней, кругом женщины так и щебечут, так и поют, кругом необыкновенное кипение жизни. Европа! Совершеннейшая Европа!”

Бандит Ленька Пантелеев, герой Льва Шейнина из одноименного рассказа 1924 года, действовавший в Питере, ведет свою даму в знаменитый ресторан Донона — тот самый, который “вновь наконец открылся после нескольких лет революции и гражданской войны”. А там все как раньше: “...из общего зала ресторана донесся смешанный шум голосов, женского смеха, звуков настраиваемых инструментов. Мягко ударил в нос сложный, дразнящий запах дорогого ресторана: какая-то специфическая смесь духов, сигарного дыма, горячих блюд. <...> Ресторан был уже полон. За столиками сидели удачливые дельцы, нарядные женщины, трестовские воротилы, какие-то молодые люди с чрезмерно черными бровями и совсем еще юные, но уже очень развязные пижоны”. Суд над Пантелеевым привлекает самую разношерстную публику: “нэпманских сынков”, “жуирующих пижонов с Невского”, “мануфактурных королей из Гостиного”, “содержательниц тайных домов свиданий”, “карманников с Сенного рынка”...

Москва не отстает от Северной столицы. Александр Иванович Корейко “вынырнул” в Москве в 1922 году. Атмосфера там сродни той, что отличала Нью-Йорк в эпоху процветания: “...в Москве в ту пору уже бегали новые моторы с хрустальными фонарями, двигались по улицам скоробогачи в котиковых ермолочках и в шубках, подбитых узорным мехом «лира». В моду входили остроносые готические штиблеты и портфели с чемоданными ремнями и ручками. Слово «гражданин» начинало теснить привычное слово «товарищ», и какие-то молодые люди, быстро сообразившие, в чем именно заключается радость жизни, уже танцевали в ресторанах уанстеп «Дикси»

и даже фокстрот «Цветок солнца». Над городом стоял крик лихачей, и в большом доме Наркоминдела портной Журкевич день и ночь строчил фраки для отбывающих за границу советских дипломатов”.

Фраки для дипломатов нужны потому, что Советы взялись спешно налаживать дипломатические отношения с западными странами. У памятника героям Плевны действует черная валютная биржа, где околачивается Корейко.

Впечатляет и описание “международного вагона” из катаевских “Растратчиков”, курсирующего, однако, по территории СССР: “красное дерево, собственная уборная, зеркала, отлично вышколенная прислуга, идеальное постельное белье, прохладные простыни, скользкие наволочки, синяя лампочка-ночник, вагон-ресторан под боком — симфония ощущений!”

■ ■ ■

Действие “Золотого теленка” происходит в 1928–1930 годах: “…ранней весной 1928 года почти все известные дети лейтенанта Шмидта собрались в московском трактире, у Сухаревой башни…”, “С получением сего… предлагается вам в недельный срок освободить помещение бывш. гостиницы «Каир» и передать… в ведение гостиничного треста. Вам предоставляется помещение бывш. акц. о-ва «Жесть и бекон». Основание: постановление Горсовета от 12/1929 г.”. Это закат нэпа.

Корейко “чувствовал, что именно сейчас, когда старая хозяйственная система сгинула, а новая только начинает жить, можно составить великое богатство. Но уже знал он, что открытая борьба за обогащение в советской стране немыслима… возможна только подземная торговля, основанная на строжайшей тайне”. Поэтому он “с улыбкой превосходства” смотрит “на одиноких нэпманов, догнивающих под вывесками «Торговля товарами камвольного треста Б. А. Лейбедев», «Парча

и утварь для церквей и клубов» или «Бакалейная лавка Х. Робинзон им. Пьятница». Под нажимом государственного пресса трещит финансовая база и Лейбедева, и Пьятницы, и владельцев музыкальной лжеартели «Там бубна звон»”. Предчувствуя судьбу нэпманов, большую часть денег Корейко зарабатывает нелегально и тщательно скрывает свое богатство.

В романе появляется страшная фигура фининспектора. В скобках заметим, что, по одной из версий, стихотворение Маяковского “Разговор с фининспектором о поэзии” (1926) появилось в связи с тем, что поэту вменили слишком высокий налог. Довольно богатый человек, владелец галантерейного магазина, расположенного “наискось от кино «Капиталий»” в Черноморске, который “безмятежно торговал бельем, кружевными прошвами, галстуками, пуговицами и другим мелким, но прибыльным товаром”, однажды вечером “вернулся домой с искаженным лицом”: ему было страшно — его обложили налогом. Дальнейшие события позволяют понять, как высок налог: “На другой день он сдал полмагазина под торговлю писчебумажными принадлежностями. Теперь в одной витрине помещались галстуки и подтяжки, а в другой висел на двух веревочках огромный желтый карандаш. Потом настали времена еще более лихие. В магазине появился третий совладелец. Это был часовых дел мастер, оттеснивший карандаш в сторону и занявший половину окна бронзовыми часами с фигурой Психеи, но без минутной стрелки. <... > Еще дважды посетило галантерейщика горе-злосчастье. В магазин дополнительно въехали водопроводный мастер, который тотчас же зажег какой-то паяльный примус, и совсем уже странный купец, решивший, что именно в 1930 году от рождества Христова население Черноморска набросится на его товар — крахмальные воротнички”. Словом, бизнес был убит.

Когда Бендер и компания добираются до Черноморска, к ним на работу в “Рога и копыта” просится старый зицпредсе-

датель Фунт, роль которого — сидеть в тюрьме за чужие махинации. Он сидел еще при Александре Втором "Освободителе", при Александре Третьем "Миротворце", при Николае Втором "Кровавом", при Керенском. При военном коммунизме он совсем не сидел, "исчезла чистая коммерция, не было работы". "Но зато как я сидел при нэпе! Как я сидел при нэпе! Это были лучшие дни моей жизни. За четыре года я провел на свободе не больше трех месяцев", — восклицает он. Сейчас бизнес еле теплится: "А теперь я хожу и не узнаю нашего Черноморска. Где это все? Где частный капитал? Где первое общество взаимного кредита? Где, спрашиваю я вас, второе общество взаимного кредита? Где товарищество на вере? Где акционерные компании со смешанным капиталом? Где это все?"

■ ■ ■

Не успел закончиться нэп, как возник дефицит, причем тотальный. Адам Козлевич просит Остапа Бендера прислать ему в Черноморск из Москвы "маслопроводный шланг, хоть не новый": "Здесь на базаре положительно нельзя достать. Поищите на Смоленском рынке, там, где продают старые замки и ключи". Сам Бендер, путешествующий по стране после ограбления Корейко, не может получить номер в гостинице. В одном городе ему обещают номер "разве что через месяц": "...покуда на электроцентрали не смонтируют третий агрегат, и не надейтесь. Все под специалистов отдано. И потом — окружной съезд комсомола". Положение отчаянное: "В одном месте воздвигали домну, в другом — холодильник, в третьем — цинковый завод. Все было переполнено деловыми людьми. В четвертом месте Остапу поперек дороги стал пионерский слет". В итоге великий комбинатор 15 ночей проводит в поездах. С одеждой тоже проблемы: "Костюм, туфли и шляпа — были куплены в комиссионном магазине и при всей своей превос-

ходной доброте имели изъян — это были вещи не свои, не родные, с чужого плеча. Их уже кто-то носил, может быть час, минуту, но все-таки таскал кто-то чужой”. “Обидно было и то, что правительство не обращает никакого внимания на бедственное положение миллионеров и распределяет жизненные блага в плановом порядке”, — иронизируют авторы.

Не лучше обстоит дело и с постройкой “особняка в мавританском стиле”. Участок еще можно было получить, но в строительной конторе заявили, что строят только “для коллективов и организаций”. А дальше состоялся такой диалог:

— Кооперативных, общественных и хозяйственных? — спросил Бендер с горечью.
— Да, для них. <... > А вы стройте сами.
— Да, но где же я возьму камни, шпингалеты? Наконец, плинтусы?
— Добудьте как-нибудь. Хотя это трудно. Контингенты уже распределены по заявкам промышленности и кооперации.

Довершает картину превращение созданной Бендером конторы “Рога и копыта” в гособъединение. Это в духе времени, ведь нэп сворачивается. В декабре 1927 года, после срыва осенних хлебозаготовок, крестьян начинают “раскулачивать” и вновь отбирать у них хлеб. Раскулачиванию подверглись не менее миллиона хозяйств, то есть 5–6 млн человек, а депортировано — 4 млн. С 1928 года реализуется первый пятилетний план развития народного хозяйства, а в 1931-м с введением запрета на частную торговлю эпоха нэпа заканчивается и юридически. И вновь вводят карточки на продовольственные товары: на хлеб — в 1929-м, на остальные продукты — в 1931-м. И чем дальше от нэпа, тем меньше становятся нормы. Крестьянам карточек, конечно же, не полагается, и голодомор в СССР 1932–1933 годов, по разным оценкам, уносит жизни от 2 до 7 млн человек.

Коротко подведем итог. Итак, мы увидели, что экономические отношения, историю финансов, предпринимательства и другие экономические дисциплины можно изучать по литературным произведениям. В чем же преимущества такого подхода?

Во-первых, в художественных произведениях зачастую задокументированы такие аспекты экономической жизни, узнать о которых из научных источников затруднительно. Например, Бальзак в повести “История величия и падения Цезаря Бирото” до мельчайших нюансов описывает не только особенности французского законодательства первой трети XIX века, регулирующего банкротство, но и практику его применения.

Во-вторых, писатели иногда выдвигают такую версию известных событий, которая противоречит общепринятым трактовкам экономистов и заслуживает самого тщательного рассмотрения и проверки. Например, Синклер в романе “Дельцы” утверждает, что паника на американских финансовых рынках 1907 года была срежиссирована крупнейшим финансовым магнатом того времени Джей Пи Морганом с целью вытеснения конкурентов в банковском секторе и захвата прибыльных про-

мышленных предприятий. И эта версия имеет право на существование: Синклер писал роман, опираясь на инсайдерскую информацию, полученную от участников событий.

В-третьих, есть отдельные примеры того, как выдающиеся литераторы смогли постичь суть того или иного экономического явления и отразить ее в художественном произведении, чего, однако, до сих пор не сумели сделать ученые. Лучший пример — роман "Деньги" Золя. Его экономическая линия посвящена закономерностям формирования финансового пузыря, и в романе со знанием дела описаны все важнейшие составляющие этого процесса. Обобщающей научной монографии на эту тему я не встречала.

В-четвертых, важна и сила воздействия художественного текста. Одно дело, когда мы говорим, что в Великую депрессию фондовый рынок США упал на 90 %, ВВП — на 30 %, а безработица составила 25 %, и совсем другое, когда мы читаем "Табачную дорогу" Колдуэлла или "Гроздья гнева" Стейнбека. Сухая статистика по безработице оживает; читая роман, мы проживаем происходящее, начинаем понимать, о чем идет речь: при отсутствии пособий массовая потеря работы выливается в лавину голодных смертей. И уже на эмоциональном уровне становится понятно, почему переход Теодора Рузвельта к социальному государству считается крупнейшим достижением его политики.

В-пятых, изучение экономики на основе мировой литературы позволяет подключить к овладению азами этой науки широкий круг людей. Лежишь на диване, читаешь роман, получаешь удовольствие — и одновременно хорошее образование. Идея "два в одном" вполне в духе сегодняшнего дня. А экономика — как раз такая дисциплина, знать которую для применения на практике желательно всем, и бизнесменам, и домохозяйкам: экономические знания помогают сэкономить даже при покупке мороженого в кафе.

И, наконец, литература позволяет провести параллели с нашей сегодняшней реальностью. Из сухих документов и научных текстов эти аналогии не так явно проступают. А так на примере Синклера мы видим, что у нас сейчас миноритарных акционеров “кидают” по тем же схемам, какие использовались в начале XX века в США; при чтении Стейнбека становится понятно, что сегодняшние взаимоотношения москвичей и гастарбайтеров из Средней Азии мало чем отличаются от взаимоотношений коренных калифорнийцев с приехавшими на временные заработки разорившимися фермерами со Среднего Запада США в 1930-е годы. Коррупционные схемы у Драйзера — из той же оперы.

К аналогиям принято относиться сдержанно, иногда насмешливо, особенно когда речь заходит об истории или политике. Однако сходство явлений, на котором строятся аналогии, это именно то, что позволяет нам понимать прошлое и прогнозировать будущее, находить общий язык друг с другом. Литература же — сплав эстетических, этических, социальных, экономических, исторических “ингредиентов” — дает для этого самую богатую пищу, углубляя, расширяя, обогащая наше восприятие жизни.

CORPUS

литературно-художественное издание

Елена Чиркова

От золотого тельца до “Золотого теленка”

Что мы узнаем из литературы об экономике и из экономики о литературе

Главный редактор Варвара Горностаева

Художник Андрей Бондаренко

Редактор Юрий Буйда

Ответственный за выпуск Ольга Энрайт

Технический редактор Наталья Герасимова

Корректор Ирина Дьячкова

Верстка Марат Зинуллин

Настоящее издание не содержит возрастных ограничений, предусмотренных федеральным законом “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” (№ 436-ФЗ)

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005–93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура *OriginalGaramondC*
Печать офсетная. Усл. печ. л.
Тираж экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

ООО “Издательство АСТ”
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

“Баспа Аста” деген ООО
129085 Мәскеу қ., Жұлдызды гүлзар, 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО “РДЦ-Алматы”
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию
в Республике Казахстан: ТОО “РДЦ-Алматы”

Интернет-дүкен: www.book24.kz
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы “РДЦ-Алматы” ЖШС
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС
050039 Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”, литер Б, офис 1
Тел.: +7 (727) 251-59-89, 90, 91, 92, факс: +7 (727) 251-58-12, доб. 107
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:
123317 г. Москва, Пресненская наб., д. 6, строение 2, БЦ “Империя”, а/я №5
Тел.: +7 (499) 951-60-00, доб. 574
E-mail: opt@ast.ru

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.